

Военная фантастика

Александр Прозоров
Андрей Посняков

ВАТАГА. АТАМАН

Атаман
Воевода
Новая Орда
Крестовый поход

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П78

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 43

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Прозоров, Александр; Посняков, Андрей

П78   Ватага. Атаман. Воевода. Новая Орда. Крестовый поход : сборник / Александр Прозоров, Андрей Посняков. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2022. — 912 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-148645-7

Наш современник, Егор Вожников, по своей собственной воле вдруг оказался в 1409 году. Возглавив ватагу ушкуйников — речных пиратов, — он не только сумел неплохо устроиться в средневековой Руси, но и нашел любимую женщину Елену, да не какую-нибудь, а княжну! Именно она подтолкнула Егора к мысли, что пора ему самому становиться князем.

Однако иные удельные владыки не желают признавать в нем равного, а великий князь Василий угрожает повесить за самозванство, словно обычного татя. А еще на пути Егора стоит коварная Орда, где старый эмир Едигей — давний враг Руси — по-прежнему сажает на трон угодных ему ханов. Претендентов на ордынский престол хватает: все чингизиды, сыновья Тохтамыша, искренне ненавидящие друг друга. Кривая ордынская сабля вновь зависает над русскими землями. Пока у татар — распря, и Егор — князь Заозерский — понимает, что другого шанса подчинить себе Орду может и не оказаться... А ведь за спиной притаилась могучая, как никогда, Литва! И сильный недруг — князь Витовт.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Александр Прозоров, 2022
© Андрей Посняков, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-148645-7

Атаман

Глава 1

БАНЬКА ПО-ЧЕРНОМУ

Скрипнула береза. Упал с высоких елей подтаявший на выглянувшем солнышке снег — упал тяжело, словно брошенное спортсменом ядро. Вздрогнув, затих на секунды долбивший ствол сосны дятел. Затих, посидел — и снова принялся за свое дело — тук-тук, тук-тук, тук. Сидевший на горوشке, на небольшой проталине, заяц-русак вдруг насторожился, навострил уши, почуяв вдалеке что-то подозрительное, шумное. Не-ет, не волк пробирался, не лиса — те б так не шумели. Люди! Всадники на сытых хрипящих конях!

Едва заметив их, заяц — пуганый уже — сорвался со своего места, шмыгнув в густые заросли можжевельника, теперь ищи-свищи — не догонишь! Разве только лиса...

А всадники — много, человек сорок — уже выехали на полянку, растянулись по зимнику — дорожке узкой, прямой, — по замерзшим болотам, по озерам да рекам тянувшейся. Слежавшийся на дороге снег еще и не думал таять. Давая густую тень, со всех сторон толпились мохнатые ели, высокие сосны царапали вершинами небо, гулко бились на ветру голые ветки осин. Снег еще лежал сугробами, блестел, искрился на солнце, синел в распадах и буреломах. И все-таки уже по всему видно было — весна! По редким проталинам, по набухшим на вербах почкам, по тому, как пусть редко, но срывалась с деревьев капель, звонкая, радостная, весенняя, звенела, словно медные колокольчики-боталы — динь-динь, динь-динь.

И птицы уже пели веселей, грелись на солнышке — воробышки, снегيري, синицы...

— Что-то сей год грачей не видать, — поправив съехавшую набок круглую, отороченную беличьим мехом шапку, обернулся ехавший впереди всадник — лет тридцати, плечистый, с красивым круглым лицом, обрамленным рыжей кудлатой бородкой.

— Да уж, не видать, — кивнул мосластый чернявый мужик с нехорошим взглядом, одетый в короткий темно-синий кафтан с вырезами и меховым подбоем. — Хоть и пора бы. И снегу еще полно — по всему приметам, весна нынче затяжная будет. То нам на руку! А, Афанасий, не так?

— Нам-то на руку, — усмехнулся в рыжие усы Афанасий. — Так и тем, кого мы ловим — тоже.

— Поймаем!

Поправив висевшую на боку саблю, чернявый засмеялся, противно этак дребезжаще-визгливо, словно бы с силой поскреб железом по стеклу. От смеха его Афанасий скривился и, сплюнув в снег, махнул рукой остальным:

— Ну, чего едва тянетесь? Давай, погоняй лошадок — нам к погосту-то дотемна б успеть.

Остальные всадники выглядели куда моложе этих двух, да и одежонку имели похуже — кто в полушубке нагольном, кто в армяке, у многих еще и заячьи треухи. Однако ж все оружны — не считая луков-стрел, еще и короткие рогатины-копья, тяжелые сабли, секиры да шлемы к седлам привешены, да в переметных сумках тяжелое что-то позвякивает — доспехи, видать. Ой, не на охоту молодцы собрались!

— Скорей, скорей, — взмахнув плетью, подогнал Афанасий, похоже, он и был тут за главного. — Поспешай. По реке-то дорожка куда как хуже пойдет — подтаивает, солнце-то — эвон!

Словно в подтверждение его слов последний выехавший на поляну парень вдруг провалился — коню по грудь. Лошадь захрипела, задергалась...

— Да что ты сидишь-то, орясина! — возмущенно заорал чернявый. — Давай спешивайся, да коню своему помогай.

Скинув с плеча саadak, парняга так и сделал — ухватил под уздцы лошадь, выбрался и, утерев выступивший на лбу пот широкой, как лопата, ладонью, посетовал:

— Ну и снега тут, прости господи! У нас-то на Москве, поди, уж и травка первая пошла, и цветочки.

— Ага... васильки заколосились, — чернявый глумливо прищурился. — Давай, догоняй наших. Пуцай прямо по реке скачут, а у старой сосны, у развилки, — ее видать будет — на отдых встанут.

— А вы, дядько Тимофей?

— А мы вас нагоним. Да! Костры там не разводите — поедим насухую да в путь.

— Понял, — поклонившись, парень взметнулся в седло. — Всем передам!

— Саadak-то с сугроба возьми, чудо!

Оплошавший всадник резко завернул коня, свесился в седле — едва не упасть, — подхватил из сугроба потерю. И чего было саadak к седлу не привесить? Наверное, места уже не хватало, много чего у парняги висело — и плоский татарский шелом, и шестопер увесистый, и кольчужка в мешке звенела... или — что там? Бахтерец, байдана?

— Инда брони не зря взяли? — проводив взглядом отъехавшего, Тимофей пригладил черную густую бороду. — Ты ж, Афанасий, сказал — все чисто будет.

— И чисто, — усмехнулся напарник в рыжие усы. — Коль беглецы, как мыслю, на Биричевых выселках. А ну, как на погосте у Паш-озера остались? Там люди не наши — новгородские. С боем погост брать придется, а потом — сжечь!

— Сжечь! — довольно кивнул Тимофей. — Моя бы воля — весь их Новгород бы сожг ко всем чертям!

— Погоди-и-и, дай срок! Отойдем от Едигея, Василий-князь и...

— Слушай-ка... — Чуть помолчав, Тимофей подозрительно огляделся по сторонам: — Я так мыслю — не зря мы тут остались?

— Не зря, — бросил старшой. — Хочу тебя на Сярг-озеро, на заимку, послать. Людишек дам с полдюжины и проводника — одноглазого Конди, он те места знает. Сейчас и поскачете — там, на развилке, простимся. Мы — к погосту, вы — к озеру. Сейчас один там на заимке — дед Федот, да беглецы. Сразу всех их и... того. А тела потом сюда привезешь, волокушу сладишь.

— Сярг-озеро? Это хоть где?

— Ох... — Афанасий вдруг оборвал беседу, задумался, словно что-то важное вспомнив, а потом, понизив голос, продолжил: — От погоста далече, день пути, а то и все два. Не дает оно мне покоя — вдруг да шпыни туда подались? Уйдут — что тогда боярину, да ладно боярину — князюшке нашему скажем?! Молчишь? Вот то-то и оно. Потому тебя с Конди туда и посылаю. Так, посмотреть — а вдруг? Там, с развилки-то, прямой путь навстречь солнцу.

— Навстречь солнцу? — изумленно переспросил Тимофей. — Они ж оттуда бежали, не так?!

— Так. Однако до погоста могли еще и не добраться. Ты глянь! Вдруг да там они? — старшой пригладил кудлатую бороду, ухмыльнулся. — Я так мыслю, беглецы сейчас опаски за собой не чувят — земли-то Московские кончились! Смотри, Тимоша, Конди говорит — места там зело глухие, боры кругом, урочища. Если стрелами будете бить, так — наверняка, а лучше уж копьём или сабелькой — для надежности! Ну, там, на месте, сообразите.

— А с чего взяли, что шпыни те на Новгород решили податься? — Тимофей все же посомневался, хотя видел — старшому это не нравилось. — Могут ведь и на Хлынов.

Ну, нравится, не нравится — чай, не бабы, не красные девицы собрались — дела решали серьезные. Удастся все, как надо, сладить — и серебра немалая толика, и почет немалый и, самое главное — земляца от князя московского. Пусть хоть не Белозерье — да своя. Две б — три деревеньки с холопями...

— Могут и на Хлынов, но не дошли еще никуда — не успели. А ты што, Тимоха, разулыбался-то? Жену свою вспомнил?

— Нет у меня жены, Афанасий. В прошло летось от лихоманки сгорела.

— От лихоманки-и-и? — недоверчиво прищурился левый глаз, протянул старшой. — А люди говорят, ты ее... Ладно! Чужие дела ворошить — грех. Все у тебя? Узнал, что надо? Инда — спроси еще.

— Спрошу, — Тимофей поиграл желваками, видать, не очень-то ему понравилось упоминание о безвременно погибшей супруге. — А ежели так станется, что шпыни — на погосте или на выселках Биричевских. Вы их возьмете, а язм...

— И ты при деле останешься, в том и не сомневайся, — упрямо набычившись, заверил старшой. — Опасения твои понимаю. Смотри только, не упусти беглецов.

— Не упушу... А что, места-то они ведают?

— Откуда? — Афанасий, не выдержав, хохотнул.

— Значит, смекаю — проводник у них есть, не наобум же бредут по таким лесищам?

— Верно мыслишь, — старшой резко оборвал смех. — Шпыни-то могли и кого-нибудь с собой прихватить — пути-дорожки показывать. Серебришком прельстить или так, силой.

— Значит, выходит, четверо их.

— Пусть так... А тебе, вижу, полдюжины воев мало?

— Да что, что ты! Окстись, — обиженно скривившись, Тимофей замаhal руками. — Нешто с беглыми не управимся? А Федота-старика, верно, и считать нечего.

Покачав головой, Афанасий махнул рукой:

— Ладно, поехали. Вона река — видишь? А дальше, на бережку — сосна кривая, там и развилка. Да приметна — увидим. Ой...

Какой-то резкий и мощный звук вдруг раздался на всю округу, словно кто-то перекатывал по небу огромные камни или вдруг ударили разом с десятков тюфяков-пушек!

— Что это, гром, что ли?

— А и гром! Гроза, — приподнявшись в седле, Тимофей, указывая, вытянул руку. — Вона, глянь, за тем леском — туча.

— Господи... верно — туча. Зеленая какая-то. Зимой и гроза — нечасто такое бывает. Обычно говорят — не к добру.

Из зеленоватой, кочками нависшей над дальним лесом тучи плеснула синяя молния, снова ударил гром.

— Ой, не к добру, — осеняя себя крестным знамением, повторил старшой.

Тимофей кивнул и тоже перекрестился:

— Ну, поскачем к развилке, что ль?

— И где же твоя развилка? — притормозив, Егор посмотрел на своего пассажира — молодого, лет двадцати с лишком, парня, широкоплечего, с круглым и каким-то по-детски наивным лицом. — Проехали, что ли?

— Ась? — парень недоуменно повернулся, и Егор уменьшил звук магнитолы.

— Поворот, спрашиваю, где? Ты, Леха, спишь, что ли?

Парень смущенно потянулся:

— Да прикемарил малость. Вчера, это самое, зависли с девахами.

— С Валькой, что ль, продавщицей?

— С ней... Слушай, а у нее подруга такая коза — ващце, это самое...

А вот! — Леха вдруг вытянул шею и показал рукой. — Вон развилка-то! Вот она, повертка!

— Проедем?

— На твоём «уазике» — да. А на джипе я б и не пытался. Хорошо хоть не на нём поехали, а то б там сели — кто б вытаскивал?

— Ничего, до лета уж как-нибудь бы прозимовали.

— До лета? Не, мне до лета нельзя.

— Так весна уже — март! Недолго осталось.

Выворачивая руль, Егор искоса посмотрел на своего напарника, явно не относящегося к людям с изысканным чувством юмора, да и не с изысканным-то у Лехи было туговато. Что и говорить — не семи пядей во лбу парень. Зато человек верный, даже родственник, хоть и дальний.

— Не, та коза... ващце, это самое, такая оторва! Слышь, Гоша, мы, это самое, два бутылка сожрали, Валька-продавщица — в умат, а эта коза — хоть бы хны, и уж мы с Корягой ее и так, и этак... Ухх!! А потом, это самое, еще за водярой поехали, на Корягиной «десятке», а у нее бампер оторванный и... Короче, это самое, взяли водяры, Вальку разбудили и козу эту... и опять их перли, перли... Потом опять за водярой поехали, а коза эта попросила пива, короче, едем мы такие, а Коряга — в умат...

Стиснув зубы, Егор прибавил звук — еще летом самолично поставил в «уазик» хорошую акустику — дерьмо не любил слушать, а из музыки предпочитал что-нибудь типа «Арии», «Наив» или там «Король и Шут». И сейчас вот его врубил:

Два вора, лихо скрывшись от погони,
Делить украденное золото решили...

Напарник скривился, словно от зубной боли:

— Слышь, Гоша, а ты, это самое, такую ботву слушаешь... Лучше б шансон поставил — Жеку или, это самое, еще кого-нибудь.

— Ты еще скажи — Стаса Михайлова!

— О! Или Михайлова. Тоже ничего, а?

Егор уже едва сдерживал раздражение:

— Михайлова у себя дома будешь слушать, с продавщицей Валькой и этой своей... козой. Как ее, кстати, звать-то?

— А я знаю? — обиженно отозвался Леха. — Это самое, она, может, и говорила, да не вспомнить теперь. Короче, оно мне надо?

— Тоже верно, — аккуратно объезжая яму, усмехнулся Егор. — Кстати, шансон у меня где-то есть... ну-ка, посмотри в бардачке... во-он ту компашку ставь...

Снова заиграла музыка. На этот раз куда более изысканная, под которую хорошо думалось — иногда Егор слушал и такое, накатывало...

А вот Лехе снова не понравилось:

— Слышь, Гоша — а это что такое?

— Шансон, ты ж просил.

— Да там это самое — не по-русски вроде...

— Так Шарль Азнавур. Погоди, там дальше еще другие будут...

— Ага...

— Жак Брель, Ив Монтан, Брассенс. Тебе понравится, Леха!

— Ох, — напарник опять скривился. — А по-русски там есть?

Егор махнул рукой:

— Так поищи в бардачке-то.

Леха так и сделал, и, порывшись, изумленно вытащил какую-то замуколенную, с загнутыми листами, книжку — «Бухгалтерский учет и аудит».

— Гоша... а че это? Ты в счетоводы податься решил, что ли?

— И решил! — зло бросил Егор. — Книгу на место положи. Живо!

Леха явно испугался, поспешно засунул книжку обратно:

— Да я че? Я ничо. Посмотрел только...

— Леха, сколько у меня пилорам? — помолчав, уже более покладисто произнес водитель.

— Ну, две... если ту, что за Явосьмой, тоже считать.

— А чего ж не считать-то? Две пилорамы, делянки, лесовозы, торги...

А бухгалтер — если не сволочь, так обязательно — пьяница. Какого уже увольняю? Третьего! И это — за полгода. Придется уж самому аудит осваивать, не тебя ж на бухгалтера учиться послать, а, Леха?

— Не-а, не меня... это верно. — Посмеявшись, парень покосился на Егора и несмело взял с заднего сиденья банку пива. — Я еще попью, а? Башка, это самое, со вчерашнего раскалывается.

— Да пей, черт с тобой. Мне банку достань тоже.

— Ага.

— Только смотри, не усни — кто мне дорогу показывать будет? — Егор взгляделся в усыпанный слежавшимся снегом путь. — Впрочем, похоже, «тут в город только одна дорога»

— А мы разве в город едем?

— Короче, если хочешь спать — спи, понадобится — разбуду, понял?

— Угу... Это самое, я только покемарю малехо. Ты буди, если что.

— Еще бы.

Егор покосился в зеркало, хотел было причесать растрепанные с утра волосы, да раздумал — перед кем прихорашиваться-то? В бане девок не намечалось — не за тем ехали, не за девками. И не мыться, то есть — не только мыться. Главное было — встретиться с нужными и «авторитетными» людьми, без слова которых ничего в районе не делалось. Это Егор так просто болтнул про две пилорамы... ну да, после смерти дядюшки вроде бы под него отходили... если так авторитетные люди решат. А могут ведь и по-другому рассудить — всяко бывало. Тогда что ж — и одной пилорамы покуда хватит, а дальше — дальше имелись у Егора мысли, сдаваться он во все не собирался, да и как мог сдать бывший боксер? Кандидат в мастера спорта, пусть среди юношей, пусть — в прошлом, но все-таки. Несмотря на достаточно молодой возраст — неполные двадцать пять лет, — у Егора Вожникова (друзья его называли Гошей) уже многое осталось в прошлом, пусть и не таком дальнем. Служба в армии — еще полтора года захватил, в РВСН под Козельском, опять же — бокс, даже один курс в гуманитарном университете, — дальше пришлось бросить, тянуть было некому, скончался отец, мать же умерла еще раньше, когда он был маленьким. Отучился год на факультете социальных наук, ну, и черт с ним — теперь «бухгалтерский учет и аудит» куда как важнее! Тут Егор со многими своими друзьями был согласен — гуманитарное образование это и не образование вовсе, а так, смех один. Ну, изучал он на первом курсе Древнюю Русь да Египет — и что с того? А вот бухучет — совсем другое дело, наука прикладная и в жизни очень даже полезная! Осилить бы... Ничего! Егор улыбнулся сам себе — мы парни упорные, деревенские, не какие-нибудь там городские маменькины сынки, нытики-горлопаны! Осилим, прорвемся — не джебом, так апперкотом или хуком. Не прямо — так снизу или сбоку — укротим злодейку-судьбу, к себе понадежней привяжем! Да и все вроде не худо пока складывалось — пилорамы опять же.. А ведь с водителей у дядюшки начинал! Потом — в «бригады», потом... Много чего было, в том числе

и такого, чего и вспоминать не очень-то хочется, а, впрочем — что было, то было, жизнь есть жизнь. И с бизнесом, и с друзьями неплохо складывалось: еще в университете учась, снюхался Егор с «реконами», с теми людьми, что реконструкцией прошлого занимаются, мечи-брони куют, ладьи-драккары строят, слеты проводят и иной жизни для себя и не мыслят. Вожников, конечно, столь далеко в прошлое не погружался, (оттуда потом некоторых особо увлеченных товарищей только с помощью квалифицированного психиатра выводят, и то далеко не всегда), однако чем-то его все же зацепило — и больше даже сейчас. Может быть, оттого, что был слишком умным? Образование испортило — даже один курс. У всех «нормальных» людей как — «тачка», «хата», шмотки, пьянки-девки, ну, еще какая-нибудь Турция — «все включено» или, не к ночи будь помянут, Таиланд — задницу на песке заграничном погреть, как будто у нас озер мало. Да тут вот летом... такая красотища, отдыхай — не хочу. Так ведь на песке-то лежать — скучно. Ежели за граница — так Егору надобно самому, без всяких турфирм и экскурсоводов гнусавых. А зачем вменяемому взрослому человеку туроператор — лишний паразит-посредник? Интернет, слава богу, теперь в любой глуши есть, заказал билеты и — какой выбрал — отель, что там посмотреть — прикинул, и — с компанией подходящей, реконской, в аэропорт — флаг в руки! А зад — «все включено» — в автобусе или на песке греть — не, это не для Егора. Да реконы то на драккаре по Ладоге позовут, то в лесной лагерь — в средневековых доспехах биться. Вот тут-то уж Егор собаку съел — знал и как кольчуги вязать, и как саблю наточить, чтоб «холодным» оружием не признали, меч даже себе лично из автомобильной рессоры выковал, а вот со шлемом не сладил — пришлось заказать по почте, купить, хоть и не респект это среди реконов — отнюдь! Но многие покупали — не все же мастера-умельцы, а в чем попало на слет не явишься, это ж не какой-нибудь там Толкиен, где и копье из швабры прокатит. У реконструкторов все серьезно, все по-настоящему... почти. Ну, чтоб не убили никого случайно. А вообще, бывали и травмы, и всякие прочие недоразумения; вот, хоть прошлым летом вырвался Егор на недельку — русского ратника пятнадцатого века изображал, все как полагается — со щитом, в шлеме, в доспехе пластинчато-кольчатом — бахтерце, в бывшей совхозной кузнице лично выделанном... Вырвался, а как пошла с крестоносцами сеча, меч поломал — ударил неудачно... ну и зарядил сопернику прямым в челюсть! Как бывший кандидат в мастера по боксу — радовался, милое дело — вражина ногами кверху в ров улетел... Только не засчитали победу! Сказали — не было в те времена современного бокса, а у тебя, мол, удар поставленный — сразу видать. Ишь ты, видать им...

— Гоша, — проснувшийся (а, может, он и не спал, так слегка подремывал) напарник снова потянулся к пиву. — Тебе достать?

— Давай.

Леха забулькал пивом, довольно рыгнул и чуть погода спросил:

— Гоша, а что ты не стрижешься и бородой, вон, запрос? Снова на свою древнюю войнушку собрался?

— Ну, собрался, — Вожников отозвался недовольно, знал — многие знакомые над ним за «реконство» посмеиваются, у виска пальцем крутят.

И пусть!

Когда — в детстве еще — в школьную секцию бокса записывался, некоторые тоже смеялись... до поры до времени только.

— Гош, это самое... а помнишь, ты и меня обещал с собой взять? В прошлом году еще.

— Обещал — возьму, — включив пониженную передачу, покладисто сказал Егор. — Только ты меч себе сделай и какой-никакой прикид. Да — и шлем, без шлема в битву не пустят. Впрочем, шлем я тебе подарю — завалилась у меня где-то мисюрка.

— Что завалилось?

— Шлем такой, в виде купола, с бармицей.

— С чем-чем?

— Кольчужная такая сетка.

— А-а-а... А, это самое, прикид-то можно по Интернету заказать?

— Да можно, конечно. — Егор хохотнул. — Смотри только сначала со мной посоветуйся. А то, помнится, как-то раз случай был — явился такой вот ухарь вроде тебя, весь такой крутой, в рубахе шелковой. Ратника Дмитрия Донского изображал, простого воина — это в шелковой-то рубахе!

— А что?

— Да ты знаешь, сколько тогда шелк стоил?! Ленту тоненькую к подолу пришить, чтоб завидовали — и то дело. А тут — вся рубаха из шелка... у простого-то воина.

— Ну, я это самое, тебя спрашивать буду.

Выдув очередную банку, Леха выкинул ее в окно, в подтаявший мартовский сугроб, и довольно потянулся, глядя на плывшее за деревьями солнце.

— А все же весна уже, да! Припекает.

— Еще и метели будут, и снег.

— Это — само собой... Слышь, братан, а девки на слетах ваших есть?

— Девки? — Вожников прищурился. — Да сколько угодно.

— А они того... это самое...

— А как же! Если понравишься.

Напарник снова замолчал, пошмыгал носом, а потом спросил:

— Гош, а как ты думаешь, я им точно понравлюсь?

Егор скосил глаза, едва сдерживая усмешку:

— Точно-точно! Парень ты молодой, весь из себя видный.

— Правда? Не, короче, это самое, без подколов?

— Истинно так!

— Гош... — как видно, выпитое пиво подвигло напарника на болтовню. — А правда, говорят, ты к бабке Левонтихе ездил?

Егор при таких словах чуть руль из рук не выпустил. Ну, надо же! И про бабуку уже знают — ну, деревня, в одном конце чихнут, в другом прокомментируют.

— Ездил. Меч заговаривал.

— А-а-а... А Валька-продавщица говорила — будто, это самое, венец безбрачия снимать, она к Левонтихе за тем же зааживала... Ха! Не могло.

— Передай Вальке — голову откручу, — нехорошо усмехнулся Вожников. — Чтоб всякие поганые слухи не распускала. И ты смотри у меня...

— Да я ж это... Гоша, это самое... короче — молчу.

— Пей, вон, пиво лучше.

Догадались, блин — венец безбрачия. Егор хмыкнул. Ему, между прочим, еще и двадцати пяти нет. И куда жениться? А самое главное — на ком? Вот как-то так получилось, что не на ком, хотя вообще-то девки на Вожникова кидались еще с ранней юности, особенно — после боксерских поединков на приз района. Егор был парень видный — на лицо этакий весьма приятный прихотливому женскому взгляду: волосы выющиеся, густые, светло-русые, еще и усики, и бородка модная, и серо-стальные глаза, к тому ж весь из себя — мускулистый, подтянутый, прыгучий — в боксе тогда в среднем весе выступал, это вот после армии потихоньку заматерел, потяжелел изрядно. Девки были, да, и немало... но — одно дело секс, и совсем другое — жениться. Вожников, когда слышал от какой-нибудь про «концерт такой здоровский вчера в телевизоре был — Ваенга и — ах — Стас Михайлов», так строить какие-то серьезные отношения с подобной девицей ему уже категорически не хотелось. И здесь не в одних музыкальных пристрастиях дело — Егор, к слову, не такой уж и завзятый меломан был, просто слушал, что нравилось, что к душе ближе лежало. Но вот девицы... Нет, попадались среди них и умные, и даже шибко продвинутые, и даже — страшно сказать — такие, с которыми, может, и сладилось бы, но... Кто ж в эту глушь поедет? Декабристок нет. Хотя и в материальном смысле все у Вожникова нормально было, он даже дом начал строить, уже и кирпич завез, и проект с архитектором разработал лично. Однако — все дела: пилорамы, лесовозы, делянки — здесь, в глуши, за лесами да за болотами, хоть и до райцентра недалеко — всего-то километров сто... ну, сто тридцать. Разве, по российским-то меркам, расстояние?

А честно сказать, просто побаивались его девки. И боксер, и лицом приятен, да еще и умен и... ну, небогат, но без проблем денежных, уж, казалось бы — завидный жених не только по местным меркам. Но вот просто всего в нем много — и то, и другое, и третье... даже и реконская тусовка, как здешние говорили — блажь.

Молодой человек скривился и неожиданно для себя вздохнул. Да встретится еще подходящая, ладно... а то удумали — венец безбрачия, и во все не затем Егор к бабке Левонтихе, местной колдунье, ездил — совсем за другим делом. Встретились как-то случайно в городе, на джазовом фестивале — Вожников туда заглянул музыку «живую» послушать, — увидел знакомое лицо, туда-сюда, разговорились. Он даже потом колдунью почти до самого дома подвез. И та — в машине еще, не в «уазике», в «Опеле», джипе — вдруг такое сказанула... Мол, есть в тебе, Георгий — так Левонтиха Егора называла — одна способность, в роду твоём некогда от отца к сыну передававшаяся, да вот давненько уже утраченная. Способность предчувствовать некие нехорошие события в ближайшей округе дней примерно за восемь-десять, а то и больше даже.

— Ну, вот ты сам-то, Георгий, не помнишь? Может, и с тобой иногда что-то подобное уже случилось?

Случалось, а как же! Вот тот предпоследний бой — закончившийся обидным нокаутом. Пусть техническим, ну и что же...

Действительно, тогда и ехать не хотелось, и на ринг ноги не несли... что-то такое было. И — перед тем, как отец умер.

— Ну. Вот, видишь! Ежели захочешь, эту способность можно в тебе возродить. Сайт у меня есть — расценки посмотришь, свяжешься...

А что, неплохое дело! Всякую пакость предвидеть — и не допустить, как-то воздействовать! Вот сейчас бы точно знал — стоит ли в баньку ехать? Может, авторитетные люди что худое замыслили? Моргнут своим — те враз и пристрелят, а труп в прорубь кинут... трупы — Леха ж еще. А вдруг и Леха с ними — а вот так бы знал! И бухгалтеры... коли б предвидел — ни одного б гада на работу не взял, не надо было б и бухучет штудировать — не особенно-то захватывающую науку.

Вот и съездил к бабке, как раз позавчера и съездил — гляди-ко, уже и сплетни пошли. Это, верно, Машка-почтальонша... или та же Валька. А Вальке откуда знать?

— Леха, вчера с вами что за коза-то была?

— Да ничегошная такая, титьки — во! — обрадовавшись возобновлению доброй беседы, напарник поводит ладонями, обозначив в воздухе нечто размером как минимум с баскетбольный мяч.

Вожников даже хихикнул:

— Ну, брат, заядлого рыбака сразу видно!

— Да я, это самое, отвечаю! Гад буду! Во-от такие титьки. Не веришь? Так я тебе ее как-нибудь подгоню, козу эту.

— Леха, я не про титьки. Откуда коза, спрашиваю? Наша?

— Не, городская. Из Питера, что ли... да я особо-то не расспрашивал... короче, это самое, водку в пасть, да в койку.

— Из Питера, говоришь?

— Дак к Вальке и приехала. Подруга.

— Вот теперь понятно, оттуда у слухов ноги растут.

— Да, у козы этой такие ноги-и-и... Ух! Короче, как у этих... ну, в цирке еще скачут...

— Акробаты?

— Точняк! Как у них — это самое, от ушей прямо.

— Ладно, сведешь как-нибудь.

— Да не вопрос, брателло!

— Просто посмотреть хочется на такое чудо.

Егор снова задумался, вспоминая свой позавчерашний визит к бабке. Да, собственно, и нечего было особенно вспоминать — ну, заехал, зашел, да, заплатив по таксе шесть тысяч рублей, получил от колдуньи заговоренную при нем же воду — снадобье — в пластиковой бутылочке от «Аква Виты» без газа. Левонтиха, как уходил, еще и проинструктировала: мол, надо в полнолуние этой водой облиться да сигануть в прорубь.

— Что, ночью, что ли?

— Да не обязательно, можно и днем. Нынче как раз полнолуние. Главное, чтоб грозы не было.

Грозы... не, ну надо же, сказанула бабка! Это в марте-то? Чушь какую-то смолола — а еще колдунья.

Егор вчера еще хотел окупнуться, затеял с утра баню топить, чтоб не сразу в прорубь — а после баньки, все ж поприятнее. Да и водица заговоренная что-то как-то дурно пахла — Возников пробочку открывал, принохивался. Ацетон, что ли... Или этот, уайт-спирит, растворитель... В общем — гадость какая-то, такую удобней в баньке с себя смыть, ежели в проруби не отмоеся.

Хотел, да... собирался. Но не срослось вчера, не сложилось. Тут же, с утра, начались звонки, поездки — то трелевочник на делянке заглох, с запчастями решить надо было, то лесовоз какие-то заезжие гаишники остановили, пришлось ехать, вопросы улаживать. Уладил. А вечером — позвонили, в баньку вот пригласили. В дальнюю баньку, попариться с авторитетными людьми.

А заодно — и бабкино зелье испробовать, почему б и нет? Самое для того место и время. Бутылку «заряженную» Егор с собой прихватил... кстати, а где она? На заднее сиденье кидал... вроде...

Егор обернулся и в ужасе округлил глаза:

— Эй, Леха! Ты что это пить собрался, родимый?

А Леха уже крышку на бутылочке бабкиной открыл да хлебнуть собрался... только вот принохался, губы скривил:

— Это чего это у тебя, Гоша, тут? Спирт, что ли, паленый?

— Ацетон. Дай-ка сюда бутылку... На другое место переложу, чтоб ты случайно не выпил.

Свернув на лесную дорожку, Вожников сбавил скорость, но, тем не менее, примерно минут через двадцать «уазик» уже подкатывал к небольшой, огороженной новым забором, усадьбе, у распахнутых ворот которой стояли два снегохода и черный «Хантер».

— Ты туда, в ворота, и заезжай, это самое, — показал рукой Леха. — Сейчас Иваныч выбежит, сторож.

И в самом деле, из просторной бревенчатой избы с высоким, под затейливым навесом, крыльцом, навстречу машине выскочил седобородый старик в телогрейке и валенках. В руках старик держал ружье да и вообще, вид имел строгий... Правда, увидев Леху, тут же опустил ствол и широко улыбнулся:

— А, Лешенька! И Егор Ильич, вижу, с тобой. А мы вас еще раньше высматривали — а все нет, да нет. Вы проходите сразу в баньку — там ждут.

— Хорошо, — выходя из «уазика», бросил Егор. — Леха, пиво не забудь прихватить. И водку.

— Да не надо ничего, парни, — осклабился старик Иваныч. — Там есть уже все.

— Ну, тогда только свою водичку возьму, — Вожников полез обратно в машину. — А где у вас тут баня-то?

— А вон, мил человек, у реки. Как раз на бережку и будет. Там и прорубь есть — после парилки-то самое оно то.

Егор поспешно спрятал усмешку — вот уж, действительно, прорубь сейчас весьма кстати.

— Гоша, ты че там застрял? — оглянулся уже прилично отошедший по нахоженной в снегу тропке Леха.

Вожников махнул рукой:

— Да иду, иду уже. Полотенца-то взял?

— Обижает!

— Да говорю, есть там все, — подал голос Иваныч. — Хорошая у нас банька, по-черному.

Банька располагалась на крутом бережку, метрах в пяти от затянутой льдом и искрящимся на мартовском солнце снегом реки, тут же дымилась и прорубь, к которой вела синяя нахоженная тропинка — видать, в баньке-то частенько парились и в прорубь понырять любили.

— Ну, вот и славненько.

Потерев руки, Вожников обернулся, глянул назад — усадьба была надежно скрыта деревьями, такое впечатление, что здесь вообще одна только та баня — и все.

— А-а-а! Вот и гости. А мы заждались уже, — скрипнув дверью, выглянул из бани распаренный голый мужик лет пятидесяти в войлочной — для парилки — шапке с серпом и молотом. Крепкий, жилистый, но уже с заметным брюшком, он производил бы впечатление добродушного дедушки из отставных военных, если б не усыпанные наколками руки и плечи.

— Здравствуйте, Вадим Георгиевич, — наклонив голову, вежливо сказал Егор. — Извините за опоздание — дороги тут не московские.

— Да уж, не московские. — Встречающий махнул рукой. — Ну, заходите — чего на улице стоять. Сперва попаримся, а потом, за столом — и за дело. Рад тебя видеть, Егор... Это кто?

— Это со мной. Леха.

— С тобой так с тобой, ладно.

Глубоко посаженные, под кустистыми бровями, глаза Вадима Георгиевича сузились, так, что непонятно было, действительно ли он рад гостям или задумал что-то нехорошее. Мазнул, мазнул взглядом по кусточкам... Вожников, в баню заходя, обернулся, тоже туда посмотрел — увидел, как кусточки дернулись. Кто там сидел, интересно? Снайпер? Взвод автоматчиков? Молодой человек улыбнулся — вот ведь лезет в голову всякая хрень! Ну, при чем тут автоматчики-то?

Быстро раздевшись в просторном — не без изыска, но и без излишеств — предбаннике, гости вслед за Вадимом Георгиевичем подались в дышащую травяным жаром парилку, где на полке орудовал веником другой «авторитетный» человек, лет на десять старше первого — тощий, низенький, с лысой, обрамленной венчиком седых волос, головой.

— Эх вы тут, Федор Кузьмич, наподавали!

— Ни-чо! — бодренько откликнулся «авторитет». — А ну, молодежь, давайте на полоч. Что головы пригнули? Жарко?

— Да в самый раз, — ответил Егор.

Зашипела, испаряясь жаром, брошенная на камни вода. Мельницами замахали веники, распространяя вокруг духовитый березовый запах, унесся, осел на бархатно-черных от копоти стенах пар.

— Еще и дубовые веники есть, — похвастался Федор Кузьмич. — И эвкалиптовые. А ну-ка, Егор, поддай-ка парку!

Егор и рад стараться — наподавал так, что все из парной выскочили, он один и остался, с остервенением охаживая себя веником по плечам... Потом выскочил и по снегу — в прорубь! Ах, вот это дело!

Долго, правда, не купался — скоренько забежал обратно.

Вадим Георгиевич, в парную заходя, обернулся:

— Ну, что? Еще заход, а?

— Не, я тут посижу, отдышусь немного, — помотал головой Егор.

— Отдышись, отдышись. Пиво, вон, пей или квас.

— Спасибо.

Молодой человек дождался, когда все скрылись в парной и, взяв прихватченную с собой бутылку, вылил на себя заряженную воду. Мельком глянув в висевшее на стене зеркало, машинально почесал родинку на левом плече — небольшую, в виде трилистника — и, перекрестившись, снова побежал к проруби. Так, с разбега, и бросился, не обращая внимания на зависшую над головой зеленовато-свинцовую тучу. И откуда она взялась-то? Вроде только что ясно было... и вдруг — на тебе, гром! Случается, конечно, гроза и в марте, — но очень и очень редко.

Померкло, закатываясь за тучу, солнце. В темном грозовом небе сверкнула молния. Снова ударил гром.

Глава 2

СНЕГ И ТЬМА

Что-то повисло перед глазами, какое-то зеленое мерцающе-плывущее марево. Провалившийся в черноту Егор пришел в себя, почувствовав, что не может вдохнуть... Ну, конечно — вокруг была вода, а где-то наверху искрилась ласковым светом прорубь.

Молодой человек заработал руками, вынырнул, выбрался на снег и тут только почувствовал холод. Сколько он находился в воде? Секунд пять, десять, больше? И что это было — спазм? Или... или кто-то дал палкой по голове — такое ощущение!

Все эти мысли вихрем пронесли в голове у Вожникова, когда он со всех ног бежал обратно в баньку. Забежав в предбанник, рванул дверь парной, окунаясь в быстро охвативший все тело жар. Кто-то из парильщиков швырнул на каменку ковшик водицы... вокруг поплыл липово-медовый запах, приятная истома охватила Егора — отогрелся! — даже потянуло в сон.

На полке двое мужиков наярывали вениками, внизу, на лавке, суетился с шайками какой-то старик... нет, не тот, не «авторитетный»... сторож, наверное.

— Иваныч, ты, что ли? А Леха где?

Старик оглянулся, выронив шайку. Двое, на полке, опустили веники. Егор удивленно моргнул — совершенно незнакомые люди! Старик, еще один жилистый тип с белесым шрамом через всю грудь, да еще двое мужиков, чем-то похожих друг на друга. Братья, что ли? Оба светловолосые,

с бородами, только у одного — старшего — борода гуще. На шее у каждого — золотой крест. Да-а, и эти, судя по крестам — парни серьезные. Что же получается, он, Егор, в другую баньку забежал? А что... мог и ошибиться, вполне.

— Мужики, извините, я, кажется, не туда попал.

Молодой человек повернулся к двери, как вдруг жилистый ухватил его за руку и, негромко смеясь, похлопал по плечу:

— Э-э, паря! А мы тебя к завтраму ждали.

— Ага, — остальные парильщики переглянулись. — Это тот, значит, и есть?

— Он, он... вон и примета, — старик ткнул пальцем в родинку на левом плече Егора.

— Ужо видим, — старший бородач усмехнулся и обмакнул веник в кадушку с горячей водицей.

— Егор, — сказал молодой человек. — Егор Вожников...

— Тсс!!!! — зашипели вдруг мужики. — Догадываемся, откель ты... Одначе много-то не болтай! Егор так Егор — Георгий.

— Я тут случайно, извините, что помешал. Нырнул, вот, в прорубь и...

— Ла-адно, — слезая с полка, протянул бородач. — Сейчас домоемся, отдохнем, а завтра с утра и выйдем. Ты, Егорша, дорогу-то добре ведаешь?

— Леха, приятель мой, указывал, я только рулил. Но не заблужусь — точно! Послушайте, мне пора, наверное, извините, что...

— Сядь, посиди, паря! На вот, выпей, охолонь.

Егор вслед за всеми вышел в предбанник, тускло освещенный солнечными лучами, пробивавшимися сквозь небольшое, затянутое куском грязного полиэтилена, оконце и, усевшись на лавку, хлебнул из предложенного младшим бородачом плетеного жбана. Хм... что за напиток-то? Не пиво, нет. Похоже — брага... нет, квас, только очень забористый.

— Хороший у вас квасок.

— Добрый.

— Спасибо, я все же, пожалуй, пойду. Извините, если что не...

Вожников вдруг замолк, с удивлением глядя, как парильщики сноровисто натягивают на себя одежду — порты, длинные рубахи с вышивкой, кафтаны — неужто в деревнях до сих пор так еще одеваются? А что там у них в ножнах? Кинжалы? Ножи? Одна-а-ако...

— Ты чего голяком-то сидишь? Одежку, что ль, на заимке оставил?

— Вожеозерские робята хваткие, мороза не боятся!

Переглянувшись, братья — да, похоже, что так, братья — гулко захохотали.

Говорили они как-то странно, использовали много старинных слов, какие-то диалекты, Егор далеко не все понимал, так, с серединки на половинку, точнее, частью — понимал, частью — догадывался.

— А говор-то у тебя, паря, смешной!

Смешной? Егор улыбнулся — кто бы говорил-то!

— У вас в Заозерье все так говорят или токмо князя да бояре?

Князя?! Бояре?! Эвон, куда беседа зашла. Оп-па! А что это старик-то так суетится, едва ль не кланяется — одежку парильщикам подает, сапоги...

Сапоги! У одного — зеленые, юфтевые, у другого — коричневые. Отличные сапоги... от тех, что в магазине продаются. Мягкая кожа, узор... К тому же — кафтаны эти, а вон, у деда — армяк! Именно так эта одежда и называется. Кинжалы, опять же, ножны, пояса тщательно выделанные.

Молодой человек ощутил легкое волнение — а не свой ли это брат реконструктор? Если так, интересно было бы пообщаться... только дела свои сначала закончить.

— А вы к кому прие... — начал было Егор, да вот только не успел закончить. Резко повернувшись, старший бородач вдруг зажал ему рот рукою и прошипел:

— Тсс!!! Слышите?

Вожников, честно говоря, ничего такого не слышал, а вот парильщики сразу насторожились.

— Ходит кто-то за баней, эвон — снег скрипит, — шепотом произнес тот бородач, что помладше.

— Верно, Данило, — так же тихо отозвался старший. — Окружают.

Обернувшись, Данило ожег взглядом Егора:

— Не он ли, Иване, лудишек с собой привел?

— Угу... И сам голяком — с нами париться? Зачем? Мыслью — они неслышно за ним шли.

— И то верно... Одначе что делать будем?

— А что делать? — Иван неслышно вытащил из ножен кинжал. — Пробиваться будем — не тут же сидеть? Ты, — он строго посмотрел на Вожникова, — первым выскочишь... вроде как — в прорубь. Отвлечешь их, а мы уж — навалимся. Антип, — он посмотрел на жилистого. — Ты потом в лес, а я — следом.

— Сла-адим! Лишь бы этот вот выскочил, — Антип похлопал Егора по плечу: — Смогешь?

Молодой человек безразлично пожал плечами:

— Да выскочу, мне-то что? Только вот, для начала б в парную.

— Ишь, в парную ему... Беги давай! И да поможет нам Господь и святой Георгий!

Истово перекрестившись, Иван взмахнул кинжалом и кивнул на дверь:

— Беги! Живо!

— Ну, вы, блин, даете, — Егор покосился на тускло блеснувшее лезвие.

— А у окошка-то они не ходят — пасутся.

«Опасаются», — машинально перевел Вожников, покосившись на окно... Нет! Вовсе не полиэтиленом оно было затянуто. Бычий пузырь! Старина, блин... И еще игры какие-то тут непонятные.

— Ну, Егорша — пора!

Хлопнув парня по плечу, Иван кивнул жилистому Антипу, и тот резко распахнул дверь.

Ну, только бы девок не было... А и будут — так что?

— Эх-ма! Раскудрит-твою налево!

С веселым матерком молодой человек выскочил из бани и со всех ног помчался к проруби. И черт-то с ними со всеми — окунуться да обратно в парилку... лучше, конечно, к своим. Однако тут, похоже, одна банька-то — вот эта. Ладно, некогда сейчас... Егор не чувствовал мороза — бежал... Но не добежал. Из росших по всему бережку кустов выскочили ему наперерез сразу двое. Молодые краснорожие парни в нагольных полушубках и странных округлых шапках, отороченных потертым рыжеватым мехом. Глядя на Егора, парни глумливо ухмылялись, а в руках... в руках держали короткие копыя!

— Може, погоняем его, как зайца, а, Ждан? — с непонятным азартом воскликнул один. — На стрелу возьмем — то-то повеселимся!

— Не, — сплюнув, откликнулся другой. — Тимоха сказал — на копыя брать. А то б погоняли.

— Ну, на копыя так на копыя.

Покладисто кивнув, красномордый половчей перехватил копые и буром попер на Вожникова.

Подскочил — ударил!

Ввухх!

Эва, ведь не зацепил, зараза! Хорошо, Егор вовремя увернулся.

— Э, ты что, псих, что ли?

— Гли-ко, Ждане — вертлявый попался!

Вожников закусил губу — у него почему-то складывалось такое впечатление, что тут все — психи. Да, у баньки тоже возникла какая-то возня...

— Дай-ка, я его...

— Не, Ждан, я — сам.

— Ну, как знаешь.

Ввухх!!!

Снова дернулось, рванулось копые, в тусклом мартовском солнце сверкнуло злобой жаждущее крови острие... Хорошее, кованое...

Правда, Егор пристально его не рассматривал — готовился, попрыгал... легко — все ж боксер! — уйдя с линии атаки, перенес вес на левую ногу, и, правой рукой перехватив древко, левой ударил нападавшего снизу — апперкотом — в челюсть. Резко, быстро, умело — как когда-то на ринге.

И секунды не прошло, так — миг. Выронив копьё, краснорожий кубарем покатился вниз, к проруби, впрочем, Вожников этого не видел — ведь перед ним оставался еще и другой — Ждан... Который, похоже, еще не понял, что же все-таки произошло.

— Эй, Стяпан! Я ж говорил — тропка скользкая. Ладно, теперь уж сам. Сам? Ну, давай, чего уж.

Подскочив ближе, Егор сделал ряд обманных движений, целью которых было увести противника с тропы... так и вышло — сделав неверный шаг, недотепа Ждан левой ногой провалился в сугроб, на миг отвлекся. Вожникову этого было более чем достаточно — резкий прямой удар — джеб — в переносицу. И — полный нокаут.

Кто-то бросился сверху, от бани — младший братец, Данило.

— На вот, армяк, накинь.

Гляди-ка, какой заботливый! То на парней голым выставил, то — армяк...

— В сугроб, в сугроб — живо!

Егор так сразу и не сообразил, зачем это бородач схватил его за руку, потащил за собой в снег... Что-то просвистело над самой головой, и рядом, в сугроб, ткнулась, провалилась до самого оперения стрела!

— Это что еще тут за робин гуды?

— Ловко ты их, Егорша! Теперь тихо сидим — в вербах стрелки засели. С-сволочи!

— И долго нам тут валяться? — Вожников натянул армяк... и едва не словил стрелу.

Даже несколько — наверное, с полдесятка ударилось в снег рядом.

— Не высовывайся из-за бугра, паря!

— А?

— Голову, грю, пригни. Ничо, недолго. Старика, псы, прибили, да Иване, брате, не льком шит! Недаром Тугой Лук прозван. Ишшо поглядим, кто кого! Да и глядеть нечего...

Ждали и впрямь недолго — откуда-то с пригорка донесся крик:

— Э-эй, как вы?

— Да ничо, живаху.

Данило вскочил на ноги, следом за ним поднялся и Егор — смешной, в армячишке, да босиком по снегу.

Сверху, напряженно поглядывая по сторонам, спускались Иван с Антипом, оба довольные, с закинутым за спину луками. Подойдя ближе, Иван улыбнулся, похвастался:

— Трех с Антипкой положили в вербах.

— И язм одного на нож взял, брате. Да Егорша двоих — кулаком. Вот, я те, скажу, ударец! Как там?

— Мыслю, нет никого боле, — пригладив бороду, нехорошо усмехнулся Иван. — Полудюжиной и явились, дескать — на нас и столько хватит. Злыдни!

— А, может, так просто заимку проверить решили? Вдруг да мы здесь?

— Может, и так... Оп-па! Гли-ко, шевелятся...

Егор посмотрел на реку. Тот парень — Стяпан — уже пришел к себя и, оглянувшись, побежал к противоположному берегу, к лесу.

— Врешь, не уйдешь!

Иван сдернул с плеча лук. Пропела стрела. Черная бегущая фигурка, дернулась, нелепо взмахнув руками, да, повалившись в искрящийся синеватый снег, так там и застыла.

Данило кивнул на застонавшего Ждана:

— А этого в баньке спытаем. А ну, Егорш, подмогни-ка Антипу.

У самого предбанника, в щедро окрашенном кровью снегу, недвижно лежали двое — давешний седобородый старик — Возжников так и не знал, как его звали — и какой-то незнакомец со шрамом вместо левого глаза. Круглая заячья шапка его валялась рядом, в сугробе, сальные волосы лежали вокруг головы страшным окровавленным нимбом.

— Деда убил... Кор-рва! — Данило с остервенением плюнул убитому в лицо.

Не до конца понимая, что вообще происходит, Егор с помощью Антипа затащил пленника — именно пленника, а как иначе назвать? — в предбанник. Ждан постанывал и держался за челюсть. Хороший вышел джеб, приятно вспомнить, и рассказать не стыдно!

— Сколько вас? — с ходу поинтересовался Антип. — А ну говори, шпынь, не то долго помирать будешь!

Парень лишь хлопал глазами да стонал:

— Ы-ы-ы... а-а-а...

— Ой, Егорша, чую — выставил ты ему челюсть.

— А чего он — копьём? — обидчиво дернулся молодой человек. — Тебе его жаль, что ли?

— Не его, паря — нас. Как же мы теперь от него хоть что-то вызнаем... Хотя! Найдем, как... Давай его на лавку... ага...

И вот тут, в предбаннике, Егор, наконец, ощутил холод. Да так, что весь содрогнулся, зубами застучал... еще бы!

— Я-я-я это, пожалуй, в парилочку.

— Давай!

Махнув рукой, Антип повернулся к «шпыню»:

— Эй, нелюдь. Говорить не можешь — кивай. Или мотай головенкой. Вас полдюжины, так?

— У-у-у, у-у-у, — парняга с готовностью затряс головой.

— Ну, слава те, Господи. Вы ведь за ним шли, за Егором? Ах, нет?.. Но — по нашу душу? Ага... Просто глянуть? Ну-ну... так я и мыслил.

Окончания столь любезной беседы Вожников дожидаться не стал, убежал в парилку, сразу же швырнул на камни несколько ковшиков подряд, схватил веник... Правда, долго париться ему не дали: в парную заглянул старший братец, Иван, за которым маячила узкая, с редкой бородкой, физиономия Антипа:

— Все, Егорий. Уходим. Сейчас на заимку зайдем, да двинем подальше, утра не дожидаясь — от греха.

— Угу...

Быстро окатившись «летненькой» водицей из небольшой шайки, Егор накинул армяк, сунул ноги в принесенные кем-то — наверное, Антипом — лапти (!), да вслед за братьями зашагал по бережку вверх, к усадьбе...

К усадьбе... Найти Леху, уехать поскорее отсюда... Это что ж такое творится-то? В чистом виде сто пятая... ну, эти-то — молодой человек неприязненно покосился на своих спутников — понятно, защищались. Хотя... вон, Антип бежит, догоняет, на ходу наклонился, руки кровавые о снег обтер. Ой, не зря он в баньке задержался... бедный Ждан. Хотя с чего он бедный-то? Сам пришел — точнее, пришли — напали, едва кишки из него, Егора, не выпустили! Копьями-то махали со всем остервенением, мать их... Если б не бокс — остался бы он на снегу, не ходи к бабке, лежал бы вот так, раскинув руки... голый, блин. Одно хорошо — холодно бы не было.

Поднявшись к усадьбе, молодой человек закрутил головой в поисках «уазика» или, на худой конец, снегоходов. Вот тут же они стояли, у ворот, а УАЗ — во дворе... Черт! Удивленно щурясь от бьющего прямо в глаза солнца, Вожников осознал, что пришел вовсе не туда, куда надо бы. Не та оказалась усадьба! И забор не тот — частокол какой-то, и двор маленький, и дом — не дом, а избенка курная, почти по самую крышу в сугробе.

— Эй, мне, наверное, не сюда надо. Усадьба-то где?

— Она и есть, паря, — обгоняя, буркнул Антип. Обернулся. — Ты одежду-то свою где кинул?

— Теперь уж не помню... Да и вообще — трудно соображать, — честно признался Егор.

Антип махнул рукой:

— Ла-адно, сыщется что-нить. На заимке много чего есть. Жаль старика, похоронить бы, да некогда. Прав Иван Борисыч — уходить поскорей надо. Ждан — пленник — сказал, их сюда одноглазый весянин привел... полдюжины воев. Еще три дюжины — на Пашозерский погост пошли, думали нас там застать. Просчитались. А ведет их — Афанасий Конь, младшой воевода московский.

— Младшой воевода? — честно говоря, Вожников такого термина не припоминал, и от реконов раньше не слышал. — Боярин? Служилый человек?

— Точно — служилый, — Антип неожиданно расхохотался. — Нас словит — выслужится, дальше некуда. Пару деревенек Василий-князь ему, уж верно, пожалует.

Пару деревенек...

Егор еще хотел что-то спросить, да Антип не дал, опередил:

— Данило Борисыч бает, будто ты голыми руками — двоих. Правда ль?

— А чего ж неправда? — молодой человек рассеянно повел плечом. — Я ж боксер, хоть и бывший. Одному — джеб, апперкот — второму.

— Силе-о-он! Ладно, еще поговорим, паря.

«Сам ты паря!» — входя в курную избу, буркнул про себя Вожников. Пригнуться не успел — стукнулся лбом о низкую притолочину, выругался... Братья с Антипом засмеялись.

— А они тут пошуровали, — осматриваясь, задумчиво произнес Иван. — Эвон, все разбросано.

Младший, Данило, хохотнул в бороду:

— Серебришко искали, шпыни!

Егор слушал вполуха, пораженный неожиданно открывшейся ему картиной, точно сошедшей с полотен передвижников. Типичное житье-бытье угнетенных гнусным царским «прижимом» временнообязанных крестьян какой-нибудь Пустопорожней волости: минимум мебели — опрокинутый стол, сколоченный из тесаных досок, лавка, распахнутый настезь сундук. Все правильно, машинально отметил молодой человек, доски в старину только тесали, не пилили. И сундук такой — даже не старинный, древний.

— Да-а-а, — присев на лавку, с усмешкой протянул Иван. — Ну, что, Егорша, сыщешь тут свою одежонку? Хо! Лучше и не ищи — одевай, что есть.

Молодой человек так и сделал — а что, лучше голым ходить, в армяке да в лаптях? Ничуть не стесняясь, натянул на себя исподнее — узкие полотняные порты, нижнюю — тоже из полотна — рубаху, поверх нее накинул рубаху шерстяную, крашеную, похоже, дубовой корой... нет!

Конечно же, крапивой с квасцами!

Цвет такой характерный, буровато-зеленый. Это ж надо — и тут реконструкторы! Ну, кому другому придет в голову рубахи из грубой шерсти ткать да крапивой красить? Кстати, не такое уж и простое дело, весьма даже трудоемкое. Конечно, можно все заказать — есть в Москве магазинчики, на подобной продукции специализирующиеся — мечами торгуют, кольчугами да вот, одежонкой. Весь комплект русского ратника — служилого человека века четырнадцатого — запросто можно купить, что у реконов во-

все не возбранялось, однако и уважения не вызывало. Иное дело — ежели сам делал, сам ковал, сам красил — рецептов на специальных сайтах полно, да и в социальной сети «ВКонтакте» групп немерено, в основном почему-то «римских» — всякие там легионы, варвары... Да тевтонцы еще. У них, впрочем, тоже рукодельцы уважались, а еще — те, кто по латыни говорить мог, а в случае Егора — на каком-нибудь средневековом русском говоре, они ведь сильно меж собой отличались, москвич от рязанца, смолянин от новгородца. Последние, кстати, к древнему языку ближе: «щ» не выговаривали, часто заменяя двойным «ш» — ишшо, пишша... или даже — пишта, «цокали» — цто? цево? зачем?, согласные удваивали, гласные глотали... а, к примеру, рязанцы, наоборот — тянули: о-о-о... а-а-а... у-у-у... Егор за долгие вечера наострился на разных старинных диалектах болтать, мог, как рязанец или москвит, мог — как новгородец. Вот и этих «чертей» понимал — их говор от современного языка не так уж и сильно отличался... может, кое-как научились, да и посчитали — сойдет, ладно... Вот опять! Надев армяк, Егор вскинул голову — что ж, это все ж реконструкторы, выходит? Очень похоже, что так. Кому еще в курной избенке жить надо, без телевизора, телефона, ноутбука? Ничего ведь тут такого не было, даже хоть какого-то инструмента — дрели, плоскогубцев, кусачек... Топора — и того... Хотя нет! Топор все-таки был: вон, в уголке валяется. Егор не поленился, поднял... и ахнул! Вот вам и топор — настоящая боевая секира! Изящная, между прочим, вещь, вполне приличной убойной силы — куда там сабле! Длинное прочное древко, серебристое — полукружьем — лезвие. И метать, при нужде, можно, и зверя дикого бить, и дровишки порубать на костер.

— Вижу, приглянулся тебе топорик, — неслышно подходя сзади, сказал Антип. — Так бери... и вот тебе пояс да нож. Сапог своих не сыскал?

— Нет.

— Ну, некогда сейчас, надевай уж поршни, в лаптях далеко не уйдешь.

Да уж, точно не уйдешь, тут Егор был согласен — обычному мужику-крестьянину, скажем, еще даже веке в девятнадцатом одной пары лаптей едва-едва на три дня хватало. Так что с лаптями... Поршни!

Эти вот, поданные Антипом, башмаки с кожаными ремнями именно так и назывались. Ну, поршни так поршни — лишь бы впору пришлись...

Присев на лавку, Егор быстро натянул обувь, прошелся: впору.

Обрадовался, хоть, казалось, с чего бы? К чему? До «уазика» только дойти да рвать поскорее отсюда, ото всех этих непоняток-разборок, или... или все же «авторитетов» попытаться отыскать?

— Слышь, Антип, а кроме этой избы, тут что поблизости? Ну, усадьба, заимка охотничья в какой стороне?

— Это и есть заимка. А боле тут ничего. Хаживали вкруг, не видали.

Вожников хмыкнул — не видали они.

— Антипко, в амбаре глянть, — встав, распорядился Иван... Иван Борисович.

Вообще, как-то странно братья ко всем относились: к Егору — явно покровительственно, но вроде как почему-то держали за своего, а вот Антипа, похоже, вообще за полчеловека считали, гоняли по любому поводу. Странно, но этот, хотя и довольно молодой еще мужик, но вовсе не безусый юноша — судя по виду, Антипу было едва за тридцать — слушался Ивана с Данилою беспрекословно. Хотя и без раболепства тоже, просто молча делал указанное. Вот и сейчас без лишних слов бросился во двор, да вскоре притащил откуда-то лыжи. Странные, надо сказать, лыжи: широченные, явно охотничьи, подбитые беличьим мехом! Очень удобно и практично — с горки вниз не скользят. Крепления... хм... ремни какие-то. Да уж, не беговой пластик... на котором по лесу-то, по сугробам, не очень побегаешь. И опять же — досочки тесаные, выделанные тщательно, ясно дело — вручную.

Что ж, лыжи так лыжи — Леху, «уазик», усадьбу поискать надо!

Экипировавшись, все четверо вышли во двор и, не оглядываясь, покинули заимку, направляясь к ближайшему лесу. Впрочем, лес тут был везде, а вот дорога... с дорогой дело выглядело плохо. Нигде ее что-то не наблюдаешь. Ни дороги, ни усадьбы, ни колеи... ни лыжни даже!

И эти-то еще, блин, попутчики, лыжники хреновы... Трупы в снегу бросили, в полицию никто, похоже, заявлять и не думает... ну дела-а-а!!! Некогда, говорят. Куда торопятся-то? А ведь всю троицу наверняка кто-то преследует, не зря ж они так спешат, да и ведут себя — вполне соответствующе. Как беглецы! Натворили, накосячили что-то? Ну, Егору-то с ними явно не по пути, ему б только отыскать знакомых... ну, или хотя бы «уазик». Незачем в чужие дела ввязываться, тем более — такие, с трупами.

— Что, пойдем, что ль...

Иван... Иван Борисович... посмотрел в небо, поправил на голове шапку — круглую, отороченную каким-то дорогим мехом, Егор не мог определить, каким именно, но точно — не нутрией.

Антип вдруг повернулся к Возникову:

— Ну, веди, друже. Ты ж у нас проводник. Места-то здешние не забыл?

— Да не забыл, — ответил молодой человек.

Еще б забыть. И на байдарках тут по всем рекам хаживал, и так приезжал — на рыбалку, знал всю округу, как свои пять пальцев... ну, почти. Считал так, по крайней мере, и думал, что имеет на то все основания... а вот оказалось, что нет! Вот именно в этом месте — и не был. Севернее, южнее — да, а вот здесь — нет, не случилось как-то. Карту, правда, помнил — если вниз по речке спуститься — как раз в соседний район попадешь, на Лидь-реку, Колпь, Чагоду. Все волжского бассейна речки, если даже на лыжах

сейчас пойти — потом в любую сторону можно: Белозерск, Череповец, Вологда, Рыбинск... Только вот не нужна сейчас никакая Вологда, никакой Рыбинск — домой бы поскорее добраться! Добраться, да думать — как из всего этого вылезти? Трупы-то рано или поздно найдут, не рыбаки, так позже — летом — туристы. Хотя мертвяков-то и звери запросто подобрать могут, а если так — то и беспокоиться особенно нечего. Разве что парней тех жалко, ну, так они первые напали, причем со всей серьезностью. Ну-ка — копьём в брюхо! Не бокс бы, так для Егора совсем плачевно дело бы закончилось. Так что какая тут, к черту, жалость? И все-таки... все-таки, кто б они ни были — а все ж люди. Похоронить бы...тем более деда — тот-то вообще не при делах.

Антип хлопнул Вожникова по плечу:

— Пошли, пошли, друже. Котомку на-кось возьми.

Ну, пошли так пошли. Кинув на плечо поданный Антипом мешок, Егор взял в руки палку — почему-то одну, но тоже по виду — старинную... впрочем, в древности так вот, с одной палкой и ходили. А как же! Свободной-то рукой, ежели что — кинжал из-за пояса выдернуть, саблю — мало ли кто в лесу встретится? Зверь или человек — что еще хуже: поди знай — враг, друг.

Пошли. Заскрипел под лыжами плотный, слежавшийся за зиму снег. Осмотревшись и примерно прикинув, что к чему, Вожников направил лыжи параллельно реке, немного покрутился по всей округе и, не отыскав ни дороги, ни усадьбы, к ней, к реке, и спустился — куда еще-то? Хоть баньку какую-нибудь отыскать, а рядом — жильё.

Антип и братья шли позади молча, не выказывая и намека на недовольство: раз ведет проводник, значит, знает. Егор усмехнулся: интересно, с чего это они его за проводника-то приняли? Верно, кого-то такого ждали.

Шли себе, шли, Егор все глаза проглядел, а никакого намека на жильё нигде не увидел. Похолодало, и желто-красное солнце уже наполовину скрылось за хмурыми вершинами елей.

— Ночью, видать, морозец зарядит, — промолвил Антип. — Пока не стемнело, надо место для ночевки выбрать.

И то правда, пора. Ножи, топор-секира есть, можно устроиться хоть с каким-то комфортом, пусть относительным, минимальным, но все же.

— Ночевать будем, — хрипло распорядился Иван. — Место приглядывайте.

Антип углядел первым:

— Во-он в том распадке, Иван Борисович, самое милое дело.

Вожников кивнул — и в самом деле, место для зимнего бивуака неплохое: овражек с крутыми склонами, рядом ельник, можно нарубить лапника, да и сухостоины недалече маячили — словно специально для костерка.

— Сейчас костер запалим, — приказал — именно приказал! — Иван Борисович. — Антип, Егорий, давайте дрова да шалаш, а мы с Данилой — за дичью. Тебе, Егорша, кто больше глянется — зайчик или рябчик?

— Рябчик повкусней будет.

— Ну, рябчика и запромыслим.

Немного передохнув, братцы закинули на плечи луки и, привязав к стопам лыжи, исчезли в густом ельнике.

— Запромыслят, — проводив их взглядом, усмехнулся Антип. — Недаром Иван Борисыч Тугим Луком прозван. Да оба любят охотиться, как говорят — охота в охотку... А ну-ка, Егор, поспедай! Сруби во-он ту сушину, а я пока снег для костерка утопчу, да накидаю лапника.

Все делалось правильно, споро и без особой спешки — как и положено в зимнем походе: расчистили-утоптали снег, наложили рядом лапника — сесть, запалили из хвороста костерок, притащили сушину — потом, как костер прогорит, сунуть в угли — пусть тлеет, дает на ночь тепло — это вместо туристского шатра с печкой. Кстати, полог бы какой-никакой не помешал.

Вожников оценил склоны оврага, затем выбрался наверх, осмотрелся:

— Давай-ка, Антип, во-он тех мелких елок нарубим — вроде как крыша.

Напарник молча кивнул, и оба быстро зашагали в ельник, благо и шагать-то далеко не надо было — молоденькие елочки росли совсем рядом, за ивами и осиной.

Накрыв «крышу», молодые люди вновь спустились в овраг, к разгравшемуся костерку. Развязав котомку, Антип вытащил котелок (запасливый!), черпанул снегу да поставил в огонь — топить воду.

— Если чая нет, я тут недалеко, на старой березине, чагу видел — заварим. Принести?

— Неси, — улыбнулся в усы Антип. — Парень, ты, я вижу, приметливый. Да! Корья-то березового захвати еще.

Пока то да се, закипела натопленная из снега вода — заварили чагу, уселись дожидаться братьев. Начинало смеркаться.

— До темноты придут, — перебирая котомку, уверенно протянул напарник. — Гляди-ко, и соль у старика заваялась! Запасливый. Хлебушка б, да уж ладно, как-нибудь.

Антип смотрел на соль с таким видом, с каким смотрят на кусок золота или на какой-нибудь там приличных размеров бриллиант, Егор даже поежился — именно так относились к соли в средние века, все время ее не хватало, даже самая малость — богатство. А как иначе пищу на зиму сохранить?

Напарник все делал степенно, основательно — сняв котелок, поставил рядом, в утоптаный снег — стынуть, затем, умело работая ножом, принял-

ся мастерить из принесенной Егором коры туеса. Все правильно — кружек-то, похоже, у беглецов не имелось.

Вообще, на взгляд Вожникова, этот Антип производил довольно странное впечатление: с одной стороны — покладистый, улыбочивый, а с другой — иногда ка-ак зыркнет... К тому же это ведь он пытал, а затем убил — убил, убил! — того несчастного парня, Ждана... Несчастливого? Был бы Ждан половчей, еще посмотреть, пил бы сейчас Егор чагу или валялся хладным трупом в сугробе, и вороны растаскивали б кровавые кишки из распоротого копьем брюха. Да-а-а...

— Слышь, Антип, а те парни, которые на нас напали, они вообще кто?

— А то ты сам не ведаешь! Афоньки Коня, московита, людишки по нашу душу. — Антип прищурился, зачерпнул туесом заваренную в котелке чагу, отпив, крикнул: — Аа-а-ах!

— А чего они такие отморозки-то? — не отставал Вожников. — Копья, ножи, луки — что, не могли из карабина пришибить? Или эти парни из тех людей, что легких путей не ищут? Я так понимаю, вы им где-то дорожку перешли, а я — с вами за компанию, как в том госте...

— Егорша, а братья-то рады, что ты к ним пришел, — словно не слыша, перебил напарник. — Как обозвался — так и обрадовались, все ж их поля ягода.

— Так кто они такие-то, эти братья?

Антип сдвинул брови:

— О том, Егорий, тебе и знать покуда незачем. Догадывайся сам, а меня — уволь. Как батюшка мой покойный, Чугрей Хлынов, говорил (а он сам от какого-то мудрого человека слышал): многие знания — многие печали.

— Философ твой батюшка, — хлебнув чаги, хмыкнул молодой человек. — Как, говоришь, его звали-то?

— Чугрей Хлынов. Да слышал поди, есть такой город.

— Все равно, странное имя — Чугрей. Старообрядец, что ли?

— Сам ты обрядец! — Антип обиженно вытряхнул остатки чаги в снег. — А батюшка мой, хоть и из простых людей, да мудрый.

— Кто б спорил? — развел руками Егор. — Ты, стало быть, Антип Чугреевич, та-ак...

— Чугреевы мы... А Чугреевич это уж ты, Егорий, чересчур.

— Ну, Чугреев так Чугреев — мне какая разница? Еще чаги налей... не чай, а все ж после такого забега неплохо.

Чугреев пододвинул котелок ближе:

— Пей, пей. Чага есть, а снегу еще натопим. Ты мне вот скажи — правда ль, что одним кулаком... да обоих?

— Да что там, — Вожников даже смутился немного. — Боксер я, не ясно? Пусть бывший, но все таки до камээса дошел, по «юношам», правда. Да, если б не бросил, может быть... Впрочем, чего уж теперь об этом?

Напарник непонимающе поморгал, а потом снова спросил про удары.

— Да, да, удары, — замахал руками Егор. — Особые такие удары... как и вообще, в боксе.

— Особенности удары, говоришь? Вот-вот! — Антип неожиданно обрадовался. — Вот и я про то! Ты что же — боец кулачный?

— Говорил же уже! Ну... можно сказать и так.

— И меня можешь таким ударам обучить?

— Тебя? — молодой человек скептически оглядел напарника. — Тебя уж, пожалуй, поздно, возраст не тот. Хотя кое-что покажу, удар поставлю. Слушай, а вы меня в баньке специально, что ль, дожидались? Все-таки стремно как-то — не удивились даже.

— Да уж, ждали, — кивнул Чугреев. — Янько-весянин, охотник местный, третьего дня еще обещал проводника прислать, сам-то не захотел с нами. Борисычи думали его силком принудить, да потом старшой, Иван Тугой Лук, смекнул — а что толку? Лесища-то тут какие... заведет, да сгинет, а мы потом — выбирайся как хочешь. Ведь так?

— Так. Значит, этот Янка... Янько меня к вам и прислал... так вы подумали?

— А как же, мил человек?!

Антип засмеялся и тут же закашлялся, схватившись за туес с чагой. Напился, сплюнул в снег, зыркнул вокруг глазами — узкими, глубоко посаженными, непонятно какого цвета:

— А Янько нас не выдаст, не думай. Он хоть и изгой, а все ж два сына — в Хлынове. Знает, если что — достанем. Не-ет, незачем ему нам вредить, себе дороже. Не он шпыней московитских навел, сами они по наши души явились — погоня! А к заимке по случайности вышли, воевода их, Афонька Конь, видать, человек основательный — все по пути проверяет, даже самую мелочь старается не упустить. В одном погорел — не тех людишек отправил, не думал, верно, что мы там, на заимке, на погосте нас искал Паш-озерском, да еще на Харагл-озере — Янько все туда нас хотел направить... Вот, тебя дождались... Не думали, что с вожской земли проводник будет.

— С какой-какой земли?

— А с такой.

Антип вдруг подсел ближе и, положив руку Егору на плечо, сочувственно покачал головой:

— Чую, Егорша, были когда-то и твои предки с землицею... может, даже и своеземцы, не смерды, не закупы. Увы, увы... А теперь что ж? Зем-

лицу похватали, поделили, род почти что под корень извели, ты вон сам, почитай, как изгой, скитаешься, никому не нужный... Ведь так? Молчишь? Вижу, что так... Да не переживай, паря! Есть, есть на Руси-матушке местечко, где тебя завсегда примут, завсегда рады будут... Такому-то бойцу! Туда со мной и пойдешь... опосля, как Борисычей, куда им надобно, доведем... Ну, как? Согласен?

Неопределенно пожав плечами, Вожников подкинул в костер дров. Сейчас как раз настало самое время спокойненько, никуда не спеша, определиться — как, собственно, дальше быть? Что делать? Все эти люди — Антип, Борисычи — вызывали подозрений не меньше, а, может, даже и больше, нежели убитые ими «шпыни». Кто ж они такие все-таки? Свои братья реконструкторы? Судя по одежке и причиндалам, поговору — да. Однако чего ж тогда таятся, толком о себе ничего не рассказывают? Антип Чугреев молчит, как партизан на допросе, Борисычи... так с ними Егор и не говорил еще по душам. Поговорить сегодня? А смысл? Если накосячили что-то серьезное (а по всему видно, что так оно и есть!) — не расколются ни за что, да за лишние вопросы могут и язык отрезать... хотя проводник им явно нужен... пока. А потом что? Да что угодно! Эти трое, по всему видасть, люди крайне серьезные, крови не боящиеся... беглые ээки? А что? Очень похоже. С зоны сдернули в леса, забрались в первую же избенку, одежку казенную сменили на ту, что нашлась. А те, что их преследовали — тоже беглые, видасть, не поделили что-то. Правда — стрелы эти, копьё, говор... Как-то странно все это! Странно и непонятно.

И что делать? А ничего — спокойно вывести всю троицу поближе к жилым местам... скажем, к тому же Пашозеру — вполне себе людный поселок, со связью, с дорогой... Туда их и привести! Если они не оттуда пришли — а то ведь увидят телефонную вышку, дома, озеро — догадаются. А, с другой стороны — не должны! Они ж тут чужие, а он, Егор — местный... ну, почти. К тому же — боксер, хоть и бывший.

Вожников улыбнулся: что ж, так и следовало поступить — к Пашозеру так к Пашозеру, а дальше видно будет. Не по лесам же, в конце-то концов, с этой подозрительно троицей бегать. В Пашозеро, да... Знать бы еще теперь, в какую это сторону? Понятно, что на запад, а, если по реке? Река-то петляет! Ладно, справимся как-нибудь.

Борисычи, как и обещали, явились до темноты, оба раскрасневшиеся, довольные, с дичью:

— Держи, Егор, рябчиков! Готовьте с Антипкой. Что тут у вас в котелке-то? Чага? Ах, хорошо испить — употели. Налей-ко туес... Ох, добре...

С добычей Чугреев расправился быстро — обжег, да сунул на угли, никакого вмешательства Вожникова и не понадобилось. Братья —

видно было — притомились, да, напившись чаги, подремывали на лапнике в ожидании ужина, вскоре и воспоследовавшего — чудесные оказались рябчики, упитанные, жирные, да и приготовил их Антип умело — в собственном соку.

Все четверо уплетали дичь за милую душу, жаль вот только соль сэкономили, и все ж и почти без соли — вкусоптища! И, главное, много — три дня запросто можно было есть. Подкрепившись, повалились спать, сунув в костер сушину. Тихо было кругом, благостно, правда, где-то вдалеке, за крутым, поросшим хвойным лесом холмом, выли на луну волки — вот тоже опасность еще та, хорошо хоть не напали в ночи. Слава богу, похоже, не чуяли, далековато выли.

Враги поджидали их по дороге на Пашозерский погост, у самого зимника, там, где рядом с дорогой сочился со скальных выступов водопад, наполовину скрытый тонким искрящимся льдом. Возжников хорошо знал эти места — здесь, неподалеку, они с друзьями частенько ловили рыбу.

Первым насторожился Антип, встал на лыжах как вкопанный, втянул носом воздух... и тут же упал, пронзенный пропевшей смертную песню стрелой.

— В лес! — махнув рукой, закричал Иван Борисович. — Скорей к лесу!

Пригнувшись, все трое побежали, так быстро, как только могли, жаль, сильно мешали лыжи, да ведь не сбросишь же их на ходу, не отвяжешь — некогда. Тем более, и снег на пути не везде твердый — сугробов еще было немерено. Снова просвистела над головой Егора стрела, сбила шапку, вторая едва не поразила парня в плечо, хорошо, поскользнулся, упал, да так удачно — в кусточки, — что смог наконец-то избавиться от лыж, а уж дальше — ползком, ползком — к лесу.

Там, в густом бору, и укрылись, там уж не страшны были стрелы, там и перевели дух, осмотрелись... осмотрелись бы, а не дали! Словно псы, выскочили из-за деревьев воины в кольчугах и шлемах — трое бросились на Борисовичей, один — ловкий такой парнишка с узким безусым лицом и серыми сверкавшим из-под шлема глазами — на Егора. Так себе соперник, если б не кольчуга — так «в весе курицы». Правда, меч при нем, ишь, размахался... маши, маши...

Егор выхватил секиру, взмахнул — враг пригнулся, и тяжелое лезвие со свистом разрезало воздух. Мимо! А вот меч — ловок, ловок парняга! — едва не пронзил Возжникову грудь, хорошо хоть успел отпрыгнуть, да снова махнул секирой. Да так, что поразил бы юного супостата прямо в голову, разрубил бы шлем, как нечего делать, а вместе со шлемом и череп... Увы! Враг неуловимо дернулся, отклонился, и в тот же миг резким выпадом ударил

клинком по древку.. Выбитая из рук Егора секира упала в снег. На тонких губах врага заиграла торжествующая усмешка, а в серых, с презрительным прищуром, глазах его словно бы улыбнулась смерть.

Рано радуешься!

Вожников сжал кулаки — боксер он или кто? Подпустить соперника ближе, пусть замахнется и — крюком в челюсть! Полетит в сугроб вверх тормашками, никуда не денется, меч в одну сторону, сам — в другую. Ну! Давай, давай, подходи же!

Враг подошел, замахнулся все с той же ухмылкой...

Егор ударил...

Что-то сверкнуло в воздухе... и отрубленная рука Вожникова, играя кровавыми брызгами, полетела в снег.

Не успел, не успел, бли-и-и-ин...

Один из братьев — Данило — уже лежал с пронзенной копьём грудью, второй — Иван Тугой Лук — что-то яростно крича, еще отбивался от наседавших врагов, но видно было — из последних сил. Кто-то просто зашел к нему сбоку, метнул топор, раскроив череп. Брызнула кровь пополам с мозгом, Иван Борисович, покачнувшись, тяжело осел в снег.

Впрочем, Егор все это уже воспринимал плохо, правда, и боли не чувствовал, лишь только с удивлением смотрел, как из разрубленного предплечья фонтаном бьет-плещет кровь.

А враг — совсем юный, мальчик еще, не мужик — смеясь, снова взмахнул мечом... Ломая ребра, острый клинок, словно зубы голодного хищника, впился Егору в грудь, доставая до сердца.

И — сразу померк свет, словно кто-то выключил рубильник. И ничего уже больше не было — ни боли, ни грусти, ни сожаления, только звенящая тьма и — смерть.

Глава 3

ПУТЬ

— А-а-а-а-а!!!!

Закричав, Егор проснулся в холодном поту, вскочил с лапника, в ужасе глядя на руку... левая оказалась на месте... и правая.

Господи! Вот ведь, приснится же! И главное — все так правдоподобно, натурально так. Парень с мечом. Крюк в челюсть. Блеск клинка и... фонтан крови!

Черт! Правая рука, кстати, болела — как раз там, куда пришелся удар.

— Ты чего разорался, Егорий? — приподнял голову Антип. — Привиделось что?

— Да уж, — молодой человек махнул рукой. — Привиделось.

Вокруг еще было темно, и луна на небе казалась столь же яркой, что и в ночи, однако на востоке, за хмурыми вершинами елей, уже занимались оранжевые зарницы.

— Рассвет скоро, — проснулся и старший, Иван Борисович. — Соберемся-ко, рябчика поедим, да в путь. А, брате?

Данило Борисович, поднявшись, молча кивнул и уселся поближе к тлеющим углям:

— Антип, налуцил бы щепы.

Чугреев тут же выхватил нож:

— Сейчас, господине, сейчас.

Не прошло и минуты, как шаявший палево-рубиновым светом костер вновь запылал ярким веселым пламенем. Борисовичи радостно переглянулись и с завидным аппетитом принялись уплетать вчерашнего рябчика, да так, что только хруст стоял! Не отставал от них и Антип, а вот Вожников что-то не чувствовал голода: может быть, вчера переел, а, может, потому, что сон нехороший привиделся.

Смачно рыгнув, Чугреев облизал косточку и, бросив ее в костер, потянулся к котомке, вытащил из нее какой-то сверток:

— Эвон!

Сразу запахло чем-то прогорклым, тухлым.

Иван Борисович даже нос пальцами зажал:

— Это что за вонища-то?

— Сало медвежье! — с важностью пояснил Антип. — Старик-то запасливым был. От волков по весне — первое дело. Почуют шатуна — ни за что вослед не пойдут. Так что мажем лыжи!

— Да уж, запасливый дед, царствие ему небесное.

Размашисто перекрестившись, Данило Борисович встал на лапнике на колени и принялся вполголоса молиться, то и дело крестясь и кланяясь. Ему тут же последовали и остальные — старший братец Иван, Антип Чугреев, Егор... А почему б и не помолиться-то? Коли все так делают, так негоже белой вороной быть, тем более и сам-то Егор — православный, бабушкой еще в сельской церкви Фрола и Лавра крещенный.

— Господи Иисусе Христе...

— Николай Угодник Святый...

— Святый Георгий...

— Богородица Дева...

— Удачи пошли, успеха во всех делах наших скорбных.

Щурилась в светящем небе луна, тускло мерцали звезды, ширился, золотил верхушки деревьев рассвет.

— Господи Иисусе Христе!

Помолившись, смазали медвежьим салом лыжи, вскинули на плечи котомочки. Старший — Иван Тугой Луг Борисович, бороду рукой пригладил:
— Ну, инда и в путь. Веди, Егорша!

Егор и повел. Не к Белоозеру, куда беглецы хотели, нет — в Пашозеро, как сам для себя решил. А зачем с этими придурками по лесам шататься? До Пашозера, как молодой человек прикинул еще вчера вечером, было где-то километров двадцать или чуть больше — почти целый день идти, по крайней мере — до полудня, лыжи-то не беговые — охотничьи. А что тут ближе-то? Если только в соседний район выйти... или даже в Вологодскую область.

Шли по зимнику, большей частью тянувшегося по льду неширокой речки, но временами, срезая углы, взбиравшегося и на холмы, и дальше — по лесам, через болота, летом бы тут ни за что не пройти, потому и «зимник».

Солнце, поднявшееся в светло-синее, словно протершаяся джинса, небо, светило путникам в спины, лишь иногда уклоняясь в сторону из-за изгибов пути. Сразу взяв темп, шагали ходко, никаких перекуров не устраивали: странно, но все трое невольных спутников Вожникова оказались некурящими, как, впрочем, и сам Егор; ну он-то понятно, все-таки спортсмен бывший, а вот эти?

А тоже — почти спортсмены, шли так, что сам Вожников ухайдакался и несколько сбавил ход, а сзади уже наступали на пятки, зубоскалили, подгоняли:

— Что, Егорий, устал?

Устал... А почему б и не устать-то? Километров десять уже в таком темпе прошли, будто черти по пятам гнались, Егор уже и дыхалку сорвал с привычки, а этим хоть бы хны! Ну, лоси!

Егор мысленно прикидывал карту — еще немного, и будет скала с водопадами, а уж от нее можно считать — рядом. Скала. Та, что во сне.

Черт! Взобравшись по зимнику на небольшой холм, Вожников пошатнулся — словно обухом по голове ударили. Давление? Или просто устал? И перед глазами возник вдруг — так натурально! — тот самый парень с мечом! Блеск клинка. Взмах... И отрубленная рука взлетела к небу, орошая сугробы рубиново-красными каплями. И так заныла, заболела в том месте, где была перерублена, Егор даже идти не смог, и стон не сдержал, схватился за предплечье.

— Эй, паря! Ты что там?

— Да что-то рука.

— Затекла, что ль? Бывает.

Бывает еще и не то. Но чтоб два раза подряд одно и то же видение... И, главное, вот прямо сейчас, сей момент, Вожников почему-то точно знал:

подойдут к водопадам, так оно все и случится — напорются на засаду и погибнут все! Так оно все и будет.

Вдохнув полной грудью утренний еще не отошедший от ночного морозца воздух, молодой человек помотал головой и сплюнул в снег. Откуда такая уверенность? Погибнут — да! Несомненно. Все трое.

— Да что ты, прости, господи, встал-то? Путь потерял?

Егор сделал еще пару десятков шагов, чувствуя, как скользят по снегу широкие, подбитые беличьим мехом лыжи.

И снова — словно ударило в голову! И правую руку — ожгло! А ноги уже остановились, не шли...

А парень — тот юнец с мечом — возник перед глазами и ухмылялся!

Да что ж такое-то! И вообще, откуда они тут взялись все? С мечами, с копьями. Этот вопрос пока оставался без ответа, а вот предыдущий... Вот тут-то Егор уже начал кое-что понимать! Колдунья! Бабка Левонтиха все же не обманула со своим зельем! Если принять это за аксиому, то... То напрашивается вывод — он, Егор Вожников, все-таки получил, что хотел: возможность предвидеть будущее: пусть локальное, пусть только ближайшее, пусть — только самые нехорошие вещи. Но ведь предвидел же! Иначе б откуда этот сон, эти видения? А вдруг — да правда? И ноги не хотят идти...

Пройдя еще несколько метров, Егор снова увидел перед глазами юное ухмыляющееся лицо воина, снова почувствовал острую боль в правой руке... и не смог уже больше идти. Потому что — знал, потому что — предвидел! Работало бабкино зелье.

— Возвращаемся! — обернувшись, решительно заявил Вожников. — Сбились с пути малость.

— Хо! Сбились? — Иван Борисович нервно расхохотался. — Так ты проводник, аль хвост собачий?

— Да немного совсем. Сейчас вот чуток вернемся назад, а потом свернем.

Беглецы, конечно же, были недовольны, но все ж не спорили да и не ругались долго: послушно повернув назад, вновь пошли за Егором — а куда им деваться-то? Ворчали только:

— Ну, парень, заве-о-ол!

Шли опять-таки — ходко, но теперь проводник вовсе не чувствовал такой обреченности, «отрубленную» в «схватке» руку уже не пронзала боль, и не висела перед глазами ухмыляющаяся рожа юного убийцы в сверкающем стальном шлеме. А главное, на душе стало как-то... ну, не то чтобы хорошо, а спокойно, что ли. Вот ведь бабка!!! Если, конечно, это она, если не показалось все! Да нет, не должно бы.

Пройдя назад половину пути, Вожников уверенно свернул направо, на неширокую поворотку, вскоре приведшую путников к заснеженному лесно-

му озеру, в которое впадала — или вытекала — узенькая речка, даже, скорей, ручей. Местные жители, кстати, произносили это слово с ударением на первый слог — *ручей*. Ну, понятно — финно-угры, вепсы — у них всегда ударение на первый слог падает.

Немного переведя дух, по этой речке-ручью и двинулись дальше, ибо направление совпадало с тем, что держал в уме Вожников — к югу. Прошагать километров двадцать-тридцать, а там уж и выйти к какой-нибудь реке Водского водораздела, без разницы, к какой — Лиди, Колпи, Чагоде. Там, рядом — Боброзеро... интересно, жилия деревня? А пес ее... Лидь — точно нежилая, дачная. Зато Заборье, Подборовье, Ефимовский — жилые! Ладно, раз не пускает бабка в Пашозеро, так хоть туда. Борисычи да Антип, судя по всему, мужики опытные, охотники-рыбаки, вон как прут, бульдозером, никакой волк не угонится, никаким танком не остановишь. Сам-то Егор опять уже уставать начал, хоть и молодой мужик, здоровый, спортсмен тренированный. А вот поди ж ты! Едва стали на привал, так сразу в снег и пал. Руки разбросал, лежал, отдыхая.

— На, рябчика пожуй, Егорий. Теперь-то верно идем?

— Теперь — верно. Говорите, в Белозерск вам?

— Да, к Белоозеру.

— Ну, до Ефимовского провожу... или до Заборья, а уж там доберетесь по железке. Деньги-то есть у вас?

— Деньги? А как же! Вона!

Хохотнув, Иван Борисович сунул руку за пазуху и швырнул Егору маленькую серебряную монетку весом грамма три, с витиеватой надписью.

Молодой человек не сдержался, ахнул:

— Неужто ордынский дирхем?

— Она, она, денга татарская! — Иван Борисович самодовольно убрал монетку обратно. — Немного, но денег таких есть. С полкошки.

С полкошки! Кошка — так в Средние века называли на Руси сшитые из кошачьих шкур (они считались наиболее крепкими) кошельки, крепившиеся к поясу. Вон-вон она, «кошка», или «калита», к поясу Ивана Борисыча привешена — Егор как-то раньше и не замечал, не до того было.

Ишь ты... Ну, точно, реконы! Кому еще-то на поясах «кошки» носить?

— Мужики, разговор к вам есть.

— Вечером и поговорим. Как на ночлег станем.

Однако ордынский дирхем! Как новенький!

Снова пошли. Потянулись по берегам реки угрюмые хвойные леса, изредка перемежающиеся зарослями осины и пустошами. Проложенный по заснеженной неширокой реке зимник то и дело пересекали звериные следы — заячьи, лисьи, волчьи. Как-то за лесом показалась деревушка в две избы, судя по поднимающемуся дыму — жилия. Однако беглецы к избам

не повернули, ходко прошагали мимо. Да и что проку в этих избенках? Круглый год живет там обычно какой-нибудь пенсионер, чаще всего — уставший от большого города петербуржец (точней — ленинградец) или даже москвич. Купил на старость избенку, вот и отшельничает, многим такое нравится. Раз в месяц за продуктами к автолавке выберется, и дальше живет, охотится, рыбку ловит, книжки умные при свечках читает, потому как — что еще делать-то? Ни электричества, ни нормальных дорог, ни связи.

Вожникова подобные глухие места отнюдь не удивляли — бывал, знал, привык — скорее, поражало другое — «зимники». Это были вовсе не тракторные дороги, а типичный санный или лыжный путь, уже достаточно за долгую зиму наезженный, не заметенный. И кому тут надо бродить-то? В здешней глуши и народу-то столько нет. Заезжие охотники, туристы? Да, как видно, они, больше просто некому. За дичью да за рыбкой хаживали... что же, они добычу-то на санях увозили? Ой, едва ли, едва ли. Откуда ж тогда санный путь? Вот как тот хотя бы, что вел к Пашозеру? Еще лет сорок назад оно б и понятно было — колхознички на лошадках ездили, что кому надо, возили — навоз с дальних ферм, молочко в сорокалитровых алюминиевых флягах. Тогда, в те времена — еще понятно, но сейчас?! Ишь ты — сани. Не слишком ли большая роскошь даже для хозяев предназначенных для весьма состоятельных людей охотничьих баз? Одну-то лошадь прокорми, попробуй, а если несколько? Держала одна из хороших знакомых Егора лошадку — все время на дороговизну жаловалась.

Однако... в бане — бычьи пузыри, луки, стрелы, одежда, кошелек-кошка, ордынский дирхем... Это все сделать довольно трудно, Егор, как человек, долго и продуктивно общавшийся с реконструкторами, очень хорошо себе это все представлял. Все окружающие вещи сейчас, казалось, просто кричали — пятнадцатый век!!! Ну, или — четырнадцатый — невелика разница. Но нет... Это было бы слишком уж невероятно... невероятно — но факт! Факты — от них-то куда денешься? И, главное, с луками все, со стрелами, с мечами... Если еще кто-то подобный встретится — тут и думать-гадать больше нечего! Прошлое! Проклятая бабка! Нет... тут, выходит, он сам, Егор, и виноват. Ишь, восхотел предвидения!

И, если все так, как он только что себе представил, если Егор Вожников очутился — сам себя перенес! — в русское средневековье, то... То все встает на свои места, все очень даже логично получается. Спутники его беглецы, но вовсе не беглые преступники из какой-нибудь зоны, по пути обобрававшие краеведческий музей. Нет-ет! Местные. Борисычи — явно не простые люди, бояре, а, может быть — даже какие-нибудь удельные князья. Привыкли повелевать, по всему видно, да и держат себя с гордостью, нет, не с гонором, а именно с гордостью, а к Егору и — особенно — к Антипу Чугре-

еву — относятся покровительственно, как старшие к младшим, словно бы, вне всяких сомнений, имеют на это право. А ведь не шибко и старше-то! Сколько старшему братцу лет? По виду смотреть — около сорока где-то.

На второй ночевке, как развели костер, да братцы вновь вернулись с добычей — на этот раз с зайцем, — Егор повнимательнее присмотрелся ко всем троим: Борисовичам, Антипу. К тому, как они разговаривали, а особенно к обуви, к одежке, поясам да пресловутым кошелькам-«кошкам». Молодой человек украдкой даже плащик Ивана Борисовича пальцами пощупал. Знатный плащик и — сразу видно — вручную выделан: квасцами с корьем дубовым крашен, подбит волчьей шкурою, а уж фибула... фибула... любо-дорого посмотреть! Еще б потрогать...

— Иван Борисович, разреши застежкой твоей полюбоваться. Красивая.

Старший хмыкнул в усы:

— Да любуйся! А что красна — так ты прав. Никита Коваль на мою свадьбу выделал, нашей, нижегородской работы, вещь!

Ишь ты, «нижегородской работы»... а ведь и в самом деле — вещь! Да еще какая! Усевшись поближе к костру, Вожников с любопытством покрутил в руках фибулу — изящную, изображавшую святого Георгия верхом на коне, попирающего копьём свернувшегося кольцами змия. Ажурные золотистые — золотые? — проволочки, разноцветные сияющие краски: карминно-красная, солнечно-желтая, небесно-голубая, травянисто-зеленая, пурпурная, густо-синяя, изумрудная. Чудесная вещь! Как и техника изготовления — перегородчатая эмаль называется, секрет ее считается напрочь утраченным со времен монголо-татарского нашествия.

— А вот, видать, сохранилась, — шепотом произнес молодой человек. — Как раз с тех, монголо-татарских времен...

— Каких-каких времен? — доедая зайчика, переспросил Иван Борисович.

— Монголо-татарских. Ну, времен ига.

— Мудрено говоришь, Егорша. Совсем непонятно. Иго какое-то... его на лошадей надевают, а при чем тут лошадь? — старший почесал бороду. — Татары нам всем зело знакомы, а монголы... о таких никто и слыхом не слыхивал. Что за люди-то?

— Да так, — скрыв удивление, ответил Вожников. — Красивая застежка! Купили где-нибудь?

— Говорю ж, Никитка Коваль, рядович мой, на свадьбу сделал.

Вернув фибулу, Егор опустил глаза: ну, неужели...

Молодой человек, сжав секиру, машинально дернулся было к лесу — прочь, прочь!

— Дров собрался порубить, паря?

— Да не, просто смотрю — не затупилась ли?

— Не об кого еще твоему топору затупиться-то! — враз захохотали Борисовичи, а вслед за ними и Антип.

— Ну, хочешь, так поточи, а мы спать будем. Ты уж — вместо сторожи ночной. Потом Антип сменит.

Егор кивнул:

— Пусть так.

Все улеглись, положив в костер сушину, тут же и захрапели, лишь Вожников остался сидеть на лапнике, вглядываясь в выдавленные по кромке лезвия топора маленькие вытянутые буквы. Именно вытянутые, не строгие — это все для скорости письма, и такой вот, уже отошедший от прежней строгой графики, шрифт, именуется поздним уставом и относится... относится... относится... Эх, черт, еще вспомнить бы! Интересовался ведь, запоминал — у Старой Ладogi на слете Дирмунд Кривой Нож учил, «ранятник», викинг-норманн, в миру — Дмитрий Анатольевич Синева, кандидат исторических наук, археолог, человек, прошлым всерьез занимающийся, профессионально, а не как Егор — от случая к случаю. Хотя вот тогда и Вожников заинтересовался, любил знающих людей послушать, вот и запомнил: самый ранний шрифт — строгий, прямой — устав, замучаешься его выписывать, а этот вот, вот именно такие буквы, уже не столь строгие и словно бы скошенные, это... нет, судя по слишком уж склонившейся «к» — это даже не поздний устав, а полуустав, век этак четырнадцатый, пятнадцатый, самое его начало. Да, именно так и говорил Дирмунд, Дмитрий Анатольевич. Хороший, кстати, мужик, помнится, пили с ним бражку — олут... да так, что потом головы трещали, словно от удара тяжелой палицей или, уж, по крайней мере, шестопером.

Что ж, если они... надо хотя бы вызнать, куда идем-то? Впрочем, это и так ясно — на Белоозеро. А вот кто напал? Кто преследует?

— Кого пасемся-то? — Егор повернул голову к проснувшемуся напарнику. — Волков, что ли?

— А что нам волков-то пастись? — поднявшись на ноги, потянулся Чугреев. — Он, волк-то, не дурак, понимает — нападать на четверых — себе дороже. Был бы из нас кто один — накинулись бы давно всей стаей, и сало б медвежье не помогло!

А вот это уж точно — не помогло бы. Одному в зимнем лесу — смерть быстрая и лютая. Волки! Потому-то Вожников давным-давно отбросил мысль просто кинуть своих более чем странных спутников, да двинуть обратно одному. Ага, двинешь, как же! Быстро чым-то завтраком станешь. Или обедом, ужином — тут уж без разницы. Тем более сейчас, когда вот оно как все обернулось... или — не обернулось еще? Проверить бы... Вот ежели

еще в лесу какая-нибудь деревня встретится — без телевизионных антенн-тарелок, без электричества, вообще без современных вещей... Ладно, пускай не деревня, пусть — просто люди. Если они — по облику, по оружию, по повадкам тоже из средневековья, тогда уж все ясно будет... Невероятно, но факт!

Егору, конечно же, очень не хотелось бы, чтоб так было, но... Вещи-то говорили сами за себя, и весьма красноречиво. В отличие от обычных людей, историческими реконструкциями не занимавшихся, Вожников это очень хорошо понимал. И — если все так — то что теперь? Продолжать сомневаться, старательно обманывая самого себя? Зачем?

Чуть отойдя, Антип шумно помочился в снег и махнул рукой:

— Ладно, спи, Егорий, моя нынче черед сторожить — уж до утра.

— А эти? — Вожников кивнул на храпящих братьев. — Их-то когда черед придет? Или все наша будет? Слушай, Антип, ты так и не сказал — кто они вообще такие-то?

Чугреев посмурнел:

— Про то нам с тобой знать не надобно, говорил ведь уже. Знай, что люди они непростые — того и хватит.

— Хм, непростые, — не унимался молодой человек. — Бояре, что ль?

— Бояре? — Антип замялся и махнул рукой. — Ну, считай, что так.

Подвинув лапник поближе к шающему костру, Вожников молча улегся спать. Вот и поговорили, блин. Ничего нового не узнал. Хитрые — чужого человека пасутся... тьфу ты — опасаются!

Утром встали и снова прошагали весь день, сделав лишь небольшой привал — слегка подкрепиться. Егор мало-помалу принаравливался к такому темпу, но все равно едва за своими спутниками поспевал, вернее — они его все время подгоняли. После полудня вышли на широкий зимник, через пару верст спускавшийся через болото к реке, судя по всему — Колпи или Лиди, никаких других в здешних местах — пусть и в средневековье — не должно было быть.

Ох, скорей бы... скорей бы показалась деревня, или какие-то люди, скажем, охотники...

Надо будет уговорить Борисовичей остановиться там на ночлег, а потом... А что потом? Уйти в леса одному — опасно и глупо. Да и не отпустят его, среагируют обязательно — Иван Борисыч из лука белку в глаз бьет, да и братец его, Данило, и тот же Антип немногим-то в меткости уступают.

Обе речки, и Лидь, и Колпь, Егор знал — хаживал на байдарках (и не один раз), когда еще был школьником, но с той поры больше не довелось, потому и насчет деревень-поселков молодой человек был не очень уверен,

не зная в точности, где они располагались. Тем более, если они древние. Люди-то, конечно, тут и в средние века жили... только вот конкретно — где? Понятно, что где-то около реки, но...

Молодой человек посмотрел под ноги: если предположить, что эта вот речка Лидь, то там — вот здесь уже, должна быть железная дорога и станция — Заборье, а за ней — Тургошь. Но нету железки! И поездов что-то не слышать. А ведь должны были дойти уже!

Господи... во попал-то! Господи-и-и-и...

Жуткая тоска навалилась на Егора, так, в тоске этой, он и уснул, хорошо хоть кошмары не снились.

С утра ярко сверкало солнышко, а вот в полдень повалил хлопьями снег, густой, совсем еще зимний. Мягко падал на плечи, словно издевался — вот вам весна! А подождите-ка до мая! Уж тогда, так и быть, может, и растаю, а до той поры — ни-ни, даже и не надейтесь.

Еще вчера с надеждой высматривающий признаки близкой цивилизации Вожников нынче заметно приуныл, даже шел тише, полностью погруженный в свои невеселые мысли, что немедленно вызвало реакцию беглецов:

— Эй, эй, Егорша! Притомился, что ль? Этак мы с тобой к Белеозеру до распутицы не успеем, будем тут, в лесах, лета ждать.

Белеозеро. Белоозеро, наверное, город такой, довольно большой и знаменитый — еще по «Повести временных лет». И что ему, Вожникову, там делать-то? А здесь? Мысль вдруг ожгла — колдунью, колдунью надо искать, может, обратно отправит. В Белоозере-то, чай, легче найти... да и вообще — город есть город.

Егор сплюнул в снег и прибавил шагу — просят же. Нет, во мужики закаленные — прут и прут, словно немецкие танки к Волге! Даже Антип, и тот оказался двужилым — а с виду не скажешь. Один он, Егор, тут за хлюпика, за маменькиного сынка — так, что ли, выходит?

А вот фиг вам!

Упрямо склонив голову, Вожников закусил губу и, поудобней перехватив палку, попер со всей возможной скоростью, да так, что и не заметил, как спутники его остались далеко позади, где-то за излучиной, так, что и не видать — снегопад же! Остановился, лишь когда услышал крики:

— Эй, эй! Егории-и-ий! Жди-и-и-и!

Ха, жди! То-то! А то ишь, привыкли — умеем и мы кое-что.

— Ну, ты, брат, и двинул!

Шумно дыша, выскочил из снежной пелены Иван Борисович, за ним показался Данило, братец, а уж потом — в арьергарде — Чугреев Антип.

— А мы думали — спекся ты давно.

Егор скривил губы:

— Ничего! Еще побегаем.

— И куда мы теперь? — негромко поинтересовался Данило.

— А туда, — Вожников махнул рукой. — Все по реке.

Немного отдохнув, путники направились дальше, слава богу, слежавшийся за долгую зиму снег не проваливался, лыжи скользили легко. Да и непогодь скоро закончилась, сквозь разрывы жемчужно-серых облаков вспыхнула, загорелась, мелькнула сверкающая лазурь, а следом за ней — и солнце.

Егор прищурил глаза, улыбнулся — ну, наконец-то, давно бы так! И тут же вдруг сильно сдавило виски. Так просто, ни с того, ни с сего... Вожников резко замедлил шаг, физически ощутив что-то подозрительное, чужое. Снова помогало бабкино зелье? Да, похоже, что так: молодой человек отчетливо почувствовал спиной чей-то недобрый взгляд. Погоня? Может быть. А, может — и местные. Охотники, рыбаки... Так это ведь хорошо! Наконец-то — люди. Вот и прояснится все окончательно, они ж явно сами по себе будут, никак с беглецами не связанные.

А вдруг... Вот нет-нет, да и шевелилась однако мыслишка. А вдруг у них мобильники есть? Где-то в глубине души Егор все же на это надеялся.

Вдруг заболело, заныло сердце. И — словно что-то ударило в голову: резко, с болью... А перед глазами вдруг возникла стрела — не одна, несколько, они вылетели из-за кустов, пронзив грудь Егора, поразили и Борисычей, Данилу — так вообще ударили в шею, а вот Антип уклонился, бросился в снег...

— Эй, Егорий, чего встал?

Молодой человек вздрогнул:

— Что, Иван Борисович?

— Говорю — чего застыл-то? Притомился?

— Что-то нехорошее чувствую, — устало признался Егор. — Словно идет кто за нами. Следит.

— Следит?

Обернувшись, Иван Тугой Лук подозвал Чугреева, что-то хмуро сказал. Антип с готовностью кивнул, Борисыч же махнул рукой Вожникову:

— Идем дале, паря. Посматривать будем.

Посматривать... Неплохо сказал. Интересно, за кем только? Егор, конечно, что-то такое нехорошее чувствовал, но вокруг никого из чужих не видел.

— Пошли, пошли, не стой.

Снова закрипели по снегу лыжи, группа на этот раз растянулась, так что, оглянувшись на излучине, Егор едва смог разглядеть далекую фигурку

Антипа. Чугреев шел на лыжах медленно, сильно припадая на правую ногу — подвернул, что ли? Или так, притворяется для чужих взглядов.

За излучиной Иван Борисович приказал остановиться и ждать. Антип, впрочем, приковылял быстро, да как только с излучины завернул, так и во все хропать перестал. Прав оказался Егор — притворился.

— Ну? — нетерпеливо спросил Данило. — Что там?

— Прав Егорша, идут за нами, — Чугреев задумчиво почесал бороду, черную, цыганистую, разбойничью, прищурился. — Не так давно — но идут.

Иван Борисович вскинул глаза:

— Погоня? Афонька Конь, подлюга, нагнал все ж таки!

— Нет, господине, — отрицательно дернул головой Антип. — Афонька Конь и людишки его здешние места не дюже ведают. Те же люди, что за нами идут — то там, то сям по бережку путь срежут. Местные! Но от того нам не легче.

— Знамо, не легче. Мы ж для них чужаки.

Данило пожал плечами и хмуро посмотрел на Чугреева:

— Как, Антипе, мыслишь — они на нас нападут?

— Вот уж не скажу, господине.

— Зато я скажу! — отогнав вновь нахлынувшее видение, вступил в разговор Вожников. — Обязательно нападут. Достанут стрелами.

— Стрелами, говоришь? — Данило недоверчиво ухмыльнулся. — Чего ж сразу стрелами-то?

— А чего бы и нет? — решительно поддержал Егора старший брат. — Четверо дюжих мужиков... стрелами-то нас сподручнее. Ты б, Антипе, где засаду устроил?

Приложив руку к глазам, Чугреев посмотрел вперед:

— Да во-он за тем мыском, где ельник. Просто дождался б, когда мы за мыс свернем, срезал бы по бережку путь... да стрелами б и встретил. Мило дело, мы ж на реке-то, как на ладони все.

Иван Борисович замолчал, задумался; в светлой окладистой бороде его маленькими искорками блестели снежинки.

— Помнишь, брате, Бешмай-татарин рассказывал... — негромко произнес Данило.

Старший братец неожиданно улыбнулся и махнул рукой:

— Вот и я, Данил, как раз Бешмайку вспомнил. Тако и мы сладим. Егорий, Антип — теперя не торопитесь.

На это раз Вожников остался позади вместе с Антипом, Борисычи же ходко усвистали за мыс, да там и свернули к ельнику.

— Отчепляй лыжи, Егорий, — проводив братьев взглядом, быстро распорядился напарник. — Не совсем отчепляй, а так, чтоб едва держались.

— Зачем? — недоуменно спросил молодой человек.

— А затем, что мы тобою сейчас — заместо живца. Свист как только услышишь, сразу в снег падай, усек?

— Усек. Да, конечно.

До Егора наконец-то дошло, парень даже усмехнулся, оценив хитрый план Борисовичей — переломить ситуацию в свою пользу, из дичи превратиться в охотников. Теперь лишь бы те, чужаки, не перехитрили.

— Ложи-и-сь!

Резво отпрыгнув в сторону, Антип с силой толкнул своего спутника, и тот кубарем полетел в сугроб, отбросив лыжи.

— Ты совсем уж офонарел! — заругался было Егор, но...

...но тут же прикусил язык, увидев перед своим носом впившуюся в снег стрелу с серым дрожащим оперением!

Ввухх!!!

Совсем рядом впились еще две!

Средние века, однако... ну, точно!

Выходит, правы Борисовичи... Если не погоня, то... то — кто? Кому тут надобно стрелами?..

— Эй, парни, вставайте! — донесся насмешливый крик.

С заснеженного мыса, из ельника, показался Иван Борисович. Довольный, он деловито забросил на плечо лук:

— Немного-то их и было, лиходеев весянских, всего-то четверо, как и нас. Потому и не нападали — решили на стрелу взять.

Быстро вскочив на ноги, Вожников стряхнул снег:

— Так вы их что... всех?

— Всех, — с еле заметной досадой отозвался Иван Борисович. — Хотел, конечно, одного-пару ранить, да опосля поспрошать. Не вышло! Ловки больно.

— На свои головы легки, — скрипя лыжами, к беседующим подошел другой брат, Данило. — Все четверо — наповал.

— Жа-аль.

— Вот и я говорю. Хотя что их жалеть-то, шпыней подлых? Не мы нападали — они. Кто хоть были-то? На Афонькиных не похожи.

— А пошли-ка, брате, глянем еще разок.

Убитые лежали друг против друга, видать, только-только свернули к мыску, где и были встречены разящими без промаха стрелами. Один — лет сорока, жилистый, седобородый, с узким землистым лицом и покатыми плечами, трое остальных — совсем еще молодые парни, подростки, жить бы да жить. И с чего им вздумалось нападать? Или они вовсе нападать и не собирались? Это Борисовичи почему-то так решили... и — Егор.

Видение-то все-таки было! Предчувствие! Не зря ведь бабка Левонтиха говорила...

— Этот, видать, за старшого у них.

Наклонившись, Антип проворно обыскал трупы людей, вовсе не походивших ни на охотников, ни на рыбаков. Даже на туристов — и то не тянули, а скорее, напоминали бродяг. Одеты в нагольные полушубки, посконные рубахи, порты из сермяги, обмотки — лапти... нет, на некоторых — поршни, из кожи, не из лыка. При все при этом — острые широкие ножи, луки со стрелами, на шее у старшего — какой-то странный серебряный амулет в виде уточки.

— Поганые! — брезгливо скривился Иван Борисыч. — Крестов нету.

Данило зло сплюнул:

— Туда им, шпыням, и дорога — в ад! Эй, Антипе! Глянь-ка в котомке.

Чугреев и без мудрых указаний уже развязывал заплечный мешок — котомочку — трофейную, так скажем. Егор с любопытством вытянул шею: какие-то оставленные, видать, для наваара, кости, бережно завернутая в тряпицу соль, металлическая пластинка — кресало и кремь, плетенная из лыка баклажка.

Антип, не думая долго, вытащил затычку, хлебнул... да, прикрыв глаза, улыбнулся блаженно:

— Бражица!

— Дай-ко!

Принялись приговаривать баклажечку. Напиток (явно из сушеных ягод) показался Егору странным — каким-то прогорклым, кислым... впрочем — на любителя, скажем, Антип выпил с большим удовольствием, даже губами причмокнул:

— Жаль, шпыни мало взяли.

Данило Борисович рассмеялся:

— Ага, делать им больше нечего, как нас бражкой поить.

— То не бражка, — помотал головою Антип. — То вино весьянское — олут.

— Все одно — бражица. Эх, медовухи бы сейчас!

— Э, сказанул, — старший, Иван Тугой Лук, засмеялся. — Лучше уж, брате, стоялого медку. Ничо! Вот доберемся, вот выберемся.

— Так татары ж, брате, не пьют.

— В Орде-то не пьют? Ага, как же!

В Орде... Вожников задумчиво посмотрел в небо, светло-голубое, высокое, чуть тронутое белыми кучерявыми облаками, подсвеченными снизу золотисто-оранжевым светом уже клонившегося к закату солнца. Вот и еще один день прошел. Очередной день. И что? А ничего хорошего. Господи!

Молодой человек неприязненно покосился на своих спутников, потом перевел взгляд на трупы... Как много у них стрел, и все разные. Егор чуть отошел, наклонился и поднял упавший в снег колчан. Вот эти, тупые — на белку, на соболя, раздвоенные — на куницу или лису, а эта вот, граненая... вообще, странная стрела — бронебойная, что ли?

— От такой, пожалуй, и кольчужка не спасла бы, — незаметно подойдя сзади, молвил Антип. — Знавал я в Хлынове одного мастера, как раз такие наконечники делал. И как-то ходили мы в Орду, на Жукотин, так... Ладноть! — Чугреев вдруг резко оборвал сам себя и, скосив глаза на Егора, хитро прищурился: — Слышь, Егорша, ты потом, как к Белоозеру выведешь, куда?

— Хм...

Вожников не знал, что и ответить — ну, выведет, скорее всего, примерно-то дорогу знал.

— Может — Белоозеро все же?

— Так я про то и говорю. В Орду ж мы с Борисовичами не пойдем, уж дальше-то они сами.

В Орду..

Молодой человек помотал головой, словно отгоняя нахлынувшие нехорошие мысли:

— А ты, Антип, куда все меня зовешь-то?

Чугреев осторожно обернулся на допивавших баклажку Борисовичей:

— Опосля поговорим, ага? Не для лишних ушей это дело — для наших с тобой токмо.

— Опосля так опосля, — кивнул Егор.

— Скоро пурга, однако, — опасливо посмотрев в быстро затягивающееся тучами небо, Антип сплюнул в снег. — Надо бы в лес свернуть, а, господа мои?

— К лесу — так к лесу, — кивнул Данило Борисович, а его старший братец без лишних слов повернул лыжи к берегу.

Идти стало труднее — цеплялся за ноги густой подлесок, колючие еловые лапы царапали руки и лицо, словно бы не пускали куда-то. Небо над могучими соснами и елями клубилось плотными серыми облаками. На глазах становясь ощутимо низким, оно словно бы наваливалось на землю, облепляя все вокруг, как выброшенный из тарелки прокисший кисель. Все зверье в лесу куда-то попряталось, даже птицы с ветки на ветку не перепархивали, то ли люди их испугали, то ли предстоящая непогода.

Путники уже начали присматривать удобное для остановки место — под какой-нибудь раскидистой елью, как вдруг задул верховой ветер, рас-

качал вершины деревьев, погнал по небу облака — вот уже и появились лазурные разрывы, и — пока только на миг — проглянуло солнышко.

— А, кажись, пронесет! — Иван Борисович с довольной улыбкой перекрестился. — Слава те, Господи!

И в самом деле, окружающая обстановка начинала потихоньку радовать — ветер разогнал тучи, заголубело небо, засверкало над лесом солнце. Можно было спокойно продолжать путь.

Поразмыслив, беглецы решили выйти к реке с другой стороны, за излучиной, таким образом, срезав, по прикидкам Егора, километра три, а то и больше. Сговорились, ухмыльнулись друг другу — пошли.

Лес вдруг стал редеть, и лыжи заскользили куда веселее. Вскоре четверка оказалась на большой поляне, в конце которой чернел частокол. Деревня!

— Обойдем? — опасливо обернулся Чугреев.

Иван Тугой Лук хмыкнул:

— Думаю, там нет никого. Ни дымов не видать, ни людей, даже собак не слышно. Да и местные-то охотники нас давно бы заметили.

— Да уж, это точно. Брошенная деревенька-то, — согласился Данило. — Зайдем — чего кривулями плутать зря? Может, соль там същем или... если вдруг снова непогодь — заночуем.

— Инда так и поступим. — Иван Борисович махнул рукой: — Пошли, парни.

Валялись в снегу сорванные с петель ворота, и, как только лыжники миновали их, явственно запахло гарью. Пять засыпанных снегом по крыши изб — большая деревня! — амбары... ага, вот они и горели-то! Пепелище!

Направляясь следом за Борисовичами к самой большой избе, Возников вдруг зацепился лыжей о какое-то бревно.

Наклонился...

— Господи!

Не бревно это было, а труп! Труп пронзенного стрелой мужчины.

Боже! Боже! Опять эти стрелы, армяки, копья...

— Дня три назад убили, — со знанием дела определил Антип.

— А вон еще мертвяк, — Данило Борисович указал на крыльцо, на ступеньках которого тоже валялся припорошенный снегом труп, только этот не был поражен стрелой. Несчастного просто зарезали... Нет!!! Зарубили мечом... или секирой.

— Мечом, — снова пояснил Чугреев. — Вона, удар-то чрез ребро прямо в сердце. Хорошо били, умело. А вот того, глянь, Егорша — секирою.

Молодой человек обернулся... и его чуть не вырвало от одного вида разрубленной надвое головы!

Господи... значит, все так и есть... Уж точно — средневековье!

Подошедший сзади Иван Тугой Лук хлопнул Вожникова по плечу:

— Ну, че встал, паря? Пойдем, глянem.

Проникающий через распахнутую дверь свет падал на скудную обстановку избы. Сложенный из камней очаг, стол с лавками... Нехитрая домашняя утварь: глиняные горшки, деревянные миски, кадлушки. В углу стояла рогатина.

Егор и хотел бы, конечно, увидеть хоть какой-нибудь прикнопленный к стеночке календарь с голыми девками, однако в душе понимал уже, что совершенно напрасно надеется...

— Эвон, под лавкой-то!

Иван Борисович наклонился и вытащил из-под лавки... мертвого ребенка! Опять же зарубленного — из залитой коричневой запекшейся кровью груди торчали белые ребра...

Вожников вроде бы никогда не был хлопиком, но тут не выдержал, и, выбежав на двор, завернул за угол, закричал — его вырвало.

Очистив желудок, молодой человек еще немного постоял так, согнувшись, и, более-менее придя в себя, вскинул голову. За углом, близ плетня, торчали какие-то пугала... почему-то сразу три. Что, птиц так много?

Егор присмотрелся и...

Лучше б он этого не делал!

Никакие это были не пугала — люди! Посаженные на кол люди!

Значит — правда... тупое и дикое средневековье!

— Господи-и-и-и!

— Здоров ты кричать, Егорша! — хмыкнул вышедший из избы Иван Тугой Лук. — Думаю, ночевать мы тут не будем, дальше пойдем... Ну, чего встал-то? Мертвяков не видал?

— К-кто их, интересно... и за ч-что... — заикаясь, промолвил Вожников.

— Верно, соседушки, — Иван Борисович шумно высморкался. — Из-за землицы али из мести. Всяко бывает. Леса! Народ кругом дикий.

Егор сглотнул слюну. А ведь просто все! Взять да поинтересоваться, коли уж они бояре или даже князья.

— Иван Бо... Еще спросить хочу.

— Ну, спрашивай.

— Иван Борисыч, вот скажи-ка, а какой сейчас год?

— Обычный год, — с некоторым удивлением отозвался боярин... или князь. — Как и прошлый, малость подождливей только.

— А лето, лето какое? Ну, от сотворения мира?

— От сотворения мира? — Иван Борисович ненадолго задумался, зашевелил губами. — Тебе зачем надо-то?

— Да так...

— От сотворения мира шесть тысяч девять сотен осмнадцатый. Ну да, так и есть — в березозоле-ветроносе месяце, по-гречески — в марте — как раз Новый год и начался.

— Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый... — обалдело повторил Егор... Это ж... это ж...

Глава 4

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ...

— Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый год... Однако...

Уже на реке, осмысливая увиденное и услышанное, молодой человек принялся вычислять более привычную дату — хоть как-то призвать мозги к порядку. Да и отвлечься... безжалостно зарубленный ребенок, мертвые на кольях... Жуть!

Итак... раз год начинался в марте — по крестьянскому календарю, не по церковному, значит, нужно отнять от числа сотворения мира пять тысяч пятьсот восемь лет... или — в случае с мартовским годом — пять тысяч пятьсот семь. Ну да — год новый как раз только что начался, а старый — наш — с января... Значит, значит — сейчас у них на дворе тысяча четыреста девятый год! Апрель, если точнее. Ну да, ну да — то-то Борисычи все Едигея вспоминали... И кто у нас сейчас правит? В Москве... нет, не Дмитрий Донской, тот уже умер... Ага — сын его, Василий Дмитриевич...у которого с Борисовичами какие-то разборки. Значит, Борисычи тоже какие-нибудь князья, а не простые бояре.

Господи-и-и-и... Пятнадцатый век! Самое его начало. Да разве может такое быть? Сложно представить, а ведь есть — вот оно! Вот она, баня, попарился, блин... Вот они — прорубь и зелье — водица заговоренная Левонтихи-бабки. Ой, а может, не зря все же колдуний казнили, как вот эту волхвицу? Точно, бабка подсурошила, зельем своим... точнее, уж тогда не бабка, а он сам, Егор Вожников, виновник всех своих бед. Он же хотел снадобье, хотел всякую пакость предвидеть — вот и предвидел теперь. Только не у себя, а... Черт побери! Левонтиха-то честно про грозу предупреждала, мол, не нужно в грозу-то, нельзя! Егор тогда не внял — какая, блин, в марте гроза-то? А ведь была гроза! И молния — вот теперь-то он вспомнил — блеснула! Может, от этого и случилось все? А как же... как же теперь назад? Опять в прорубь нырять? А снадобье, воду волшебную? Ее-то откуда взять, с собой-то не прихватил ничего — занырнул в чужой мир голым! В буквальном смысле слова занырнул.

Нет, вот теперь, хоть и не хочется верить, однако же все логично, все на своих местах — и беглецы, и странные люди в лесу, луки, стрелы и про-

чье. Теперь ясно, куда железная дорога делась, да мост, да сотовой связи вышки — не построили еще, не успели, через пятьсот с чем-то лет только выстроят.

И что теперь? Одна тысяча четыреста девятый год... Чего делать-то? Одному не выжить, это вообще-то любому человеку, вовсе не обязательно реконструктору, ясно было б. Значит, надо добраться... ну, хотя бы до Белоозера, а уж там поглядим... Антип, кстати, пару раз недвусмысленно намекал, звал даже в ватагу. В банду? Идти? А куда же еще-то! Кому он, Егор, тут нужен? Или — с Борисовичами... так те, похоже, в нем нуждаться не будут.

Вот, блин, судьба! Пятнадцатый век... Еще бандитствовать не хватало для полного счастья. От всего на голову свалившегося тут волком завоешь — Господи-и-и-и!

Вожников и сам не заметил, как уснул, а проснулся от тычка в бок: Антип разбудил, Чугреев:

— Вставай, Егорий, вставай! Твой черед сторожить.

Это слово он произнес особенно, с ударением на средний слог, не сторожить, а сторожить.

Ну, сторожить так сторожить, тем более — и впрямь его очередь. Егор про себя усмехнулся: Борисычи, уж конечно — бояре, сторожить им не по чину.

Еще было темно, горели за редкими облаками звезды, и тощий, какой-то обглоданный огрызок месяца покачивался, зацепившись рогом за кривую вершину высокой сосны, росшей неподалеку от устроенного путниками бивуака. Все так же шаял в низинке костер, все так же выли волки. По пятам шли, гады, надеялись на поживу! Хм... А ведь не зря надеялись! Тех четверых, трупы... волки — они ж подберут, обглодают до последней косточки, да и косточками кому поживиться — найдется. К тому ж — ледоход скоро, весна, а по весне все эти реки-речушки — горные и неудержимые, как стремительно несущийся сель. Вожников вспомнил, сколько продвинутых байдарочников тут погибло — и не сосчитать! Как в древности варили — «без числа». Приедут в конце апреля за экстримом — получают сполна, вся река по берегам, как федеральная трасса — в памятниках да в траурных венках.

Чу! Где-то за спиной вдруг скрипнул снег. Егор быстро обернулся — зеленовато-желтым пламенем сверкнули прямо напротив глаза. Волк! Ах ты ж, зараза. Молодой человек выхватил из костра головню, швырнул не глядя. Зверя как ветром сдуло. Значит — сытый. Еще бы...

Еще б человеческое жилище увидеть... посмотреть. С чего бы вот так безоглядно Борисычу верить... Хотя, а как тут не поверишь-то?

К человеческому жилью путники добрались примерно через десяток дней, когда по узкому зимнику вышли к какой-то большой реке. Увидав ее, Антип бросился на колени прямо в снег и долго молился, после чего, вскочив на ноги, крепко обнял Вожникова и даже облобызал:

— Ну, Егорий! Ведь вывел все ж таки. Молодец! А, господа мои? — Чугреев обернулся к братьям. — Теперь, как уговаривались, на Белеозеро? Или, может, в Устюжну, в Вологду, как?

— Ты еще скажи — в Ярославль, в Суздаль! Почему ж не в Москву? — нервно усмехнулся Данило Борисович.

Старший же брат, Иван Тугой Лук, лишь покачал головой, настойчиво заметив, что «на Белеозере» и людищи свои, и глаз чужих меньше.

— Явимся на посад, не в сам город, там и поживем, вроде бы как купцы — там таких много — пока реки ото льда не отойдут. А уж потом... потом поглядим. Тут уж с вами рассчитаемся, не сомневайтесь, да... — Иван Борисович неожиданно покраснел, и, обернувшись, погрозил кулаком кому-то невидимому. — Ну, поглядим, князь Василько! Ужо найдем в Орде правду.

— А не найдем ежели? — Данило сплонул в снег.

— А тогда — в Хлынов! — сжал кулаки старший брат. — Наберем ватагу, да... ух!

— Так, может, тогда, господа мои, сразу в ватагу? — несмело предложил Антип.

Братья разом замахали руками:

— Что ты, что ты! Думай, что говоришь-то. Мы разбойники, что ль?

По этой широкой реке (Шексне, как определил Вожников) и пошли дальше, и уж тут-то путь был наезжен, такое впечатление, будто впереди шел большой санный обоз, оставляя после себя лошадиный навоз, кострища и кучи всякого мусора — какие-то огрызки, рыбы кости, даже выброшенную кем-то изрядно прохуdivшуюся баклагу.

А ближе к вечеру встретился и ехавший на лошади с волокушами-санными мужик. Крепенький такой бородач в коротком полушубке мехом наружу, справных юфтевых сапогах и волчьей шапке. На боку у мужичка болтался изрядных размеров кинжал, а к седлу были приторочены кожаные дорожные сумки.

Пятнадцатый век — понятно... и логично, о чем разговор? Просто — немало невероятно... так, слегка.

Незнакомцев мужичок встретил без страха. Придержав коня, поклонился в седле:

— Здрaвы будьте, добрые люди.

— И ты, человеце, здоров будь. С Белеозера?

— Не, с починка еду. Сына старшого навещал. Язм Микол Белобок, своеземец, может, слышали?

— Не, — Борисычи, переглянувшись, пожали плечами. — Не слыживали. А до Белеозера долго ль еще?

— Да недолго, дня три. Вы, смотрю, приказчики, гости?

— Они самые и есть.

— С каких земель?

— Устюжане.

— Добрый городок. Слышал.

— Ты, мил человек, скажи — нам тут дальше заночевать есть где?

Своеземец Микол неожиданно задумался, даже сдвинул на затылок шапку:

— Было бы где — да. В Почугееве, село такое тут, большое, в пять домов, там и постоялый двор... Токмо он занят, да и избы все — обоз перед вами идет с Ярославля. Гости ярославские чего бают — страсть! Будто Едигей-царь, с Москвы выкуп забрав, все земли полонит, жжет, грабит. Стон по всей Руси-матушке стоит от ратей его безбожных... Правда ль? Жжет?

— Да, лютует царь ордынский, — с видом знатока покивал Иван Тугой Лук. — Все потому, пока в Орде замятня была, Москва им дань не платила — а и кому было платить? Сегодня один царь, завтра — другой, послезавтра, прости, господи, третий. Кому, спрашиваю, платить-то?

— Инда так, так, — согласился Микол. — Ну, поеду, пора уж. А вам присоветую еще до села на постой встать. Тут скоро деревенька будет, в три избы, как раз напротив острова, так вы в крайние ворота стучите, да Голубеева Игната спросите — он вас на ночь и приотит. Мужик хороший, возьмет недорого — всего-то денгу. Есть у вас деньги-то?

Иван Борисович надменно хохотнул:

— Денгу заплатим. Благодарствую, мил человек, за совет, да за помощь.

— И вам пути доброго.

— Интересно, — проводив его взглядом, негромко протянул Вожников. — А этот чего же на нас не бросился, ватагу свою не собрал? Подстерегли бы, да...

— Ой, дурень, дурень! — от души расхохотался Антип.

Егор даже обиделся:

— Чего сразу дурень-то? Те вон, парни, в лесу — ведь напали бы, сам говорил.

— Так то — людишки лесные, дичь! Для них каждый чужак — враг, а для местных, наоборот — деньги. Тут ведь торговый путь! А ну-ка, поди, побезобразничай — враз огребешь от здешнего князя. Да и людно тут,

эвон, — Антип показал рукой. — Не та ли деревня? Вон и остров напротив как раз. Нам в крайнюю избу, туда... Голубеева Игната спросить.

Вожников уже ничему не удивлялся — еще бы! — ни массивному, высотой в полтора человеческих роста, тыну из заостренных бревен, ни сколоченным из дуба воротам, кои, заскрипев, отворились, едва только Антип назвал Игната, ни бросившихся было на гостей огромным цепным псам.

— А ну, цыть! — прикрикнул на собак неприметный, среднего роста, мужчина, на вид лет пятидесяти, но еще крепкий, с седоватой бородкой и темными, глубоко посаженными глазами. — Ну, я Игнат. Вы насчет ночлега? Ярославские гости-купцы?

— Не, ярославские дальше проехали, а мы — с Устюжны, — пригладив бороду, Иван Борисович протянул на ладони денгу. — На вот, Игнате, бери.

— Возьму, что ж, — недоверчиво попробовав монетку на зуб, хозяин, как видно, остался доволен. — Что без товара-то? Одни лыжи.

— Обоз-то давно уже в Белеозере.

— Поня-а-атно, — усмехнулся Игнат. — По зимней дорожке пойти не решились, летней дожидаетесь.

— То так.

— Не вы одни тако. Ладно, в людскую горницу проходите, располагайтесь, потом челядина пошлю — позвать поснидать. Эй, Федько! Федько, да где тебя собаки носят-то?

На зов прибежал парнишка лет пятнадцати, смуглый, худой, с копной темно-русых волос и давно не мытыми руками. Все, как положено — штаны с прорехами, заплатки на локтях, сношенные лапти. Живая картина из пьесы «Богач и бедняк». Игнат тут, выходит, за кулака, а Федька — работник, батрак, значит. Хотя, конечно, более правильно другое: Федька — это челядин, либо обельный холоп — бесправный раб попросту.

— Язм, господине, токмо и собирался... у-у-у...

Получив от хозяина увесистого «леща», паренек скривился от боли, и низко поклонился:

— На зов явился... вот он я.

— Вижу, что ты, хвост собачий! Гостей в горницу проводи!

Никаких признаков цивилизации Вожников ни во дворе, ни в избе не обнаружил, да и не искал уже. В бревенчатой избе, рубленной в обло с покрытой сосновой дранкой крышей, оказалось ничего себе: тепло и даже как-то уютно — закопченные иконы в углу, да топившаяся по-черному печь, дым из которой, скапливаясь под стропилами, выходил в деревянную

трубу — дымник. Старина, чего уж! Все сработано на совесть — без единого гвоздя, с дощатым, выскобленным добела полом и тремя волоковыми оконцами, вырубленными в смежных бревнах и закрывавшимися — «заволакивавшимися» — досками, естественно, тесаными, не пилеными.

Войдя, все сняли шапки и перекрестились на иконы.

Федька повернулся к Борисычам, безошибочно признав в них старших:

— Я, господа мои, вам на сундуках постелю — все ж спать пошире. А вам, — парнишка перевел взгляд на Егора с Антипом, — на лавках.

— На лавках так на лавках, — согласился Вожников. И тут же пошутил: — Слышь, Федя, а у вас тут мобильная связь берет?

— Берет? Не-а, — подросток замахал руками. — Никто тут ничего не берет, и у вас не возьмет, пастися не следует, татей нету.

Иван Борисович деловито осведомился про баньку, мол, а не истопил бы хозяин?

— Дак и велит истопить, коль попросите, — широко улыбнулся парень. — Но только за...

— Понятно, — не сдержался Егор. — За отдельную плату. Ну, что, господа, будем баньку заказывать? Я — так бы за милую душу.

— Да, — погладив бороду, кивнул Иван Борисович. — Коли время есть, чего ж не попариться? Скажи хозяину — пусть велит. Мы, сколь скажет, заплатим.

— Сейчас же и передам, — уходя, низенько поклонился отрок.

— Может, нам еще и девочек заказать? — пошутил Вожников, на что Борисовичи хором сплюнули:

— Тьфу ты, срамник! Еще что удумал!

— Да я так просто, — засмеялся Егор. — Ну, не хотите, так как хотите. Кстати, откуда ты, Иван Борисович, взял, что Игнат — своеземец? Может, он боярин, или из детей боярских, а?

Его вопрос снова вогнал Борисычей в смех:

— Ну, скажет тоже — боярин! В такой-то курной избе? А усадьба, похоже, его, знать — своеземец, однодворец даже.

Возникший теоретический спор на темы социальной истории русского средневековья был прерван появлением Федьки. Вежливо постучав, парнишка, не дожидаясь ответа, распахнул дверь:

— Хозяин в баньку зовет. С полудня еще топлена — мылись. Сейчас бабы ополоснут, чтоб чисто, — и прошу.

— Квасу пусть хозяин твой в баньку пришлет.

— И кваску, и бражицы!

Попарились быстро — не до пару, грязь бы поскорей смыть, к тому же не хотелось заставлять долго ждать гостеприимного хозяина. Помывшись,

уселись в предбаннике — охолонуть, Федька как раз притащил глиняный жбан с квасом. Забористый вышел квасок, хмельной! Егор две кружечки выкушал — захмелел даже.

— Еще кваску, господа мои? — изогнулся в поклоне подросток. — Я живо сбегаяю.

Тут только Вожников заметил свежий, расплывшийся под левым глазом парня синяк — кто-то хорошо, от души приложился. За дело?

— Не надо бегать, — одеваясь, промолвил Иван Борисович. — Сейчас и за стол, так?

— Так, — кивнул Федька. — Хозяин ждет уж. Ухи наварено — налимья, осетровая, стерляжья. Да студни, да каши разные.

— Ну, вот и пойдем, — потянувшись, Данило смачно зевнул. — Там и выпьем. Егорий, ты что застрял? Еще париться хочешь?

— Да нет, только водой окачусь.

— А мы пока — в избу. Ты давай тут недолго.

— Да быстро. — Егор придержал в дверях Федьку: — Сам-то кваску выпей.

Юноша в страхе отпрянул:

— Да не можно мне! Вдруг да хозяин прознает? Убьет! Для гостей квасок-то.

— Да не убьет, — ухмыльнулся Вожников. — И не узнает. Садись вон, пей. Давай, давай, не отказывайся!

— Благодарствую. — Быстро опростав кружку, подросток утер губы рукавом рубахи и неожиданно улыбнулся: — Добрый квасок. Упарился за сегодня весь, уфф...

— Пей еще... Давай, давай, не стесняйся. Что хозяйина-то так боишься? Раб ты ему, что ли?

— Раб.

— Я так и подумал, — Егор потянулся. — Ох, господи, ну и глушь тут у вас.

— У нас-то еще не глушь, — обиженно сказал Федька. — Есть места и поглуше.

Егор со смехом хлопнул его по плечу:

— Да кто б спорил, Федор? Кто тебя этак в глаз-то приложил?

— Да так, — скривился парень. — Бывало и хуже. В прошлом месяце на конюшне выпороли, едва кожу всю не стянули, думали, я крынку с медом украл — а я ее, крынку-то, и в глаза не видел. Вот тогда было больно, а сейчас... синяк — тьфу.

— Да-а, — прищурившись, Вожников снова плеснул квасу, да, выпив полкружки, отдал остатки Федьке.

— Благодарствую.

- Слышь, Федя, а это Игнат — он все же кто?
- Игнате — хозяин.
- Ты еще «боярин» скажи.
- Не боярин, врать не буду. Своеземец, земелька есть, стадо в сорок коров, да лошади, да свиньи, да всякая птичья мелочь...
- Понятно — типа фермер, значит. Или, как в простонародье говорили — кулак. А ты у него в работниках... в холопах... — Егор с усмешкой подмигнул собеседнику и опять потянулся. — Ла-а-адно, больше пытать не стану. Пора! Ты, Федор, загляни вечером, после ужина — поболтаем, ага?
- Ага, — юный собеседник кивнул и, почему-то вздрогнув, понизил голос: — Добрый ты человек, господине. Приду.

Ужин прошел весело, в беседе. Пока гости уминали ушицу да пироги с кашами, какой-то седобородый дед нараспев читал былины про Илью Муромца и всех прочих. Потом, когда уже пошли орехи да всякие сладкие заедки под медовуху, подсел к столу какой-то непонятный тип лет сорока; все, как и положено — при бороде, в посконной рубахе с кушаком, с вышивкой, в кожаных постолах. Подсел, завел разговор, все выспрашивал про разные города — про Ярославль, Владимир, Устюжну... Борисычи отвечали односложно, Антип вообще в разговор не лез, да и Егор отмалчивался — а чего говорить-то, коли в Устюжне никогда не был, а в Ярославле с Владимиром хоть и бывал, но так, проездом. Вот и молчал, да иногда о своем думал — все ж лезли в голову разные мысли — не робот, чай, человек, — в пятнадцатый из двадцать первого века попал, и что — дальше поскакали?

Переживал Егор, уж конечно, и пытался себя занять разговорами, хоть какой-то беседой — поговоришь с кем-нибудь, все не так грустно покажется. Ла-адно, и в пятнадцатом веке люди живут... жили... и колдунью разыщем и... может быть, чем черт не шутит?

Хозяин, своеземец Игнат, надо отдать ему должное, все ж управлял за-стольем: хмельное подливали вовремя, да и тосты произносились часто.

Борисычи с Антипом — видно было — захмелели, а вот у Егора тот, легкий квасной, хмель давно прошел, выветрился, а новый не брал, потому как закуски было в избытке, а вот выпить, считай, что и нечего — медовуха, чай, не водка, не виски, не кальвадос.

«Ишь ты, кальвадос ему! — посмеялся сам над собой Вожников. — Граппу еще вспомни!»

Он заметил у Игната серебряный браслет с узором из ма-а-аленьких таких шариков — зернь называется, а на бревенчатой стене — доспех из металлических продолговатых пластин, друг на друга чуть-чуть напозлающих и кольцами скрепленных, бахтерец. Все правильно — пятнадцатый век, не раньше...

Гости и хозяин, захмелев, раскраснелись и затянули песни, большей частью, естественно, Егору незнакомые. Он и не подтягивал, просто сидел, слушал.

- Э-э! — допев, повернулся к нему Игнат. — А ты что не поешь?
- Так песен этих не знаю.
- Тогда свою затяни!
- И затяну, запросто! Наливай.
- Эхх...

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
А-а-а-а! А-а-а-а!

- Эй, подпевайте!

Командир полка.

Дирижируя обглоданной рыбьей костью, Вожников допел песню до конца и довольно хмыкнул:

- Вот!
- Добрая песня, — тут же заценили собравшиеся. — Это в Заозерье такие поют?
- Где поют — там поют, — уклончиво ответил Егор и спросил: — А что, водки-то у вас нету?
- Чего-чего?
- А, ладно, медовуху тогда наливай!
- Ну, не брала Вожникова медовуха, слабенькая все же, сейчас — под такие песни — водки бы, да девчонок позвать — народный хор!
- А что, Игнат, девчонки-то у вас не поют?
- Чего ж не поют-то? Сейчас кликну. Эй, Федька, раскудрит твою так! А ну, челядинок, девок зови! Да чтоб с песнями. А мы пока выпьем, ага?

- Наливай, сказал же! Ну, чтобы все!

Тут же не замедлили явиться и девки, правда, без кокошников, в серых посконных рубахах с вышивкой и с какими-то дешевыми бусиками. Такие же браслеты, а еще — лапти. Ну, уж так-то зачем? Неужели покрасивее нельзя было?

- Ты, Игнат, чего девок-то не приодел? Как-то, честно говоря, убого.
- Ась?
- Ла-а-адно, проехали. Петь-то они будут?

Кивнув, хозяин усадьбы ухмыльнулся и, громко хлопнув в ладоши, приказал:

— Пойте!

Девушки переглянулись, вздохнули.

— Укатилось красно солнышко за горы оно за высокоя, — тоненьким, писклявым голоском начала одна.

— За лесушко оно да за дремучия, за облачко оно, да за ходячия... — подхватили другие, точно такими же тонкими голосами, у Егора аж барабанные перепонки задрожали — резонанс. А захмелел уже изрядно — вот она, медовуха коварная!

Покачал головой, в ладоши похлопал, а потом спросил:

— А «Напилася я пьяна» хотя бы нельзя? Или что-нибудь из седой старины, типа «Синий, синий иней» или «В реку смотрятся облака»? Что, не знаете таких?

Испуганно переглянувшись, девчонки поклонились разом:

— Не гневайся, батюшка, не ведаем таких!

— Ну, блин... Я ж не «Шизгару» прошу! Ну, давайте тогда «Листья желтые», ее-то все знают... Листья желтые над городом кружа-а-атся, с тихим шорохом нам под ноги ложа-а-атся! Не понял? Что молчим? И эту не знаете? Игнат, что за дела-то?

— За такие дела велю их завтра на конюшне высечь! — пьяно ухмыльнулся Игнат. — Ух, корвищи! Не знают, что петь!

— Не вели сечь, батюшко! — хором взмолились девушки. — Хочешь, мы те про Соловья-разбойника споем?

— Не умеют петь, пусть тогда пляшут. Голыми! — снова пошутил Егор.

— Голыми? — Игнат ненадолго задумался и вздохнул. — Не, голыми им нельзя — утопятся еще со сраму в проруби. Мне — прямой убыток.

— Да шучу я!

— Так про Соловья-разбойника будете слушать?

— Послушаем, чего уж. Пусть поют.

После веселого — обильного, с хмельным и с песнями — ужина гости полегли спать, едва только растянулись на приготовленных ложах — кто на широких, застеленных медвежьими шкурами сундуках, кто — на лавках. Сразу и захрапели — и Борисычи, и Антип. Иван — Тугой Лук — Борисович, правда, сказать успел:

— Тебе, Егорий, нынче сторожу нести. Вижу, не так уж ты и хмелен, молодец.

— Да с чего тут хмельть-то? Была б водка, а так...

Поворочавшись — все равно не заснуть, да и нельзя — «сторожа!», Вожников вышел на крыльцо, подышал воздухом, прогоняя остатки ненужного хмеля. Ночь выдалась тихой и теплой, падавший было мокрой крупой

снежок вроде бы перестал, сквозь разрывы туч проглянули серебристый месяц и звезды. Хорошо! Нет, правда. Словно в каком-нибудь пансионате а-ля рюс. Так и кажется, что вот-вот выйдет кто-нибудь выкурить в тишине сигаретку... Да-а-а...

Что-то скрипнуло. Чья-то тень бочком скользнула к крыльцу. Молодой человек вздрогнул — кого еще черт принес? Ах, это ж, кажется...

— Федя, ты, что ли?

— Язм, господине.

— Молодец! — Вожников приглашающе махнул рукой. — Давай, поднимайся, на крылечке с тобой постоим, побазарим.

Парень как-то затравленно оглянулся:

— Лучше уж, господине, в сенях.

— В сенях так в сенях, — пожал плечами Егор. — Только темно там.

— Это и хорошо, что темно — никто не увидит. Слово к тебе есть!

— Хм, надо же — слово! Ладно, проходи, говори свое слово.

Оба уселись в сенях на старый сундук и с полминуты сидели молча. Вожников слушал тишину и... тяжелое дыхание подростка. И чего он так дышит-то? Как паровоз прямо.

— Ну? Что молчишь-то?

— С мыслями, господине мой, собираюсь.

— Слышь! Сказал же уже — хватит прикалываться. Что хотел-то?

— Уйти отсюда хочу, — хрипло прошептал Федька. — С вами!

— Ну, так и пошли завтра, — Егор хмыкнул — забыл ведь на миг, где он! — Хочешь уйти — уходи.

— Храни тя Бог, господине! — такое впечатление, что парнишка пал на колени.

А ведь действительно — пал!

— Э! Э! Ты что творишь-то? А ну, встань!

— Благодарствую, — взволнованно продолжал подросток. — Добрый ты человек, я сразу приметил. Не каждый бы вот так согласился. Господи! А старшой-то твой как? Может, он-то меня взять не захочет.

— Захочет, — спокойно уверил Егор. — Вообще-то, ему без разницы. А ты, я смотрю, местный. Дорогу прямую покажешь, а то почти месяц уже по лесам кружим.

Федька истово перекрестился:

— Куда хочешь проведу, токмо возьмите с собою в ватажку!

— Куда-куда тебя взять? — переспросил Вожников. — В какую еще ватажку?

— В такую, в какую и вы... — в шепоте парня явственно слышался сплав отчаяния и надежды. — Тут мне жизни нет, хозяин, Игнат, сгноит, мол — тать. А какой я тать? Ничего ни разу без спросу не взял, так, крынку

молока токмо выпил — за то и бит был, едва отлежался. Язм из лука неплохо бью и бою оружному научусь, обузой в ватажке не буду...

Егор вконец рассердился:

— Да откуда ты взял про ватажку-то?

— А кто ж вы тогда? — искренне изумился подросток. — Игнат ведь не зря Онисима к вам за стол посадил — тот Устюжну добре ведает, а вы — нет, хоть и устюжанскими гостями сказываетесь. Зачем? Ясно — ватажники. И не в Белеозеро, верно, идете — подале, в Вожскую землю, даже и в Хлынов, так? Можешь, господине, и не говорить, я все понимаю. Токмо возьмите, а?

— Хозяин, говоришь, на вшивость нас проверял? — задумчиво промолвил молодой человек.

— Не, обо вшах речи не было. И это... при чем тут вши?

— Это, Федя, образное такое выражение — аллегория или аллитерация... как-то так, я в науке о русском языке не силен, — под влиянием юного своего собеседника Егор и сам уже понизил голос до шепота, хотя вроде кого тут опасаться-то?

— Игнате сеночь вязать вас замыслил, — чуть помолчав, неожиданно предупредил Федька. — Вевки мне приказал из овина принесть.

— Вязать? — удивленно переспросил Вожников. — А зачем, спрашивается?

— Так я ж сказал! Не круглый же дурак Игнат-то, — подросток тихонько засмеялся. — Смекнул уже, кто вы такие.

— И кто ж?

— Ушкуйники, ватажники, разбойные люди — все одно! Возьмите меня с собой, а я укажу, как с усадьбы выбраться.

— Укажешь, укажешь, — послышался вдруг чей-то приглушенный голос. — Никуда ты не денешься. Да, Егорий, язм тож своеземцу этому, Игнату, не верю. Такой запросто может воеводам московским сдать.

— Господи, Антип! — узнав говорящего, Егор облегченно перевел дух. — Тебе что не спится-то?

— Так поспал уже, тебя вот подменить вышел, — Чугреев смачно зевнул и распрямил плечи. — Слышу — а у вас тут беседа.

— Парень вон, к нам просится.

— Возьмем! Думаю, Борисычи против не будут... да и не по пути скоро нам с ними. — Антип уселся на сундук между Вожниковым и Федькой. — Так ты, паря, говоришь — выведешь?

— Да влегкую, вот вам крест! — снова перекрестился подросток. — Хоть сейчас... нет, чуть попозже.

— А лыжи-то у тебя есть?

— Найду, где взять.

— Посто́й с лыжами, — быстро сказал напарнику Егор. — Слышь, Федя, я так и не понял: у хозяина лошади, сани есть?

— Можно и на лошадях! — воспрянул парень.

Радостный возглас его однако был на корню перебит Чугревым:

— Нет! На лошадях не можно. Конь изрядно серебра стоит, хозяин это так не оставит, искать будет, снарядит погоню.

Федька дернулся:

— Да некого снаряжать, господине! Мужики-то все наши, холопи да закупы, в лесу, на делянке, бревна на новый частокол рубят.

— Все равно, — упрямо стоял на своем Антип. — Вот если ты, Федька, сам собой убежишь, Игнат подумает-подумает, да и махнет рукой — а и черт-то с тобой, еще со всяким дерьмом возиться! Тем более и людей под рукой нету. Ведь так подумает, а?

— Ну, так, — с неохотой согласился парень.

— А если лошади пропадут?

— Тогда да, может и в Почтуево рвануть, ударить в набат, людей кликнуть — татьба ведь! Татьба!

— Вот видишь, Федя! — Чугреев негромко засмеялся и хлопнул парнишку по плечу. — А на будущее тебе совет — глаза завидующие обуздывай, что не унести — не бери. Понял?

— Понял, — Федька сглотнул слюну. — Так что — меня с собой берете?

Антип хмыкнул в кулак:

— Берем, берем — куды ж тебя теперя девать-то? Пойду, господ разбужу.

— Гли-ко — господ! — шепотом повторил подросток. — Неужто и господа нынче в ушкуйники подалися?

— Подалися, а что ж? Времена такие настали, Едигей половину Руси разорил, куды мелким людишкам, своеземцам, деваться? Да и боярам некоторым... ладно, ждите тут.

Скрипнула дверь. В избе, в горнице, послышались приглушенные голоса — видать, поднимались-одевались Борисовичи. Воспользовавшись этим, Федька отпросился за лыжами и «небольшой котомочкой»

— Ну, что, готовы?

Ага. Похоже, снарядились.

— Я, Иван Борисыч, всегда готов, как пионер когда-то, — бодро отпартовал молодой человек. — Федьку-то, местного, берем?

— Берем, берем, путь укажет... — Иван Борисович неожиданно смущенно крикнул: — Эхх... Негоже, конечно, чужих холопей сманивать, ну да Бог простит. Тем более парень-то предупредил все же о хозяине своем, злыдне. Где он сам-то?

— Кто, злыдень?

— Да не злыдень, Егорша — парень. Как его — Федька, что ли?

Федька оказался тут как тут — ждал на крыльчке, потом, как все вышли, тихонько поманил, зашагал первым. Шли по заднему двору, вдоль амбара, мимо овина, конюшни, коровника. Тут парнишка остановился:

— Он-вот, лествица. Подыдем, да...

Егор с Антипом помогли поднять из снега массивную тяжелую лестницу, прислонили к коровнику, по очереди забрались на крышу... И тут залаял, заблажил пес!

— Тихо, Карнаух, тихо! — выругавшись, Федька быстренько спустился обратно во двор. — Тихо, Карнуша, свои. На вот тебе косточку... Ешь.

Лай тут же стих. Слышно было, как звякнула цепь, затем донеслось довольноное урчание.

— Кушай, Карнаух, кушай.

Еле слышный свист. И вот уже Федька снова на крыше:

— Теперь туда, к частоколу. Лествицу перекинем и...

Лестницу едва затащили, хорошо, Борисычи — мужики дюжие — помогли. Крякнули, поднатужились, перекинули на частокол — так и выбрались, бросив сперва лыжи. Спрыгнули в сугроб, приземлились мягко, слава богу, ногу никто не подвернул, только Федька ушибся малость, застонал.

Егор настороженно оглянулся:

— Что случилось?

— Досадили чуток. Ничо, идти можно.

— Тогда пошли.

Встав на лыжи, беглецы направились к реке. Шли уверенно, быстро — проводник нынче был местный, надежный, и шпарил так, что Вожников едва за ним поспевал.

— Да не беги ты так! Сам же сказал — погони не будет.

— Не будет, то так, господине, — оглянувшись, согласился подросток. — Одначе все ж хочется ноги поскорей унести.

— Вижу, достал тебя твой опекун. Эх, был бы на дворе двадцать первый век — в полицию б на него накатал телегу!

— Телегу? Не! Сейчас на санях токмо. Аль вот — на лыжах.

— Тьфу ты, господи.

Егор не знал, как и отреагировать — вроде как посмеялся парнишка, однако на шутку-то не похоже, больно уж голос серьезен, да.

Ух, как они все погнажи, лыжники чертовы! Вожников все пытался нагнать Федьку — да тот так летел, словно на крыльях, лишь бы от усадьбы Игната Голубеева подальше. Видать, достал своеземец...

— Эй, Федька... обожди.

Куда там. Неслись, черти средневековые. Ох, дать бы вам всем в морду, что ли? Может, легче бы стало на душе? А что? Ивану Борисычу — апшеркот в челюсть, Даниле, братцу его — хук слева, Антипу — по печени, Федыке... Не, Федыке никуда не надо — негоже боксеру детей бить.

— Ну, вот оно, Белеозеро, и есть! — первым взобравшись на пологий, с парящими черными проталинами, холм, обернулся Федыка. — Пришли.

— Пришли?

Переглянувшись, Борисовичи, побросав лыжи, рванули вверх прямо по проталинам, следом бросились и Антип с Егором.

— Господи! — Иван Борисович, сняв шапку, взгляделся вдаль и размашисто перекрестился.

Слева — если смотреть с юга, с холма — от устья Шексны, на фоне огромного, белого, с заметно подтаявшим припоем, озера, тянувшегося до самого горизонта, громоздилось скопище серых, неприметных избушек да огороженный деревянной стеной терем, словно из какого-то исторического фильма. Да, еще были церкви, тоже деревянные, некоторые — с позолоченными маковками. Егор ничему не удивлялся уже — все так, как и должно было быть в тысяча четыреста девятом году.

— Ране тут, у реки самой, город-то стоял, — сняв с головы шапку — жарко! — со знанием дела пояснил Федыка. — Потом мор случился, почитай, с полгорода перемерло. С той поры и перенесли городок, отстроили.

Антип ухмыльнулся:

— А я слышал, ушкуйники новгородския его пограбили да сожгли, не так?

— Не, город они не жгли, — помотал головой подросток. — Игнат, хозяин мой, говорил — Погост Серединный только. Гаврилы Лаптева, сыне боярского, погост.

— Слышь, как там тебя? Федыка? — сплюнув, с ленцой повернул голову Иван Борисович. — Знакомые в Белеозере есть?

Подросток вновь помотал головой:

— Не, господине, нету. Да я тут и был-то всего пару раз — овес хозяйский на ярмарку возили.

Егор скривился:

— Тьфу ты, господи! Овес!

— Погодь! — резко оборвал Иван Борисович. — Как я вижу — у тебя, Егорий, в Белеозере тож никого нет, так?

— Так, — кивнув, Вожников пожал плечами. — Я ж говорил уже.

— И это — нехорошо есть, — задумчиво погладив бороду, промолвил старший братец. Глубоко посаженные, непонятного цвета глаза его сверкали какой-то грозной решимостью и — вместе с ней — недоверием, правда,

недоверием вовсе не к проводникам, а к общей сложившейся сейчас ситуации.

— Да, братушко, наобум, сразу, идти — волку в пасть! — поддержал брата Данило Борисович. — Чай, Белеозеро-то с полсорока зим под Василием.

Иван Тугой Лук хмыкнул:

— Ха! С полсорока? Да зим три дюжины. Потому и пасться должно.

— Думаешь, брате, уже и тут гонцы московитские? Ловят нас, ждуть?

— Не думаю, — старший братец мотнул головой, словно отгоняя какое-то видение. — Не успели еще, не могли успеть.

— А погоня?

— И те — вряд ли. Хоть и умен Афонька Конь-воевода, а все ж покуда сообразит, где нас искать — так и дороги растают. Так и будут людишки его до лета сидеть, ждать — а куда им деться-то?

— А вдруг да успеют?

— Успели б — так и мы б их заметили. Где-нито позади костерок, дымок... Не-ет, братец! Не могли успеть. А пасться все ж надо — вдруг да узнает нас кто? Князю тутошнему доложат, а тот, от усердия глупого, возьмет да прикажет имать. Ведомо ведь, как мы с Васильем...

— Как кошка с собакой!

— Вот-то именно.

Иван Борисович оглянулся:

— А ты что скажешь, Антип?

Чугреев почесал черную цыганистую свою бороду, потеревил блеснувшую в левом ухе серьгу — тоже еще, модник-метросексуал! — утробно высморкался в подтаявший снег и, чуть помолчав, молвил:

— Были у меня тут знакомцы. Да-авно.

— Дак что ж ты молчишь-то?!

— Не уверен, что они в Белеозере, — мотнул головой Антип. — Времена нынче непростые: кто затаился, кто в Хлынов к ватажникам-братушкам ушел, а кого уж и в живых нету. Ну, схожу, конечно, гляну, а вы пока здесь...

Недоверчиво скривив губы, Данило Борисович махнул рукой:

— Нет уж! Мы с тобою пойдем. Разом!

— Ну — разом так разом. Только это, не в сам город надо — на посад, есть там одна корчемка. Кем вот только сказаться-то?

— Скажите — туристы, — с усмешкой посоветовал Вожников.

Иван Борисович отмахнулся:

— Вечно ты, Егор, непонятные слова говоришь.

— Тогда — охотники, рыбаки... или это — этнографическая экспедиция.

— Чего-чего?

— Ну, типа — нефть ищем. Ха!

— Как говорили, так и скажем, — быстро произнес Чугреев. — Купцы мы, только не сами гости торговые, а помощники — выехали, мол, в важные земли — соль договориться купить, а, как договоримся — потом уж и вывезем, на стругах сперва, потом — обозом.

— Да-а, — подумав, согласился Данило. — Так и надо сказать. Хитер ты! А что корчмарь?

— Старый знакомец, если жив еще, — Антип кашлянул и перевел взгляд на Егора. — Человек верный, но все ж пастись надобно, языком-то зря не молоть.

— А что ты на меня-то смотришь? — обиженно встрепенулся Вожников. — Нашел самого болтливого, ага.

— Не только про тебя говорю, — ничуть не смущаясь, Чугреев кивнул на Федьку. — Про него тоже. Начнут расспрашивать — кто да зачем? — вот так, как придумали — и говорите. А вообще лучше с корчемными ярыжками языки не чесать.

Егор неожиданно рассмеялся:

— Дались тебе наши языки, конспиратор хренов. Ну, что, идем, наконец?

— Вот теперь — идем.

Егор все же радовался — ну, ведь пришли, наконец, пришли. Хоть куда-то вышли. Почитай, целый месяц по лесам шатались, и это зимой-то! Ну да, да, зимой, март — по здешнему месяц еще студеный, снежный, а вот наступивший апрель — снегогон, так в древности и прозывался. Солнце уже пригревало совсем по-весеннему, прилетели, гнездились на вербах грачи, все больше появлялось проталин, с холмов потекли ручейки, зазеленела на полянках первая травка, поднялась по склонам оврагов молодая крапива, мохнатым золотом зацвели цветки мать-и-мачехи — первые признаки близившегося тепла. И лед на реке стал ненадежным — трещал, исходил у берегов бурым припоем, хотя ясно было — недели две постоит еще, может, и три — а уж потом...

Потом — ледоход, с бурным, высвободившимся из оков течением, со страшным треском сталкивающихся льдин, с мелким ледовым месивом — шугой, и — еще через неделю — чистая, бурная вода... для плавания еще мало пригодная: слишком уж велика скорость, опасно. Егор когда-то на байдарках сплавлялся, и что такое весенний паводок, знал.

Егор на ходу улыбался — все его почему-то радовало сейчас, и блекло-синее небо, и улыбающееся за легкими облачками солнышко, и золотившаяся лыжня... впрочем — какая лыжня? Санний путь! Да-да, самый настоящий. Вот он — город.

— Лыжи, это, снимайте, — останавливаясь, оглянулся идущий впереди Антип. — Во-он тот двор, крайний.

Погруженный в свои мысли Егор и не заметил, как пришли. А, посмотрев вперед, увидел то, что ожидал: бревенчатые, крытые дранкой и соломой избы, серые угрюмые заборы, невысокий частокол с наглухо закрытыми воротами и — отовсюду — громкий собачий лай.

Молодой человек усмехнулся:

— А не очень-то жалуют здесь чужих.

— Чужих нигде не жалуют, — обернулся Чугреев... коего тут же подозвали Борисычи.

О чем-то пошептались...

Антип хмуро кивнул и, подойдя к Егору, тихо сказал:

— Федька у нас — лишний. Борисычи сказали...

— Понимаю — «скрипач не нужен!» — произнес Вожников фразу из старого фильма. — Не нужен так не нужен — пусть себе идет парень по своим делам.

— Не-е, — оглянувшись на подростка, Чугреев нехорошо прищурился и понизил голос: — Ты не понял, Егор. Отпускать его никак нельзя — вдруг да про нас ляпнет? Сейчас мы его вдвоем... во-он в том овражке. Да быстро управимся, снежком потом присыплем и...

Егор дернулся, вдруг осознав, что напарник его говорит совершенно серьезно, без всякого намека на шутку — пусть даже плоскую и грубую. Действительно — предлагает парня убить. Вот так, просто... Ну, беспредел! И, главное — на людях... ну, почти на людях. Впрочем, Вожников и в самом глухом лесу на такое дело ни за что бы не подписался, что он, киллер, что ли? Да и киллеры-то за большие бабки душегубничают, а тут... просто так человека валить? Пусть и пятнадцатый век, а как-то не очень.

А Чугреев уже подзывал Федьку — кричал что-то, по-доброму щурясь от бьющего в глаза солнышка, вот еще немного и... Упыри-Борисычи стояли поодаль, посматривали на избенки, что-то вполголоса обсуждая.

— Пойдем-ка к овражку, Феденька. Поможешь лыжи прикопать.

— Ага. Сейчас!

Больше не думая, Егор ухватил Чугреева за рукав:

— А ну-ка, стой! Может, по-другому решим с парнем? Чего он кому расскажет-то? Сирота. Беспризорник.

— Дак и я Борисычам говорил, — неожиданно согласился Антип. — Чего зря убивать? Я б парня в ватажку взял... мы б с тобой взяли, а?

Вожников нервно расхохотался:

— Да взяли бы, чего там!

— Во! — не на шутку обрадованный собеседник от души хлопнул Егора по плечу. — Так и знал, что согласишься! Ну и правильно — чего тут тебе одному? Сгинуть токмо. А Федька — ты прав — отроче ловкий, пригодился бы. Тем более — каждый человек на счету, негоже разбрасываться!

- Так чем тогда...
- А Борисычи?
- Сейчас я с этими упырями поговорю! Уж как сумею...

Молодой человек ухмыльнулся, в деталях представив, как обмякнет, уйдет в нокаут от прямого в челюсть грузный Иван Борисович и — тут же, через секунду-другую — его «молодший» братец. А чего боксеру-то? Главное — на расстояние вытянутой руки подойти.

— Иван Борисыч, Данило...

Братья разом оглянулись:

- Что у вас там? Не заладилось?
- Да так...

Еще десяток шагов — много. Борисычи — те еще волки, почувствуют что не так — сорвут луки... А стреляют они — Егор давно убедился — метко.

— Решили вот Федьку не трогать...

Пять шагов... три... Изумленные глаза «упырей»...

— Решили к себе в бан... в ватажку взять. Пригодится!

А вот теперь — пора! А ну-ка...

— В ватажку? — братья переглянулись. — А чего ж Антипка нам про то не сказал? Побоялся перечесть, что ли?

— Верно, так.

Иван Борисович неожиданно хохотнул:

— Ну и дурень! Ватажка — дело хорошее, тем более — пока еще лед на реках сойдет да пути-дорожки просохнут. Месяц пройдет — точно.

— Не, брате — лучше не рисковать! — возразил Данило. — Сам же сказал — пасться надобно.

— Пасться — то так. Одначе с ватажкой Антип неплохо придумал. Ежели вдруг да московиты...

— Да где он людей-то для ватаги същет!

— А это уж его дело, — Иван Борисович дернул бородой и упрямо набычился. — Так скажу: ватаге вашей — быть! Ежели что — подмогнете, а уж за нами не станет. Токмо вот еще что: содержать вас не будем — нет серебришка столько, так что кормитесь уж сами... И жить потом будем — по отдельности.

— Да как же так, брате? — все не унимался Данило.

А не стукнуть ли ему в печень?

— Они ж, с ватажкой-то, вдруг да похощут выдати нас?!

— Если дурни — так и могло б быть, — невозмутимо улыбнулся старший. — Одначе Антип — не дурак, да и Егор — тоже. Понимать должны — ежели уж совсем их обложат, так куда податься?

— И куда?

— Так к нам же, Данило! В княжество... в наше княжество, так!

— Сперва на него ярлык получить надобно! А вдруг да...

— Получим! И Васильку Московскому нос утрем. А не утрем — так сами, как думали, подладимся в Хлынов, к ватагам... и этих с собою возьмем, призовем... — сплонув, Иван Борисович резко повернулся к Чугрееву: — Антип! Эй, Антипе. Ты отрока-то брось... пусти... Да идите вместе к нам — в корчму подадимся.

Во, вышла беседа! Егор покривился, разминая пальцы. Разборки-непонятки одни. Княжество, ярлык...

И все равно — от них, от того же Антипа отставать не надо. Сгинешь уж точно. Потому как средние века — один пропадешь.

Пройдя вдоль частокола по узенькой, вытопанной в просевшем снегу тропке с желто-оранжевыми потеками мочи — видать, страждущие оправлялись тут же, особо не заморачиваясь, путники остановились возле массивных ворот из тесаных, почерневших от времени досок. Антип, недолго думая, изо всех сил забил, забарабанил по воротам кулаками, а потом, повернувшись — и ногами тоже. Со двора донесся истошный собачий лай, а чуть погодя послышался чей-то хрипловатый голос, вовсе не показавшийся Егору приветливым:

— Кого там несет?

— Гости торговые! — прокричал Чугреев. — Со слугами, без обозу!

— Много вас?

— Да пятеро.

За воротами завозились, заскрипел засов.

— Две денги за ночь, — снова раздался голос.

Антип тут же возмутился:

— Ого! А не дороговато будет?

— Так ведь не с каждого — со всех.

— Ну, со всех — еще куда ни шло.

Левая створка ворот наконец-то отворилась, и взору беглецов предстал... самый настоящий татарский баскак — толстый, кривоногий, низенький, с круглой, бритой наголо головой, куцей черной бородкой и такими же черными реденькими, уныло свисавшими по бокам рта усами.

— Ну, здоров, Ахмет, — пройдя во двор, осклабился Чугреев. — Не узнаешь, что ли?

— Узнал, узнал, — татарин прищурил свои и без того узкие глаза, так, что Егор даже засомневался — а видит ли он сейчас вообще хоть что-нибудь.

Впрочем, нет — видел:

— Здрав будь и ты, Антип, и вы, торговые гости.

— Ну, вот, — Антип обернулся с самой светской улыбкой. — Прошу любить и жаловать — Олександр, хозяин постоянного двора, крещеный татарин.

— Ты ж сказал — Ахмет!

— Так и я и говорю — крещеный. Олександр — то он в крещении, но все зовут — Ахмет Татарин.

Иван Борисович с ухмылкой взглянул на кабатчика:

— А нам-то как тебя называть, человеце? Ахмет или Олександр?

— А хоть горшком назовите, токмо в печь не сажайте!

Прикрикнув на живо утихомирившегося цепного пса, Ахмет-Олександр гостеприимно пригласил гостей в корчму — приземистую, вытянутую в длину, избу, рубленную — «по круглякам» — в обло, с многочисленными галерейками и пристройками, окромя которых во дворе еще имелось с полдесятка бревенчатых и дощатых строений. В дальнем Вожников с ходу опознал баньку, а в ближнем, судя по воротам — ригу или овин. Поднявшись по невысокому крылечку, гости вошли в корчму.

Егор вовремя пригнулся, едва не ударившись лбом о низкую притолоку, и, выпрямившись, разглядывал обстановку, уже, надо сказать, привычную — слюдяные окна, закопченная икона с теплившейся тусклым зеленоватым светом лампадкой, длинный, сколоченный из толстых досок стол, лавки, поставцы-подсвечники.

— Вы от поспидайте сперва, а язм распоряджуся с банькой. Помоесться?

— Охотно!

Радостно потерев руки, Иван Борисович уселся за стол и, дождавшись, пока рядом расположился братец, милостиво кивнул остальным:

— Инда присаживайтесь по-простому, рядком. Ты, Егорий — ближе к нам, а ты, Антипко, в уголок, во-он на ту лавку.

— А Федя? — возмутился Егор.

Все трое посмотрели на него с большим удивлением:

— Федька на кухне поест, как слуге и положено.

Ах, ну да, ну да... Слуга... Ох, надоели. Свалить что ли от всех вас в город? А что... погулять, размяться — чего тут, в клоповнике этом вонючем, сидеть?

— Гости-то — вы? — взглянув на Борисовичей, с поклоном осведомился Ахмет Татарин. — А Антип и...

— То Егорий. Воины, стража наша.

— Ага, понятно, — хозяин «отеля» что-то быстро прикинул в уме. — Народу у меня много — все пути летнего ждуть, с распутицы позастряли. Инда место найду, вам, гости торговые — в овине. Не побрезгуете?

— В овине так в овине, и хуже иногда приходилось.

— Ну, вот и славненько. Я слугу пошлю — он там печку протопит, тепло будет. А сторожа ваша на ригу пусть идет, там тоже печка. Можно и слугу туда же... ежели стража ваша не против.

— Да не против, — ухмыльнулся Егор. — Пусть с нами ночует, что ж.

— Договорились!

Громко хлопнув в ладоши, хозяин «отеля» подозвал обслуживающий персонал, столь же колоритный, как и он сам: двух парней лет двадцати в посконных рубахах и постолах.

— Митька, Середко, живо гостям еду! Да девкам скажите — пушай дров наколют да воды натаскают в баню. Ну, вот, — Ахмет широко улыбнулся гостям. — К вечеру и банька, а до того, опосля, как пообедаете — отдохнете.

Поели примерно так же, как и у своеземца Голубеева Игната, на этот раз, правда, за все заплатив — Борисовичи расщедрились, так что ж! Те же каши, кисели, из разной рыбы ушица — налимя, стерляжья и совсем дешевая — окуневая. Еще и дичь, и пироги — с кашей, с капустой, с вязигой. Пока ели, пришли в трапезную и другие постояльцы в разноцветных, с крученым узорочьем да пуговицами кафтанах, подпоясанных разноцветными кушаками, при бородах, пусть даже самых куцых.

Во время обеда Егор не притронулся к медовухе, крепче кваса ничего не испил, а затем отправился в город. Так, посмотреть... Интересно все же, не каждый же раз вот так... в пятнадцатом веке!

Уже было, наверное, часа четыре пополудни, или даже пять, когда Вожников, выйдя за ворота корчмы — кстати, почему-то широко раскрытые — зашагал вдоль заборов к видневшейся неподалеку деревянной церкви, на маковке которой золотился крупный, похоже, что тоже деревянный, крест, сильно напоминавший могильный.

За заборами лаяли псы. Повернув за угол, тропинка протиснулась меж высоких глухих оград, юркнула в темный, сильно пахнущий навозом проулок и, наконец, словно ручей в реку, влилась в достаточно широкую — метра два — улицу, практически безлюдную, если не считать пары беспризорников в каких-то лохматых, немислимого вида полущубках и лаптях.

— Эй, парни! Мне как в центр выйти?

Засылав Егора, беспризорники сгнули вмиг, как и не было, скорее всего — скрылись в узкой, между глухими бревенчатыми стенами, щели, куда, подумав, решительно направился и Вожников, завидев сверкающий впереди, над избами, крест. Едва протиснувшись, молодой человек оказался на небольшой, довольно-таки людной площади, как раз перед церковью. Овальная в плане, площадь эта тянулась куда-то влево, за церковь и дальше, все к тем же деревянным оградкам с массивными даже с виду воротами, за которыми опять же блажили-лаяли псы.

Тьфу! Молодой человек раздраженно сплюнул под ноги — опять эти заборы! Покосившиеся избынки, оборванцы всюду, а вот, нещадно колотя

плетками не успевший вовремя убраться с дороги народец, промчались верхом на конях дюжие молодцы в прошитых ватных кафтанах-доспехах — тегиляях. Этакий панцирь с высоким воротником и короткими рукавами. Пожалуй, в холод-то в нем куда удобнее, нежели в кольчуге или, скажем, байдане — той же кольчуге, только из плоских раскованных колец. У каждого молодца на боку болталась сабля или уж, на худой конец, шестопер, а у одного вместо шапки — мисюрка: высокий, с кольчугой-бармицей, шлем.

— А ну, разойдись, тли! Пошевеливайся! Батюшка-боярин едет!

Ну, как же, как же — боярин! Кому же еще-то? Проехал важно на белом коне, в длинном кафтане из синего аксамита с шелковым поясом, на ногах — зеленого сафьяна сапоги, на голове — мохнатая соболя шапка. Красавец, как есть красавец!

Задумавшись, Егор огляделся по сторонам... и едва не получил по лицу плетью.

— Пр-р-рочь с дороги!

Хорошо хоть успел вернуться, все ж бывший боксер, реакция не потеряна. Не, но что такое делается-то?! Вот отморозки! Стянуть с коня, да отovarить — хуком или — как раз удобнее будет — апперкотом, снизу.

— Ты че, утырок, творишь?

Зря кричал Вожников, поздно — всадники уже успели уехать, а народец, в том числе и те, кому только что не по-детски досталось плеткой, как ни в чем не бывало продолжал заниматься своими делами: кто-то что-то покупал, кто-то продавал, рекламируя свой нехитрый товар настолько истошными воплями, что у Егора с непривычки заложило уши.

— А вот — веники, веники, дубовые, березовые, можжевеловые!

— Рыба! Рыбка-белорыбица, с утра словлена — налетай!

— Сби-и-ите-нь, сби-и-итень! Сладок, заборист, горяч!

— Пирог, пироги, только что из печи — прямо в рот мечи! За мортку всего, есть и за полпула!

Мортка, пуло... Вожников усмехнулся: надо же, это все медные монетки века четырнадцатого, да, пожалуй, что так... никто их и в глаза не видел, не дошли. Еще была одна, называлась интересно — «полпирога».

Кто-то дернул за рукав:

— Господине, купи веничек! Можжевеловый, отдам за полпирога. В баньку пойдешь, меня добрым вспомянешь.

Ишь ты — «вспомянешь». Егор невольно отстранился — ну и тип: мосластый, плечистый, бородища пегая в разные стороны, нос — крючком. Такому не вениками торговать, а с кистенем стоять в темном проулке. Да-да, вот именно — с кистенем!

— Рыбка, рыбка-белорыбица, прям из реки... Мефодий! Соседушка!
Купи рыбку.

— Нет у тя стыда, Миколай. Снулая твоя рыбешка-то!

— У кого снулая? У меня?! Да сам ты снулый, старый пень.

— Я старый пень? Н-на!!!

Размахнувшись, какой-то седенький, как раз проходивший мимо Егора дед в армяке и треухе, ничтоже сумняшеся заехал торговцу рыбой в ухо! Да так удачно попал — хоть удар, конечно, не боксерский, — что незадачливый рыбник так и сел задом в снег, в потемневший и подтаявший уже сугробец. Сел, но тут же вскочил и тут же отоварил шустрого деда. Треух полетел в одну сторону, дедок — в другую... Вожников хотел уж вмешаться, да не успел — кто-то заголосил рядом:

— Манефу! Манефу-колдунью везут, счас казнить будут!

— Манефу везут! — заволновались кругом, закричали радостно. — Колдунью топить будут!

— А, может, голову отрубят? Или — на кол?

— Скажешь тоже, Мефодий — на кол. Так и колов не напасешься, нет! Я ж говорю — в прорубь.

— Не, Миколай, все ж я мыслю — на кол.

Только что разобравшиеся соседи — рыбник и седенький дед — помирились прямо на глазах, словно ничего такого меж ними и не было. Да и правда, что было-то? Подумаешь, один кулаком по уху приложился, другой в скулу. Как говаривал голосом Василия Ливанова мультяшный Карлсон — «пустяки, дело житейское». А чего ж!

Все вокруг вдруг пришли в движение, возбужденно заголосили, побросали все свои дела, быстро сбиваясь в кучи, на глазах перераставшие в довольно-таки многолюдную толпу, в которой опять же упоминали о какой-то «колдунье Манефе».

— Прошло летось она посевы все потравила, Манефа-то! Говорят, мстила кому-то.

— А помните, православные, почитай всю осень дождило? Тоже ее, колдуньи, работа! Сама призналась.

— Теперь казнят.

— Поделом ей!

— Вон, вон, люди — везут!

В полном соответствии с законами, выведенными когда-то знаменитым философом и социологом Гюставом Лебоном, собравшаяся в мгновение ока толпа охватила, сжала Егора со всех сторон, превращая в кирпичик, в клеточку ее большого и подвижного, разлапистого, как у громадной амебы, тела, захватывая и подчиняя себе сознание.

— Ма-не-фа! Ма-не-фа! — речитативом врзалось в мозг.

— Каз-нить! Каз-нить! Каз-нить!

— Выдать головою колдунью!

Захватив Вожникова, словно магнит хватает железный обломок, толпа повлекла, потащила Егора за собой, делая своей частью неудержимо и властно, так что пытавшийся выбраться хоть куда-нибудь молодой человек с ужасом понял, что сделать это уже невозможно никак, поздно уже, и просто не в человеческих силах!

— Ма-не-фа! Ма-не-фа!

— Казнити волхвицу, казнити!

— В прорубь ее!

Лишь бы ребра не сломали, лихорадочно думал Егор. Вот ведь попал-то! Угодил, как кур во щи... или — в ощип — как правильно? Наверное, и так, и этак можно.

— Везут! — закричали откуда-то сверху. — Везут! На санях, в клетке. Сейчас на крутояре казнить будут.

Толпа уже выхлестнула из города, едва не прихватив с собою половину городских стен, и без того изрядно прореженных и разбитых, в общем — откровенно убогих, вынесла молодого человека на крутой берег, с которого, как в амфитеатре, открывался чудесный вид как вдаль, так и рядом — метрах в пятнадцати-двадцати от глаз Егора, внизу, на льду реки, расположились сани и всадники, последние — числом около двух десятков. Тоже не особенно разодетые, лишь на одном — красный, с желтыми веревочками-канителью кафтан, да у некоторых — разноцветные флажки на копьях.

— Народ Белезерския! — привстав в седле, неожиданно громко возопил тот, что в красном кафтане. Как и все в здешней массовке — при бороде, в круглой меховой шапке. — Иматая волхвица, Манефа именем, ворожбу свою и худодейство признала!

— Признала! — эхом откликнулась-повторила толпа.

— И княжьим судом, людьми именитыми, боярами и детьми боярскими, приговорена к битью кнутом и справедливой казни!

— Так ей и надо, колдунья!

— Будет знать, как град на посевы нагонять!

— Смерть волхвице, смерть!

Краснокафтаный махнул рукой какому-то дюжему мужику в сермяжной, с закатанными рукавами рубахе — как видно, палачу. Тот, в свою очередь, призвал помощников — парней в таких же сермягах...

«А могли б и красные рубахи надеть, — как-то отстраненно подумал Егор. — Солидней бы все смотрелось, красочней».

А колдунья-то красива, ничего не скажешь! Достаточно молодая, даже юная, сидит себе преспокойно в санях в деревянной клетке. Кого

ж напоминает-то? Какую-то известную молодую актрису... Ведь знакомое, знакомое же лицо... Татьяна Арнтгольц? Гусева? Бли-ин, не вспомнить...

Кто-то опять выкрикнул:

- Смерть волхвице! Смерть!
- Смерть! — радостно подхватили рядом.
- Погодьте, сначала ее кнутом побьют, а уж опосля — в прорубь.
- И правильно — пушай помучается.

Помощники палач молча вывели «волхвицу» из клетки, тут же к этой же самой клетке и привязали, умело спустив со спины платье... Ух, как смачно ударил кнутом палач! С отяжкой, с посвистом, оставив на белой девичьей спине длинную кровавую полосу. Несчастная колдунья дернулась, застонала... А палач ударил еще, и еще, и еще. Упали на лед кровавые брызги, волхвица задергалась, заплакала, завывала...

Бирюч махнул рукой:

— Хватит! Еще сдохнет раньше времени. Похлестал малость — пора уж и в прорубь.

Кивнув, палач бережно отдал окровавленный кнут помощнику, другой в это время отвязывал руки колдуньи от клетки, да замылся, видать, улы-то затянули намертво, так, что и не развязать.

Выхватив из-за пояса нож, палач оттолкнул незадачливого своего помощника, разрезал путы и, схватив волхвицу за волосы, поволок к черневшей рядом с саями проруби, куда и сбросил — столкнул ногами.

Избитая колдунья исчезла было под водой... но вскоре вынырнула, забила об лед руками.

— Не принимает ее водица-матушка! — громко объявил бирюч. — Что делать, православные, будем? Топить далее, або главу рубити?

— Главу! Главу!

— Воля ваша...

Глашатай что-то приказал палачу, вмиг взявшего в руку устрашающего вида саблю. Сверкнул на солнце клинок...

Ввухх!!!

Брызнула фонтаном кровь, и отрубленная голова волхвицы кочаном покатила по льду под крики забившейся в восторге толпы!

Господи... Егора вдруг пронзил запоздалый ужас — куда ж он пришел-то! Погулял, блин.

С громким хохотом палач поднял за волосы окровавленную голову волхвицы, показал — о, как взревела толпа! — всем и... кинул, швырнул в самую гущу. Этакий пляжный волейбол!

— Не берите! Не берите голову, православные! — предупредил кто-то, стоявший позади Вожникова. — Этак они других колдунов ищут. Дотронешься, и твоя голова с плеч!

Глава 6 ВОЛШБИЦА

Возбужденная казнь колдуньи толпа долго не расходилась. Как услышал краем уха Егор, ожидали еще какого-то преступника-лиходея, да не дождались, экзекуцию перенесли на пятницу, и люди недовольно бурчали — это как же? Ведь только все так хорошо началось — молодой волхвице башку отрубили, позабавили народ, и что, все кончилось? Что-то как-то быстро. Маловато будет!

— Пошли-ка, Мефодий, прочь. Видать, ничо тут боле не дождемси!

— Пошли-и-и.

— А кат-то наш, Еремка — хваткой! Ишь как головушку срубил — Манефка и пикнуть не успела!

— А в проруби-то не утопла, ага!

— Так это он неправильно топил! Неумело.

— Ага, неумело. Скажешь тоже! А Манефа потому и не утопла, что она ведьма — это уж каждому ясно.

Говоривший — кудлатый мужик в волчьем, мехом наружу, полушубке размашисто перекрестился на церковную маковку:

— Ох ти, Господи еси!

Тут толпу прорезал крик:

— Православная-а-а! Грабуют!

— Кого грабуют-то? Где?

— Да рыбный ряд перевернули, рыбу всю унесли.

— Ой, невелика потеря. То, верно, отроци.

— Може, и так. Все равно — иметь их надоть, да отдать кату!

Все эти голоса, крики, волнения пролетали сейчас мимо Егора, он не воспринимал их вообще никак, погрузившись в нахлынувшие вдруг мысли. Вот — прошлое, оно ведь ворвалось к нему не внезапно, а как бы постепенно, складываясь в мозгу в этакую мозаику — беглецы, оружие, усадьба... вот город теперь. И — мертвая голова! Только что — на его глазах! — казненная женщина... волхвица. Надрывный гул толпы. Ну и развлечения у них. Сволочи! Впрочем, в каждой эпохе — свое: у кого-то футбол да дурацкие ток-шоу, а у кого-то вот — казни. Кстати, ежели в современной России вот этак, на главных площадях городов и весей, казнить — так рейтинг до небес зашкалит.

Господи! Вожников перекрестился на церковь. О чем он думает-то? Что за мысли лезут? Да, как же так, как же?

Он шел сейчас, не разбирая пути, шагал, куда глядели глаза, куда несли ноги. Мысли путались, голова гудела, и шея вдруг заболела так, будто это не колдунья, а ему, Егору Вожникову, голову отрубили. Наверное, это все же был запоздалый шок, подстегнутый кровавой казнью.

Какие-то пацаны — «отроци» — с хохотом пронесли мимо. Выглянув из-за угла, визгливо твякнула дворняга, наверное, бродячая. С деревянной колокольни неожиданно грянул звон: бумм-бо-оммм... гулкий, как басовая струна.

— Дядько, дай пуло! — набежавшие стайкой отроки окружили низенького недотепистого бородача в лаптях и подпоясанном веревочкой армячке, по всему — крестьянина. Издевались, сволочуги малолетние, задирали:

- Долго лапти плел, дядько?
- Дай полпирога, борода многогрешная!
- Ах вы, поганцы-нехристи!

Выругавшись, крестьянин проворно распустил веревку-пояс, перехватил поудобнее да принялся хлестать огольцов. Одного-второго ожег, приласкал — остальные стали поосторожнее, правда, смеяться не перестали.

Вожников особо-то на них внимания не обращал, шел себе и шел, черт-те куда... пока один из отроков, незаметно подобралвшись сзади, не сорвал с него шапку.

- Ах ты ж, гаденьш! — пришел в себя Егор. — А ну, стой!

Ага, будет он стоять, как же! Уже и след простыл... Нет! Не простыл, вон он, малолетний ворюга, завернул, гад, за забор, за угол.

Не думая, молодой человек бросился за подростком — не очень-то быстро тот и бежал, видать, не ждал быстрой погони. Вот он, забор, узкий проулок, а впереди... Нет, не воренок — здоровенный детина с вениками. Пегая борода растрепана, мосластый, плечи — косая сажень. Взгляд недобрый, морда нахальная да еще и нос — крючком! Ухмыльнулся, сплюнул:

- Купи, господине, веник.

Сказал — и ослабился. В левой руке веник держит, правой — поигрывает кистенем. Разбойник! На гоп-стоп решил развести, морда кривоноса. Ладно, поглядим...

Вожников быстро собрался, окончательно обретая реальность, и мысли уже пришли в голову совершенно иные — быстрые, «на сейчас». Тот укравший шапку пацан наверняка заманивал, да и этот оглоед с веником явно не один — слишком самоуверенно держится. Наверняка позади кто-то есть, страхует.

Егор бросил настороженный взгляд назад — ну да, так и есть, вон он, маячит — молодой, мордастый. Ла-адно....

Пряча недобрую ухмылку, Вожников картинно расставил в сторону руки:

- Берите все, жизнь только не трогайте.
- Верно мыслишь! — довольно кивнул кривоносыый. — Давай полушубок снимай. Добрый полушубок, медвежий, мне как раз впору придется.

Пожав плечами, Егор проворно скинул полушубок, подошел ближе, протянул, и:

— Носи, мил, человек, на здоровье!

...и — прямым в переносицу!

Хороший такой джеб! Бухх!!!

Оглоед обмяк тут же — вот буквально только что высилась гора мышц, и вдруг — сразу! — вышел мешок с дерьмом. Не дернулся, не покатился кубарем в черный сугроб, просто выключился и тяжело осел наземь.

Туда и дорожка! Но оставался еще и второй. Ага, вот он — с ножичком. Егор быстро подхватил упавший к забору кистень, завертел, идя на мордастого, и, приблизившись до трех шагов, швырнул... все равно куда. Лиходей на секунду отвлекся, отмахнулся, пригнулся...

И получил апперкот в челюсть! Славный удар, славный — чистый, действенный — Егору самому понравился, да и тренер бы похвалил, жаль, не видел.

Стукнувшись затылком об забор, толстомордый медленно сполз вниз по доскам.

— Ловко ты их, господине Егорий!

Вожников поднял голову, увидев в конце проулка тощую фигуру Федьки. Удивился:

— Ты как здесь?

— Тоже в город подался, — меланхолично пожал плечами отрок. — Хотел было с тобой, господине, да постеснялся спроситься.

— Ишь ты...

— Господине, пасись!!!

Выкрикнув, Федька бросился на Егора, толкнул в грудь... оба упали, просвистел над головами с силой пушенный нож, воткнулся в забор, задрожал зло.

— Смотри-ка, в себя пришел! — вскочив на ноги, Егор с неприязнью глянул на крючконосого детину.

Тот уже встал, кривился, но, увидав, как Вожников поднимает упавший в черный подзаборный снег кистень, счел за лучшее спешно ретироваться. Сбежал, гад, бросился прочь со всех ног, и это после нокаута!

— Однако силен, братец, силен, — с каким-то уважением вымолвил молодой человек, и, посмотрев назад, столь же удивленно поинтересовался: — А где, кстати, второй-то?

— Да уполз давно, — подсказал Федька. — Если хошь, так мы его быстро догоним.

— Черт с ним, — Егор махнул рукой и подмигнул отроку. — Спасибо, Федор, вижу, ты парень глазастый.

Парнишка смущенно моргнул:

— Так не будем за лиходеем гнаться?
— Не будем. На что он нам? Мы, Федя, лучше сейчас в церковь пойдём. Самое время.

В тот самый храм и зашли, что располагался поблизости — деревянный, с сияющим золотистым крестом. Внутри было благостно, кругом горели свечи, строго смотрел с большой иконы Иисус, с неизбывной добротой взирала на молящихся Богоматерь. Иконы помельче изображали особо чтимых святых — Георгия Победоносца, Николая Угодника, еще кого-то, кого именно — Егор не знал, а спросить у Федьки стеснялся.

А потому стоял, да, периодически крестясь, молился, уж как умел:

— Господи, дай мне силы все воспринять, выстоять и, самое главное, дай надежду вернуться. Туда, к прежней своей жизни, ибо быть здесь я вообще не должен... Ведь не должен же, правда?

Строго смотрел Иисус. Поигрывал копьём Георгий Победоносец. Николай Угодник вскинул руку в благословении...

— Господи и вы, все святые — помогите же... помогите... хотя бы для начала — все здесь понять и принять.

Оба, Егор и Федька, пробыли в церкви где-то с полчаса или чуть больше. Отрок молился истово, бухался на колени, плакал, что-то просил...

— Еще бы свечи поставить, — тихо промолвил Вожников. — Да жаль, денег нет.

— Денег-то, господине Егорий, на них и не нужно. Пула или полпирога хватит, вона, — Федька подкинул невесть откуда взявшуюся на ладони монетку из позеленевшей меди. — Сейчас у дьячка куплю.

Поставив свечи, кому — за упокой, кому — за здравие, помолились еще немного, вышли и, повернувшись на паперти, перекрестились, отвесив глубокий поклон.

— Ну, что — теперь в корчму, господине? Или у тебя какие другие дела есть?

Егор грустно улыбнулся:

— Нету никаких таких дел, Федя. Пошли куда в корчму, а там... там видно будет.

Солнце клонилось уже к закату, цепляясь на холмах за черные вершины сосен. Тянулись по городу длинные темные тени, сгущались, фиолетились сумерки, лишь крест на маковке храма все так же сиял, озаренный оранжевыми лучами заката.

— Ворота закрывают в детинце, — услышав донесшийся откуда-то мерзкий достаточно громкий скрип, прокомментировал Федька. — В корчме вечером поснедаем?

— Думаю, что да, — Вожников рассеянно повел плечом. — Неужто Борисычи пожадничают?

— А Борисычи — они всегда с нами будут? — отрок тут же задумался и уточнил: — То есть мы с ними.

— Не знаю, — честно признался Егор. — Думаю, нет, уйдут, куда им надо. Да мы уж как-нибудь и без них проживем, верно?

— Верно! Ватажку с Антипом соберем — чего не жить-то? Главное, чтоб людей поболее.

Федька радостно засмеялся, в светлых глазах его заиграли багряные остатки солнца.

Ишь ты, ватага! Вожников снова задумался, не обращая внимания на промокшие ноги — лужи кругом, все-таки — весна! Что и говорить — апрель, звенит капель. Даже здесь, на севере, скоро реки вскроются, пройдет ледоход, спадет водица, пути-дорожки высохнут, вот тогда и...

А тогда — куда? Ему-то, Егору, все равно абсолютно, что здесь, в Белоозере, что в каком-нибудь другом месте. Раньше хоть было занятие — шли. А теперь что? Что делать и чего возжелать?

На постоялом дворе к вечеру оказалось людно до такой степени, что буквально не протолкнуться. В корчме за столами свободных мест не было, все скамейки да лавки забиты полностью — кто-то уплетал за обе щеки щи, кто-то лакомился пирогами, большинство же тупо хлебало медовуху, время от времени закусывая квашеной, уже почерневшей капустой.

Бритоголовый кабатчик Ахмет Татарин, завидев новых своих постояльцев, кивнул:

— Господа гости у себя в овине ужинают, и язм вам в ригу пирогов и квас пришло, лады? Хотя можете и тут присесть, пождите только, пока кто-нибудь не упьется.

— Не, уважаемый, ждать мы не будем, — с ходу отказался Егор. — К себе в ригу пойдем, Антип-то, товарищ наш, там, верно?

— На посад ушел, еще не возвращался. Вы его там не встречали?

— Нет.

Отрицательно мотнув головой, Вожников вышел во двор и, обходя купеческие возы, направился к риге — дощатому сараю для обмолота и сушки снопов. Борисычи обретались чуть подале — в овине, представлявшем собой приземистый сруб с печью — опять же, все для той же сушки.

— И овин у Ахмета, и рига, — на ходу покачал головой Егор. — А не все одно? Лучше б два овина выстроил, так?

— Не, Егорий, не так, — входя вслед за Вожниковым в ригу, охотно поддержал беседу Федька. — Тут — как какое лето. Когда в овине лучше хлебы сушить, а когда и в риге — в риге-то попрохладнее, да и ветер. Это на

зиму, вона, хозяин щели заткнул, да печь истоплена... и все равно — не так уж и жарко.

Жарко точно не было, но и не так, чтобы холодно, вполне хорошо, нормально — лишь бы ночью не прихватил морозец. Впрочем, туристы-спортсмены — люди привычные.

— Правду татарин рек — нету еще Антипа-то, — присев на длинный дощатый ларь, застланный волчьей шкурой, Федька устало вытянул ноги и скинул армяк. — А тут хорошо, спокойно. Вон и свечечка сальная — поди, хозяин велел принести. Я зажгу, а то темно тут.

— Давай, — махнул рукой Вожников, присаживаясь на точно такой же ларь. — Углей вон, в печи посмотри... Ох, тут и запах — не угореть бы!

— Не угорим, щелей много.

Затеplилась, закоптила сальная вонючая свечечка, восковую-то пожалел кабатчик. Снаружи слышались чьи-то быстрые шаги, тут же запахнулись двустворчатые двери-ворота.

— Хозяин-от пирогов прислал да кваску, — проворный корчемный служка поставил на низенький, как видно, недавно принесенный в ригу стол глиняный кувшин да большое деревянное блюдо с пирогами, поклонился. — Угощайтесь.

— Ух, и поедим же! — едва служка ушел, Федька закрыл ворота и радостно потер руки. — Можно пирожок взять, Егорий? Аль Антипа пождем?

— Да что ждать-то? Кушай! А Антипу мы пирогов оставим.

Отрок довольно заработал челюстями:

— Вкусны пироги-то! С вязигой.

Вожников лениво хлебнул кваску, что-то вовсе не чувствуя аппетита. Еще бы — такое-то моральное потрясение! Пятнадцатый век... всерьез, похоже! И еще эта казненная колдунья... колдунья... Так, может быть? Может быть — вот хоть этак попробовать? Найти здесь волхвицу, обратиться с той же просьбой, что и к бабке Левонтихе — мол, продай водицу-снадобье, чтоб нехорошее чувствовать. А потом — вот так же, в прорубь. Вдруг да повезет? Ведь почему бы и нет-то, отчего ж не попробовать? Попытка не пытка. Осталось только колдунью найти, а с этим, как отчетливо представлял теперь Егор, могли быть большие проблемы. Не жаловали тут волхвиц-то! Кнутами хлестали, топили в проруби, головы рубили, потому и колдуньи наверняка на виду-то быть опасались, прятались, а, если кому ведовством помогали, так только своим, кому доверяли... ну, либо по их — своих — наводке.

Егор неожиданно улыбнулся: пришедшая мысль показалась ему весьма здоровой и вполне пригодной к реализации, пусть даже и не сразу. Ну, сколько времени придется искать ведьму? Не день, не два, неделя — это

как минимум, а то и две-три... месяц. Тут еще и самому б не спалиться, не то мигом донесут местному князю, а тот пошлет людей — «имать». Всяко может быть, как бы самому головы не лишиться за подобные поиски. Тут надо не торопясь, осторожно...

Кто-то вновь распахнул двери — Антип. Громыкнул сапогами; завидев пироги да кувшин — ухмыльнулся:

— Вот хорошо — пирогов-то.

— Присаживайся, Антип, к столу, кваску хлебни.

— И хлебну, — пригладив бороду, кивнул Чугреев. — Запыхался что-то. Правда, верных людей еще не нашел, но — на них вышел. Не сегодня-завтра — сыщу. Эх, будет у нас скоро ватага! Ничо, парни, прокормимся, серебришка себе добудем и славы — уж это — кому что.

— Дядько Антип, — осторожно начал Федька. — А и то, и другое — можно? Ну, и серебришка, и славы.

Антип гулко захохотал:

— Слава-то тебе зачем, отроче? Подрасти сперва, а сейчас смекай — слава-то, она не одному, она всей ватажке нужна, чтоб знали про нее, чтоб боялись. Ты, Егор, зря зубы скалишь — без ватаги нам сейчас никак, на что жить-то? Борисычи сказали, что просто так кормить нас не намерены. Ну, окромя того, что они тебе за проводника должны — то заплатят. Немного, конечно — много у них сейчас и нету, но — что-то заплатят. Так... малость.

— Что же, выходит, зря я в проводники вызвался, целый месяц убил?

— Не-е, Егорий, не зря-а, — растягивая слова, Чугреев смешно вытянул губы в трубочку. — Борисычи-то, чай, не простые люди. Отблагодарят, не сомневайся, только б пофартило им.

— Дядько Антип, я ведь тоже с вами — в ватагу? — напомнил о себе Федька. — Сбежать куда, чего где разузнать — я тут, мигом. Ну и — в схватке.

— В схва-атке! — скривившись, передразнил Антип. — Ты хоть оружный-то бой знаешь ли? Саблей рубишь? Палицей, шестопером бьешь? Или кистенем?

Подросток пристыженно опустил голову:

— Не-а.

— Вот то-то, что — не-а. Учить тебя надо... Готов учиться-то?

— Готов, дядько!

— Готов он... — Хмыкнув, Чугреев с хитрецей взглянул на Егора: — Оружному-то бою покуда учиться и не на чем, а вот кулачному... есть тут у нас дока. А, Егорий? Ты как?

— Боксу, что ли, вас обучить? — с удивлением уточнил Вожников. — Так для этого времени много нужно. И тренировки — каждый день до сень-

мого пота. Да и староваты вы уже оба — даже Федор... тебе, Федь, сколько лет-то?

— Пятнадцатый.

— Ну, вот — я так и думал.

Чугреев нахмурился:

— Так что ж — не научишь?

— Да куда ж я от вас денусь?! Уж чему-нибудь научу, хотя б удар поставлю. — Снова хлебнув кваску, Егор шмыгнул носом. — Только перчатки бы... тут прямо, в риге, и приспособились бы.

— Мешок найдем, а вот рукавицы перстатые...

— Сойдут и обычные рукавицы, только на меху, зимние.

— Сыщем.

Доев пироги, улеглись спать — Антип с Федькой — вдвоем на одном ларе, Егор, как более габаритный — на другом, отдельно. Спали не раздеваясь — холодновато, — укрывшись хозяйской сермягой да волчьими шкурами.

Антип безбожно храпел, Федька во сне вскрикивал, метался. Что из этой симфонии разбудило посреди ночи Вожникова, храп или крик, определить было сложно. Может, ни то, и ни другое, а просто холод? Хотя не так уж и холодно было, вполне терпимо, даже округлая, обмазанная глиной печь для сушки снопов еще не совсем остыла.

Тем не менее Егору не спалось, он полночи ворочался, временами впадая в какое-то забытье, а потом и вообще проснулся. Натянув волчью шкуру, заложил руки за голову, вытянулся — думал.

Тысяча четыреста девятый год... ладно, чего уж теперь без толку повторять-то? С колдуньей, со снадобьем, прорубью — мысль хорошая, а вот с ватагой — однозначно плохая. Это что ж получается, он, Егор Вожников, человек в своем краю не последний, тем более — боксер, будет тут, в прошлом, людей грабить? Этак вот выйдет на узкую дорожку с кистеньком... как тот крючконосый с веником да его мордатый напарник. Что ж теперь, он с этими упырями — одного поля ягода?

Не-ет уж, ватага — банда, если попросту — это уж совсем вариант никудышный, ни в какие ворота. Еще чего — людей убивать, грабить! Вот уж — фиг. Больно надо!

Ла-адно, пока еще Антип ватажку свою соберет, отыщет подходящих типов, пока объект для нападения выберет, наверняка какого-нибудь незадачливого купчишку... тем временем можно и ведьмочку отыскать, колдунью, взять у нее водицу заговоренную, снадобье, да, помолясь — в прорубь. В ту самую, где юную волхвицу топили? Брр! Жуть какая. Неужели — было? Да было, как не было. Прямо на глазах. И все ж — до сих пор не

верится. Впрочем, верить — не верить, тут уж — что есть. О другом думать надо — как побыстрее отыскать колдунью.

С утра Антип, зачем-то прихватив с собой Федьку, вновь отправился в посад на поиски старых своих знакомых — ватажников. Борисовичи, столкнувшись в корчме с Возниковым, пригласили его к себе в овин, где было намного теплее, чем в риге. Там, в овине, и рассчитались, оплатили по факту работу проводника, оценив ее в двадцать четыре денги — пара дюжин — сумма по нынешним временам не очень большая, но и не слишком малая. Егор долго думал, куда бы деть эти мелкие серебряные кружочки? Пробовал было в пояс — так высыпались, а кошель у него не имелось...

— Так ты сходи на торжище, купи. Две денги всего-то.

И правда, совет Данилы Борисовича был вполне здравым — почему б не купить-то? Сходить в посад, голову проветрить, да заодно как-нибудь по-хитрому разузнать там о любой, проживающей в доступной местности, ведьме.

Денежки, завернув в найденную тряпицу, молодой человек спрятал за пазуху, пригладил растрепанные со сна волосы пятерней, да зашагал в посад, все тем же путем — по тропке. Так выходило быстрее, нежели по дороге, тем более дорожка-то уже растаяла, и путь преграждали огромные буровато-коричневые лужи. Кто знает, где у них там дно? Так что по тропинке надежнее будет.

Памятуя о местном гоп-стопе, Егор хотел было прихватить с собой в город секиру, да, по здравому размышлению, от этой затеи отказался: незачем слишком уж привлекать внимание людей местного князя, мало ли как они среагируют на незнакомца с боевым топором на плече. А ну-ка, где-нибудь на авторынке прошелся бы с пулеметом.

На этот раз день выдался пасмурный, с плотными белыми облаками и редкой просинью. Хорошо хоть дождик не лил, да ведь облака-то были, на взгляд Егора, вовсе не дождевые, высокие, даже солнышко иногда появлялось, выглядывало, сверкало, словно высматривало добычу — ну-ка, ну-ка, а где еще притаился сугроб? Сейчас мы его, враз! А ну-ка!

— Рыбка, рыбка, белорыбица!

— Квас, квасок, раскрывай роток!

— А вот сбитень, сбитень...

— Пирог, пироги, с пылу с жару, недороги...

— Купи, господине, собаку! Добрый псинище — всегда пригодится.

— Да не нужна мне собака. Кошки, калиты — где?

— А вон, в том ряду, за баклажками.

Свернув, Вожников, не обращая никакого внимания на навязчивую рекламу («Купи, господине, баклажку!» «А вот блюдо — самое лучшее!»), обогнул торговцев деревянной посудой — всякого рода мисками, баклагами, блюдами, — быстро сторговал за две денги поясной кошель — «кошку», а на обратном пути, подумав, все ж прикупил деревянный гребень и ложку, подвесив все к поясу на специальных бечевках — карманов-то не было!

— Собаку, господине, купи.

— Не нужна мне собака, сказал же, — молодой человек с подозрением покосился на крупного лохматого пса непонятной породы и покачал головой. — Нет, не нужно. А не знаешь ли ты, уважаемый, кто умеет заговаривать зубы? Болят уж который день, мочи нет, кариес, наверное.

— Зубы? — продавец пса — глуповатого вида парняга лет двадцати с круглым добродушным лицом и толстыми губами, озадаченно взъерошил затылок. — Ране Манефа... тьфу-тьфу-тьфу — тут парень перекрестился и продолжил уже почти шепотом: — Ране Манефа-волшбица всем заговаривала. Она тут, неподалеку, жила, в деревеньке одной. А теперь волшбицу того... казни предали, за колдовство злое. Теперь с зубами даже и не знаю к кому.

— Что, так-так и не к кому? Ты, уважаемый, помоги, а я уж в долгу не останусь, — Вожников многозначительно позвенел недавно купленными кошелем, вернее, тем, что в нем находилось. — Болят ведь зубы-то. Болят.

— Ин ладно, — плотоядно взглянув на кошель «болезного», парняга махнул рукой. — Пойду, спрошу у кума, он тут рядом, рыбой торгует.

— Так, может, я сам у него спрошу?

— Что ты, что ты, никто чужому не скажет. А ты, мил человек, тут стой, я быстро.

Прихватив с собой собаку, торговец проворно скрылся за рядками. В ожидании его возвращения Вожников, прислонясь к бревенчатой стене какого-то амбара, с интересом наблюдал, как местные пацаны играют в «чику». Не на деньги играли — денег, даже самых мелких, медных, у них, походу, не было — на щелбаны да на желание. Кто-то, проиграв, громко ржал жеребцом, кто-то, замычав по-коровьи, наклонившись, пил из лужи воду, а вот один — самый мелкий — скинув армячок и перекрестившись, полез на высокую березу.

— Смотри, Ванюх, не свались! — орали снизу.

— Не свалюсь. А свалюсь — так ловите.

— Нашел, мил человеце.

Вожников живо оглянулся: держа на веревке кудлатого пса, переминался с ноги на ногу толстогубый парень:

— Нашел я тебе волшбицу. Токмо это...

— Понял! — Егор живо полез в кошель. — Всякий труд должен быть оплачен. Вот, держи. Надеюсь, деньги хватит?

Продавец собаки ухватил денежку с такой неожиданной прытью, что молодой человек понял: слишком много дал! Целую серебряху, когда за глаза хватило бы и медного пула. Что ж, с местными ценами приходилось пока разбираться вот так, на ходу. Да. Может, еще и не пригодится с ними разбираться — вдруг да поможет колдунья, водицы заговоренной даст... вдруг?

— Пойдешь, мил человеце, на позахолмье...

— Куда-куда?

— Ах, ты ж гость, не тутошний, — парень показал рукой. — Вона, по той улице, мимо церкви, за детинец пойдешь, там увидишь избенки худые — в крайнюю постучи. Скажешь, от Миколы Рыбника, зубы заговорить. Там и сговоритесь.

— Ну, спасибо тебе за подсказку.

Благодарно кивнув, Егор отправился по указанному адресу, краем глаза кося на возвышихся под березой ребят — похоже, самый из них младший все же свалился с дерева и теперь, плача, лежал в грязи. Сломал позвоночник? Да нет, вроде встал, утер сопли.

Выглянувшее было солнце снова нырнуло за облако, много было облаков — все клочковатые, фигуристые, этакие медленно плывущие павы! И небо, нет, все же какое красивое небо, высокое, с синевою, с башнями-облаками, с падающими — льющимися золотистым потоком вниз — солнечными лучами. Словно нимбы сияющие под облаками, а наверху и между — игристая лазурь. Красота!

А вот матушка-земля подкачала, снег едва только сходил, и обнажившиеся пустоши и луга тускло мерцали буровато-седой неуютностью, и улицы — по колено в грязи, и в углах, под заборами, еще догнивали сугробы.

Словно акробат, раскинув руки, Егор прошагал по брошенным в грязь следам — двум тоненьким сосенкам, опасно прогнувшимся под тяжестью тренированного мускулистого тела. Этак не выдержат, упадешь в грязь, сгинешь, не вылезешь — можно и с головой провалиться, что там — по колено!

Ничего, прошел, справился, отыскал указанную собачником избенку, оперся о покосившийся забор из жердей, едва не свалил, прошагал чуть дальше, выбирая место, где поменьше грязи — встал, позвал громко:

— Эй, эй, соседи-и-и!

Скрипнула покосившаяся дверь убогой, вросшей почти по самую крышу в землю, избенки, кто-то возник в проеме, не поймешь — то ли баба, то ли мужик.

— Чего орешь? Кого надо?

— Я от Миколы Рыбника. Зубы заговорить.

— Тсс! Да не ори ты так, горе! — существо — судя по голосу, это была все-таки женщина — опасливо оглядев округу, махнуло рукой. — Давай заходи в избу. Микола зря не пришлет.

Изба — темная, дымная, грязная, с крытой старой прогнившей соломенной крышей, оказалась пуста, если не считать сопевшего в лыковой зыбке младенца. Что-то зашуршало у самого порога, пискнуло, прыгнуло, проскользнула между ногами во двор; Егор невольно попятился — большая, размером с кошку, крыса!

— Садись вон, на лавку... хотя можешь и так постоять. Тебе зубы? Счас коренья дам... три денги!

Уже опытный — спасибо прощельге-собачнику — Вожников покачал головой:

— Одна-ако!

— Пусть две. Ладно. Вот оно, снадобье-то.

Одетая в какую-то невообразимую серягу хозяйка избы протянула гостю пыльную плетеную баклагу:

— Водой ключевой разведи, да по утрам-вечерам полощи зубы. Пройдут. Денги давай, а?

— Ах да, — хлопнув себя по лбу, молодой человек вытащил из кошелька «кошки» монеты. — Бери, вот. — Пошутил: — Надеюсь, не из жаб болотных настойка?

— Не из жаб, — усмехнулась волшбица. — Пустырник там, чабрец да еще кой-какие травки.

— Вот и славно, — Егор с благодарностью принял баклагу и, чуть помолчав, спросил: — А насчет другого зелья как? Мне б водицы заговоренной, снадобья, чтоб несчастье предчувствовать. Микола Рыбник сказал — у тебя есть.

— Врет все Микола! — неожиданно отпрянула хозяйка. — Заговоры-наговоры — это не ко мне! А ты иди, куда шел — мимо.

— Да ладно — иди, — Вожников и не собирался никуда уходить, не добившись своей цели. — Я ж не просто так, я ж заплачу... дюжину серебрях, а?

Сказал, и ту же ударил ладонью по кошельку — позвенел денгами.

Волшбица задумалась:

— Дюжину? А не врешь?

— Прямо сейчас и отдам. Вот!

— Добро, — хозяйка, наконец, решила, как видно, алчность все же пересилила осторожность. — Полдюжины мне давай — не сейчас, вечером, а полдюжины — той, к кому приведу. Она сейчас и медному пулу рада. Только уговор — один приходи. Возьмешь кого с собой — ничего не поимеешь.

— Хм, ладно, приду один. А воду-то она заговорит? Умеет?

— Да умеет, — ухмыльнулась женщина. — Ты про Манефу-волхвицу слышал?

— Слышал.

— Так то — сестрица ее молодшая. Зовут — Серафима.

Вернувшись на постоялый двор Ахмета Татарина, Егор просидел там примерно часов до пяти-шести вечера, после чего, сказав Борисычам, чтоб не искали, покинул ригу. Начинало смеркаться, и росшие неподалеку, над овражком, ивы таинственно мерцали набухшими серебристыми почками. Было довольно тепло, хотя промозгло, пахло свежим навозом, и ветер весны проносил над головой Егора светлые облака надежды. Если удастся... удалось бы!

Показалось, кто-то окликнул сзади... Нет, не нужно оглядываться, вообще, не нужно сейчас никого, сказано же — один. Так, может, взяв снадобье, сразу и нырнуть — вот в ту прорубь, в которой... Нет, пожалуй, не стоит. Черт! А ведь скоро и некуда будет нырять, растает все к черту — может, тогда прямо в реку, или в пруд, в озеро? Насчет этого бабка Левонтиха ничего не говорила, и на сайте своем никаких инструкций по этому поводу не вывешивала. Ладно, поглядим!

Угрюмая волшбица-посредница уже поджидала Егора у изгороди, сгорбленная, с морщинистым усталым лицом, все в той же сермяге, поверх которой набросила овчину.

— Ага, пришел.

— Пришел, — кивнул Егор. — Один, как и договаривались.

— Знаю, что один. Ведаю.

Ведает она... Однако!

В небе уже загорались, играли звезды. Рогатый месяц закачался над деревянными башнями детинца, где-то ударил колокол, неподалеку, за изгородью, взбрыхнул пес. Город постепенно проваливался во мрак — один за другим гасли в слюдяных окнах богатых домов огни свечей, в избенках попроще меркли лучины, лишь на башнях кремля неровно горели оранжевые факелы ночной стражи.

— Надо было и нам факел взять, — запоздало молвил Егор. — Скоро совсем темно станет — как идти-то?

— Так пришли уже, — провожатая хмыкнула и показала в темноту рукой. — Вона, изба-то, видишь?

— Нет, — честно признался молодой человек. — Так, какие-то контуры.

— Непонятно говоришь. Ты не наш, не из наших мест. Гость.

— Вот уж точно, что гость. И очень надеюсь, что временный.

Они остановились возле высокого забора, отбрасывавшего в свете луны мерцающую зыбкую тень. Загремев цепью, глухо тьякнул пес.

— Тихо, тихо, Агнец, свои, — негромко вымолвила волшбица.

Услыхав знакомый голос, пес успокоился, и слышно стало, как кто-то подошел к самым воротам:

— Кто?

— Здрав будь, Хярг.

— И ты, Сармина.

Ворота открылись, впуская гостей. Дальше, во дворе, разговор пошел на каком-то особом наречии, как, прислушавшись, догадался Вожников — на финно-угорском. Вепсы! Точнее говоря — весь, древний народ, когда-то, во времена Древней Руси — сильное и уважаемое всеми племя... Кстати, Белоозеро — это же их город, племенная столица веси! Был когда-то таким, еще на том, северном, берегу, а нынче — несколько раз перенесенный на новое место — это уже и не город, а так, убогая и усохшая копия бывшего величия и блеска. Тем более сейчас — под властью алчной и жестокой Москвы.

— Входи, гость, — переговорив с Сарминой, Хярг — низенький, широкоплечий — указал на маленькую избенку, притулившуюся на самом краю двора... скорей, даже — баню... да! Точно — баню, сейчас, в сумерках, темнеющую, словно оплывший сугроб.

— Серафима ждет тебя. И примет. Иди же.

Вежливо кивнув, молодой человек подошел к бане и, остановившись, осторожно стукнул в дверь.

— Войди, — послышался женский голос.

Егор вошел, низко склонившись, чтобы не удариться лбом.

— Вот сюда, сюда, к лавке...

Вожников, наконец, выпрямился, увидев в тусклом свете лучины высокую, одетую в длинное льняное платье девушку с большими, чуть вытянутыми к вискам глазами, темными, как южная ночь. Такие же темные волосы ее ниспадали на плечи, в лице было что-то восточное — быть, может, скулы или, скорее, глаза. Это, впрочем, не портило общее впечатление, скорей, придавало изюминку красоте девы.

— Я — Серафима.

— А я...

— Я знаю — Егор. Положи деньги на лавку, туда.

Молодой человек поспешно выполнил указанное, и волшбица выразила свое удовлетворение легким, едва заметным кивком.

— Сними полшубок, здесь тепло... Кинь на лавку... так... Рубаху тоже сними.

— Но... — несколько замялся Егор. — Я бы хотел...

— Я знаю, чего ты хочешь, — тонкие губы ведуньи тронула легкая улыбка. — Чувствую... Подойди ближе, встань на колени... так... теперь

наклони голову. А вот теперь — пей! Не бойся, это просто квас, правда, сильно хмельной, ядреный. Пей, пей!

Молодой человек послушно исполнил все, почувствовав прикосновение нежных девичьих рук... ему вдруг почудилась песня... хотя нет, не почудилась — волшбица Серафима запела! Тихо, вполголоса, на непонятном языке — весянском? Мелодия казалась простой, а припев повторялся все чаще и чаще — речитативом:

— Конди, Хяндикан, Хирб! Конди! Хяндикан! Хирб!

«Конди — по-вепски — медведь», — вдруг всплыла мысль, а дальше... дальше Вожников словно погрузился в сон, легкий, этакую полудрему — спал, но все слышал. И чувствовал, как все сильнее начинает болеть голова. Сначала чуть покалывало виски, затем будто что-то ударило по лбу — и ядерной бомбой взорвался мозг!

— Конди! Хяндикан! Хирб!

— Медведь, Волк, Лось, — открыв глаза, машинально прошептал молодой человек. — Это что — боги древней веси?

Он лежал на лавке, на своем же подстеленном полушубке, рядом, у изголовья, сидела волшбица и... плакала.

Приподнявшись, Егор схватил ведунью за руку:

— Эй, эй, Серафима! Ты чего? Я что — обидел тебя? Сделал что-то не так?

— Я... я — не могу... Не могу войти в твою голову, не могу помочь... — рыдая, промолвила девушка. — А так не должно быть, нет! Ведь ты не чудовище, не злой оборотень, я чувствую.

— Уж точно — не оборотень, — сочувственно усмехнулся гость. — Что, совсем-совсем ничего не выходит?

— Да есть один способ, — успокоившись, Серафима задумчиво посмотрела на Вожникова и погладила его по груди. — Есть способ узнать... помочь... если ты... если ты захочешь — мы сольемся с тобой в одно.

— Как же? — быстро поцеловав волшбице руку, прошептал Егор. О, он уже догадался, к чему клонит колдунья... и был вовсе не прочь!

— Ты знаешь, о чем я...

— Да!

Не говоря больше ни слова, ведунья поднялась с лавки и без всякого жеманства сбросила с себя платье. Ее хрупкая юная фигурка со стройными бедрами и небольшой грудью поначалу показалась Вожникову чересчур худой и какой-то угловатой... впрочем, стоило кудеснице опуститься рядом...

Ах, эти глаза — черные и бездонные, в них, кажется, сияли искры, а тело оказалось гибким и безумно горячим. Как соскучился Егор по женской ласке — еще бы! Он и набросился на девчонку, как и положено изголодавшемуся мужику — притянул к себе, с жаром поцеловал в губы, и...

— Это слишком быстро, — с улыбкой призналась волшебница. — Я так ничего в тебе и не поняла.

— Эко дело! Попробуем еще раз, — погладив девушку по спине, лукаво улынулся гость. — Еще раз, и... еще... Ведь ты не против, верно?

Вместо ответа Серафима поцеловала Егора в губы. И молодой человек тут же отозвался на любовный позыв, притянул девчонку к себе, тиская, лаская пальцами грудь...

— Ты — чужой! — отпрянув, тихо промолвила Серафима. — Совсем-совсем чужой, из далекого далека.

— Но ты поможешь мне?

— То, что ты хотел — ты давно получил, — волшебница неожиданно улыбнулась. — Ведь так?

— Допустим, — неохотно признался Егор.

— Так чего же ты хочешь?

— Просто вернуться домой... — Вожников вздрогнул, увидев, как потемнели и без того темные глаза юной колдуньи. — Ну, что ты молчишь? Скажи же! Ты поможешь мне? Я вернусь домой? Ну! Говори же!

Молодой человек ухватил Серафиму за плечи, сжал, встряхнул. Вспыхнули антрацитовые глаза.

— Отпусти, мне больно.

— Да-да, извини.

Егор как-то сразу обмяк, сел на лавке, глядя, как девчонка проворно натянула платье... скорее — просто длинную рубаху, а, впрочем, какая разница? Об этом ли сейчас думать?

— Ты станешь великим воином, — взглянув Вожникову в глаза, прошептала колдунья. — И обрешь большую власть.

— Да не нужна мне власть! Дома-то я буду?

Из темных глаз колдуньи словно вылетели искры, ударили, взорвались у Егора в мозгу. Проклятая ведьма!

— Не-ет, — уже догадываясь, предчувствуя ответ, ошарашенно протянул молодой человек. — Не-ет... Так ведь быть не может... не может быть. Ты шутишь со мной, да?

— Я всегда говорю, что есть. Что я чувствую, вижу. Знаю, людям это не нравится... моя сестра потому и погибла, а я вот пришла... явилась из наших лесов...

— Пришла отомстить? — тихо уточнил Вожников.

— Да.

Молодой человек взял Серафиму за руку:

— Так ты не ответила толком! Вернусь я домой? Ну! Говори же! Вернусь?

— Нет. Никогда.

Глава 7

КУПИ ВЕНИК!

Пока Вожников терял последнюю надежду в жарких объятиях юной волшбицы, на другом конце Белоозера, ближе к детинцу, еще с вечера произошли некие события, повлиявшие на дальнейшую судьбу Егора не меньше, чем встреча с Серафимой.

На огороженной высокой оградой усадьбе, не очень большой, но и не малой, в просторном, выстроенном на подклете доме, в топившейся побелому горнице, расположившись на приставленных к неширокому столу скамьях, играли в шахматы двое мужчин. Один — дородный, осанистый, с густой светло-русой бородой и добрым широким лицом — был одет в длинный кафтан доброго немецкого сукна, из-под которого выглядывала красная шелковая рубаха — признак явного богатства и положения в обществе, о чем также свидетельствовали и сафьяновые — в сборочку — сапоги, и отстегнутая от широкого пояса, небрежно брошенная на лавку сабля, и драгоценные перстни на пальцах обеих рук.

Напарник его, одетый по-домашнему просто — в холщовое полукафтанье с шелковой плетеной тесьмой — обликом, скорей, походил на монаха или на человека, не придававшего своей внешности особого значения, что по тем временам явно смахивало на вольнодумство, хотя, конечно, совсем-то на смердов походить не пристало — за тем и шелковая тесьма, и в изящных недешевых ножнах кинжалец. Аскетичное лицо, смуглое и худое, тонкий, с едва заметной горбинкой, нос, густые — вразлет — брови. Глаза насмешливые, темно-карие, узенькая черная, с проседью борода. Тонкая рука тронула ладью, переставила, дернулись в улыбке тонкие губы:

— Маг тебе, Иване Кузьмич!

Дородный бородач озадаченно поскреб в затылке:

— Ох и умен ты, Ларион, ничего не скажешь! Нет, чтоб сноровку-то мне проиграть...

— Так ты же, господин воевода, тогда первым меня презирать будешь.

Иван Кузьмич замахал руками:

— Да пошутил, пошутил, полно тебе! Еще партейку?

— Охотно. Сейчас велю слугам кваску принести. Печь-то натопили нынче изрядно.

— Да и хорошо ж, Ларион Степаныч! — воевода довольно потер руки. — Жар костей не ломит, а тепло завсегда лучше, чем холод. Чай, не в сарацинских странах живем.

— Ты, как всегда, прав, Иване Кузьмич.

Поднявшись на ноги, Ларион подошел к двери, отворил, выглянул:

— Эй, Прошка! Квасу нам спроворь, живо. Да заедок не забудь.

Распорядившись, Ларион Степаныч подошел к стоявшему на широкой лавке ларцу, оглянулся:

— Расчеты сейчас велишь делать?

— А, давай сейчас, — зевнув, воевода махнул рукой. — Поздно уже, скоро к себе, в детинец, поеду... хоть у тебя в гостях и хорошо. В самом деле хорошо, Христом-Богом клянусь! У меня-то в хоробах суетливо, людно — дети, племянники, слуги... да ты сам ведаешь. А у тебя, Ларион — благодать: тихо, спокойно — ни домочадцев, ни чад — всего-то несколько слуг, и те место свое знают, не докучают без надобности.

— Попробовали б, — сквозь зубы промолвил Ларион Степаныч.

Достав из ларца несколько полотняных мешочков, он высыпал их содержимое на стол, рядом с поставцем с яркими восковыми свечами. Блеснуло, заиграло в глазах серебришко!

— Дирхемы ордынские, денги, — со знанием дела пояснял гостеприимный хозяин. — А вот — денги новгородские, московские денги, Дмитрием Ивановичем еще чеканенные, а эти вот — кильские гроши, а тут — геллеры. Все из земель немецких.

— И кто ж ими платил?

— Так Острожец Михайла, гость новгородский. У них там, в Новгороде, немецкой монеты полно.

— И монеты, и всякой поганой нехристи! — подняв вверх указательный палец, наставительно заметил гость.

— То и верно. — Ларион Степаныч неожиданно нахмурился и сжал губы. — Все ж нет у меня доверия к новгородцу! Себе на уме, хитер. Вроде и любезен, а... Чую, не зря он тут объявился! Выгоду свою пасет. Эх, своих бы людишек к нему приставить, обложить бы, как волка!

— Так обложи!

— Так он тутошних на службу не берет, не подпускает... Одначе подумаем, помыслим, что можно сделать.

— Так все ж таки заплатил Острожец, не стал кобениться?

Ларион Степаныч пожал плечами:

— Так он и не кобенился — не дурак. Хитрый! А те, кто кобенился да лишнего платить не хотел, тех уж и... В общем — управились с ними. Остальные — сразу платить.

— Как и всегда, как и всегда, — покивав, воевода неожиданно строго зыркнул на собеседника: — А жаловаться не побегут? А, Ларион? Вдруг да князь их наветам внемлет? Всякое бывает, врагов да завистников у нас много. Чай, непростые люди, язм — воевода, ты — старший дьяк.

— Не побегут, — поспешно успокоил Ларион Степаныч. — Из-под льда-то не выберутся!

— Так ты их в прорубь, что ли?

— А куда ж? Слава Господу, есть еще верные люди, — дьяк набожно перекрестился на висевшую в красном углу икону в добротном серебряном окладе. — Кстати, господине Иване Кузьмич, надо бы их отблагодарить, людей-то. Манефу-колдунью взяли, пытали, да на казнь. Большое дело сладили! Мы на колдунью-то не только мор да глад, но и купчишек повесили... тех, кто «лишнего» платить отказался. И нашли же словцо — «лишнее»! Вот, пушай теперь под водой подумают, хе-хе-хе.

— Дак серебришко для людишек твоих сейчас оставить? — пригладив бороду, спросил воевода.

— Сейчас, господине. Как раз ближе к ночи верный человечешко с докладом явится. Может, еще и сеструху Манефину — Серафиму, возьмем!

— Серафиму? — удивился Иван Кузьмич. — Она что, тоже волхвица?

— Волхвица — и кудесница, и ведунья, и чаровница. Мнози грехи на ней, если схватим, сам митрополит благодарен будет.

— Иди ты — митрополит! — скептически скривился воевода. — Можно подумать, он про эту Серафиму ведает.

— Не ведает, так проведает. Как доложить, — ухмыльнувшись, старший дьяк заложил руки за спину и прошелся по горнице. — О частоколе осмелюсь напомнить — подгнил частокол-то, а ведь совсем недавно бревна меняли.

— Ну и подгнил! — поведя плечом, гость нервно прищурился. — И что? Князь наш, Белозерский, сам же и велел — побыстрее да подешевше ладить. Вот и сладили.

— А серебришко-то на Москве выпросили. А вдруг да князь ярыжку своего пришлет — посмотреть, глянуть?

Побелев лицом, воевода гневно замахал руками:

— Эй, эй, ты что такое несешь-то, Ларионе!

— Я говорю вовсе не о том, что обязательно будет, а о том, что может быть, — невозмутимо пояснил дьяк. — А нам надобно сделать, чтоб не было. Чтоб никакой опасности, чтоб спокойно все, как говорят — шито-крыто.

— Ну-ну-ну-ну! — Иван Кузьмич забарабанил по столу пальцами. — Говори ж, не тяни — что придумал?

— Серафима-волхвица частокол на гниль извела! — с усмешкой промолвил Ларион Степаныч. — Явилась из лесиц — за сестрицу свою казненную отомстить. Колдовство, чары свои, не токмо на людей, но и на стены, на башни наводила — Угловая-то башенка, я чаю, тоже не очень, как бы не рухнула князюшке нашему на голову.

— Тьфу ты! Типун тебе, — воевода снова перекрестился и неожиданно хохотнул. — А с колдуньей ты, Ларион, хорошо выдумал. Про наговор-то на стены подтвердит кто?

— Есть видоки-послужи.
— А как их под кнут?
— Катю скажем — как надо бить будет. Так, поцарапает слегка... Но ведь они и серебришка получают изрядно! Есть смысл все, что надобно, подтвердить.

— Опять серебришко!

— Тут, господине, никак скупиться не надобно — дело такое.

Иван Кузьмич махнул рукой:

— Ла-адно, заплатим. Сколько оставить-то?

— А вот, — дьяк взял с лавки вошеную дощечку, видать, заранее приготовленную. — Здесь все выписано, подсчитано...

— Да ну-у-у, — гость скривился, словно от зубной боли. — Ты мне не показывай, ты словами скажи!

— Два полсрока и еще две с половиной денги, — тотчас выпалил Ларион Степаныч.

— Сколько-сколько?!

— Сам же, Иване Кузьмич, просил — словами.

— А не многовато ль?

— Все подсчитано.

— Ладно, — воевода в который раз уже махнул рукою и тяжело поднялся на ноги. — Возьми сам, сколь надобно. Пойду я — засиделся. Кликни слугу. Скажи, пушай челяди моей скажет — иду. Коня пусть подведут.

— Сейчас, сладим.

Быстро отсчитав серебро, старший дьяк, как и полагается, лично проводил важного гостя до самых ворот, поклонился:

— Доброй тебе ночи, Иване Кузьмич. Заезжай еще — то честь великая.

— Загляну, загляну, заеду, — воевода дернул поводья коня. — Н-но!

Выехал за ворота. Зачавкали по грязи копыта. Впереди и сзади побежали слуги. Хоть и ехать-то — совсем рядом, а все ж не пристало знатному и именитому человеку пешком, как какому-нибудь шпыню ненадобному, хаживать.

Проводив воеводу, Ларион Степаныч отдал распоряжения слугам, поднялся обратно в горницу, и, расставив фигуры, принялся играть в шахматы сам с собой. Играл не спеша, с усмешкой, покуда за окном уж совсем не начало темнеть. И вот тогда-то в дверь постучал слуга.

— Зови! — выслушав, нетерпеливо махнул рукой хозяин. — Сюда, в горницу, веди.

Слуга неслышно исчез с низким поклоном. Немного погода послышались за дверью шаги.

— Можно, Ларионе Степаныч?

В горницу несмело заглянул мордастый парень лет двадцати, тот самый, что на пару с крючконосым лиходеем не так давно неудачно пытался ограбить Вожникова. Сильный, но с округлыми покатыми плечами, круглое, с курносом носом, лицо можно было бы счесть по-сельски простоватым, если бы не хитрый прищур сероватых глаз с белесыми, как у поросенка, ресницами. Обычное крестьянское лицо, каких много, но вот взгляд...

Отвлекаясь от шахмат, дьяк поднял глаза:

— А, Онисим! Проходи, проходи... что-то я тебя нынче заждался.

— Не мог я, господине, ране явиться, — поклоняясь, изрек новый гость. — Все следил.

Ларион Степаныч насмешливо вскинул брови:

— И за кем же ты, осмелюсь спросить, следил? Опять за каким-нибудь ярыжкой или рыбником?

— За ним... за рыбником, — покивал Онисим. — Миколой его зовут, он всеянин наполовину.

— Так тут многие — из веси.

— И к вере нашей хрестьянской — не очень, все больше идолов своих поминает.

Дьяк недовольно поморщился:

— Помнится, ты об этом уже говорил. Что нового? Иль просто так пришел... за серебришком? Просто так — не дам!

— Что ты, что ты, господине Ларионе Степаныч! — парень мелко затрясся, видать, рассчитывал все же на серебряхи, а тут — такой облом. — Язм об том и прибежал, об новом-то доложить, потому-то и припозднился.

— Ну, докладывай, докладывай уже!

— За Миколой-рыбником посмотрел, он все к Пармине-вдовице шагает, на Захолмье, что за детинцем почти...

— Знаю я, где Захолмье! — жестко перебил дьяк. — Дальше! И давай — ближе к делу.

— Так вот, — торопливо сглотнув слюну, продолжал Онисим. — Пармина тоже из веси, да все они, тварюги белоглазые, вечно что-то недоброе замышляют...

— Сказал же! Ближе к делу.

— Так и язм... Вызнал: кудесница Серафима, сестрица Манефы-волхвицы, третий день уж у Хярга-бондаря обретается, он ее, змей, приютил.

— Серафима — здесь?! — изумился Ларион Степаныч. — Что, и в самом деле мстить явилась? Вот дура-то!

— Для поганных-то язычников как же без мести?

— Ну, оно так, так, — дьяк ненадолго задумался, улыбнулся. — Так это же хорошо, Онисим! Это же просто замечательно, когда зверь сам на охот-

ника бежит. Теперь и по лесам людишек слать не надо, Серафиму эту искать.

— Да что ее искать-то, господине? Знаем ведь, где жила.

— Все равно! Лес — есть лес. А вдруг — на севера, в важскую землю иль еще далее подастся? Не найдем вовек.

Встав, Ларион Степаныч радостно потер руки:

— Это хорошо, что она сама пришла. Пряма как нарочно.

— Она, господине, ведь мстить явилась, — глухо напомнил Онисим. — Как бы чего не сотворила, змея.

— А мы не дадим сотворить! Прямо утречком раненько и возьмем — тепленькую. Да, выжидать не стоит — с кудесницей-то глаз да глаз. Пошлю с утра людей воеводе — возьмем! На вот тебе...

Дьяк отсчитал несколько монет, Онисим взял, поклонился.

— Ну? — Ларион Степаныч вскинул глаза. — Чего ждешь-то? Мало?

— Не, господине, — парень помялся. — Еще одна весточка есть, уж и не знаю, важная али нет.

— А это уж позволь мне решать! — строго прикрикнул дьяк. — Говори!

— Антип Чугреев в Белозере объявился, ватажник и лиходея.

— Чугреев? — Ларион Степаныч задумчиво скривился. — Слышал, слышал. Думал, и в живых уж его нет.

— Да все так думали, господине. А он — вот он — жив! С Никиткой Кривоносом, дружкой моим, в корчме у Одноглазого Нила встречался. В новую ватажку звал!

— Так-та-ак, — дьяк почмокал губами. — Ватажка, значит... А тебя Никитка еще не позвал?

— Не, не позвал. Но, мыслю, что кликнет. А язм откажусь: одно дело — на пару, а другое — ватагою. Делишки, оно конечно, побольше, да ведь и за просто согнуть можно.

— Постой, постой, — тут же сказал Ларион Степаныч. — Ты, Онисим, как позовут — не отказывайся. Пойди в ватажку-то, пойди, она нам сгодится, ватажка. Парень ты не дурак, себя проявишь — в том, чем смогу, помогу. А потом... ватажка, — дьяк хищно скривился, — оно хорошо, когда под боком, когда управляема. Ладно! О ватажке особо поговорим — зайдешь на седмице. А сейчас — иди.

— А колдунья? Я б ее...

— А то уж не твоя, парень, забота!

Опершись спиной о бревенчатую стену баньки, Вожников допил поднесенный волшбицей Серафимой квас — и в самом деле забористый, даже можно сказать — крепленный, утер ладонью губы:

— Значит — никогда, да?

— Поверь, я не со зла, — присев рядом, девушка мягко улыбнулась. — Просто, что чувствую, то и говорю.

— А чувства тебя не обманывают?

— Не знаю. Скорее — нет. Иначе б не была бы волшбицею. Как сестра.

Серафима закусила губу и, присев на лавку рядом с Егором, снова рыдалась, уткнувшись парню в грудь.

— Ну-ну, — молодой человек погладил ведунью по волосам. — Что ты все плачешь-то?

— Сестрицу жалко! — девчонка всхлипнула, вытерла рукавом слезы. — Ты пойми, Егорий, мы ж никому ничего дурного не желали, просто жили себе, молились своим богам, да помогали людям. Кому рану заговорить, кому — зубы, да кому что! Черное, злое чаровничество — никогда. То и нам самим — недобро. Поверь, так было... А сейчас... Сейчас я — черная. Явилась мстить!

Выпрямившись, юная ведунья гордо вскинула голову, да так, что Вожников невольно залюбовался ею, протянул руку, обнял:

— А ты красивая.

Волшбица улыбнулась, ускользнула, как ускользает во сне видение, морок. И все же Егор успел схватить ее за руку, притянул к себе, да, ласково усадив на колени, принялся целовать в губы, в шею... теплую, нежную...

Девушка прикрыла глаза, вытянулась:

— Ах, как ты... как ты умеешь. Ах...

— Ложись, милая, и ни о чем больше не думай.

Молодой человек осторожно стянул с девушки платье, нежно погладил пупок... ниже... с жаром поцеловал-поласкал грудь... Прижал к себе, обнял...

— Ах...

— Выходит, и вы, ведуньи, все же чего-то не знаете...

Ушли, улетели куда-то ввысь закопченные стены бани, стало вдруг светло и радостно... Одному Егору? Обоим? Да, конечно, обоим, а как же!

— Знаешь, а все же хорошо, что я тебя встретил, да?

Волшбица ничего не ответила, лишь смущенно фыркнула.

— Ты у этого кулака живешь, как его... Хярга?

— Не живу, просто пришла. Хярг приютил, он же из наших.

— А почему — Серафима? Ты ж ведунья, язычница?

Девушка повела плечом:

— Просто так в деревне прозвали. Это внешнее, для чужих, имя... как и Манефа. Ах, как я им отомщу! А ты иди, наверное... поздно уже.

— Скорей — рано.

Егор усмехнулся и прислушался: показалось, будто кто-то ходит во дворе. Хозяин, Хярг? Почему так рано? Впрочем, мало ли в усадьбе дел? При натуральном-то хозяйстве.

Вот резко залаял пес... взвизгнул, замолк.

Серафима с тревогой посмотрела на дверь, привстала...

Егор махнул рукой — сиди, я пойду, открою.

Никакие предчувствия его в этот момент не обуюали, ни о чем таком хорошем не думалось, да и что такое могло случиться еще, когда — «Нет! Никогда». То есть, если верить темноглазенькой кудеснице Серафиме — всю оставшуюся жизнь здесь, в пятнадцатом веке, сидеть придется. Ага!

Нет, показалось. Никого во дворе не было. Вожников распахнул дверь, выглянул... и, получив поленом по лбу, тяжело осел наземь. Полный нокаут!

— Да говорю же, не в детинец его поволокли, а на чью-то усадьбу, — волнуясь, убеждал Федька. — Я запомнил — куда.

— И большая усадьба? — задумчиво осведомился Чугреев. — Народу-то много в ней?

— Да не усмотрел я, сколь в ней народу. А усадьба сама не так уж и велика... но ограда высокая. Эх, дядько Антип, чтоб мне пораньше-то тебя встретить! Как раз бы и перехватили лиходеев по пути.

— Ага, перехватили — вдвоем-то?

Антип скривился, и Федька сконфуженно замолк, припоминая, как совсем случайно, отправившись на заутрене в дальнюю церкву — просто из любопытства, хотелось посмотреть храм — вдруг столкнулся с неведомыми людьми, тащившими под руки какую-то растрепанную черноглазую девицу и парня без признаков жизни. В парне отрок, к ужасу своему, и признал Егора, да, живо смекнув, что к чему, таясь, пошел недалеко сзади, так и проследил путь.

— Люди, так мыслю, ратные — парняги все, как на подбор, дюжие, рослые, — вспомнив важное, промолвил Федька. — У кого копыя короткие, а у кого и сабля.

— Ну, вот, — высморкавшись, буркнул Чугреев. — А ты говоришь — вдвоем!

— Так они потом из этой усадебки-то — вышли. В детинец ушли.

— Это ты проследил, что в детинец?

— Не... подумалось так.

— Подумалось ему, — Антип сплюнул и грязно выругался. — Эх, Егор, Егор — и чего тебя ночью-то понесло куда-то? Со мной хотя б посоветовался. Вот дурень-то!

— Он же предупредил, чтоб не искали.

— Я и говорю — дурень. Наверняка к девке той пошел, с которой его, ты говоришь, тащили. А там... там всякое могло быть. Хяргова-то усадебка на отшибе, глуха, — Чугреев покачал головой и задумался, поглядывая на светлеющее небо.

Где-то на том берегу, за Шексной, занималась заря, играли на вершинах сосен и елей золотисто-рыжие сполохи, первые солнечные лучи разгоняли туман, по всему чувствовалось, что денек выдастся погожий, понастоящему весенний.

— А до ледохода-то еще не так уж и скоро, — пробурчал себе под нос Антип. — Жаль Егоршу — ватажник бы лихой вышел.

— Что-что, дядько Антипе?

— Не то, что с тебя, глупой тетери!

Они стояли у той самой, ближайшей к постоялому двору Ахмета Тарина, церкви, деревянной, с блистающим крестом — тут и встретились. Отрок на постоялый двор шел — рассказать своим о Егоре, а Чугреев — по делам ватажным, собирать имеющихся на примете людишек.

— Почему вышел бы? — обиженно дернулся Федька. — Может, его еще выручить можно.

Антип отмахнулся:

— Сказал бы я тебе... Выручить!

— Так надо что-нибудь делать, — отрок взволнованно повысил голос, задергался, замахал руками. — Хотя бы попробовать, не бросать же, ведь мы ж вместе все-таки, заодно должны быть. Борисовичам нужно сказать, вдруг да они чем помогут?

— Борисовичей пока не трогаем, — хмуро предупредил Чугреев. — Как бы нам их помощь боком не вышла. А Егорку... что ж — попробуем выручить. Если можно то. Заодно и ватажников испытать. Вот что, паря, ты давай, к усадевке той, да все про хозяев повыспроси, вызнай, уж как хошь — понял?

— Конечно, понял! — подросток обрадованно сверкнул глазами, в которых, казалось, отразился кусочек неба. — Выспрошу, узнаю все.

— А я куда к Хяргу наведуясь, да парней кой-каких соберу. Тут, на паперти, после обедни и встретимся, смотри, не опоздай.

— Не опоздаю, дядько!

Утреннее весеннее солнце выбралось, наконец, из-за леса, выкатилось, засверкало над дальним холмом, ударил лучами по глазам прохожих — мелких рыночных торговцев, служилых людей, окрестных, приехавших в город с оброком, крестьян да артельщиков — плотников, печников и прочих, искавших заработка и приложения своим умениям и силам.

Егор приоткрыл глаза... и тут же смежил веки — от яростно ударившего солнца. Ох, как болела голова — прямо раскалывалась... Молодой человек неожиданно улыбнулся — значит, жив, коли так! Поморщившись от боли, привстал, осмотрелся... да-а-а!

Он лежал на земляном полу в каком-то амбаре, с большими воротами, сквозь широкие щели которых и пробивалось солнышко. Мощные бревенчатые стены, уходящие высоко кверху стропила, крыша — может, через крышу отсюда выбраться? Ага... если допрыгнешь! Никакой лестницы поблизости что-то не наблюдалось, зато имелась копна старой соломы, на которую пленник и перебрался, пытаясь поскорее сообразить — как и почему он здесь очутился?

Сейчас-то, судя солнцу, день, а тогда был вечер, ночь даже. Тогда, когда... Господи! Серафима! Волшбица...

Сидели себе спокойно в баньке, занимались любовью к обоюдному удовольствию, и вдруг — на тебе... кто-то треснул в лоб. Шишка — во! Вожников осторожно потрогал рукой... хорошо хоть башка не раскололась. Кто-то чем-то тяжелым вдарил, нет, не ломиком, скорей — оглоблей или поленом. От сволочуги! А он-то, Егор, тоже хорош — расслабился, головенку подставил — бей, не хочу!

Та-ак... а чего его схватили-то, сюда вот приволокли, в амбаре заперли? С какого такого перепугу? Что он такого сделал-то... и, главное — кому?

А вот на этот счет совершенно никакие мысли не приходили, да и не могли прийти, слишком мало информации, чтобы о случившемся более-менее верно судить. Одно можно было утверждать — обретенные с подачи бабки Левонтихи способности нынче почему-то не сработали... Почему? Из-за секса? Просто не смогли прорваться, или... Или этот удар оглоблей... поленом, да все равно чем — такая малость, что и предупреждения-то никакого не стоит. Обычное дело, житейское.

Чу! Заслышав раздавшиеся снаружи голоса, Вожников соскочил с соломы, припал глазом к воротной щели и увидел, как к амбару направляются с полдюжины парней, вооруженных короткими копьями и саблями. Да-а... против такого воинства никакой апперкот не поможет, не стоит и пытаться. Но, наверное, можно будет узнать — чего им, собственно, от него надобно?

Поразмыслив таким образом, молодой человек отошел вглубь амбара и, едва распахнулись створки, со всей галантностью поклонился:

— Здравствуйте!

Вместо ответа вооруженные воины вмиг окружили его, выставив копья, словно загоняли дикого зверя.

— Что ж его не связали?

— Да, думали, не скоро очухается. Полено-то увесистое попалося, да и Никодим бить умеет. Верно, Никодиме?

Здоровенный детина с окладистой бородищей приосанился и довольно хмыкнул:

— Угу!

Егор недовольно покосился на него и скривился — ах, вот кто его угостил... все-таки — поленом. Даже обидно как-то!

— Давай, вяжи его, братцы, — распорядился высокий мужик в нарядном, с серебристыми проволочками, кафтане. — Сейчас господин старший дьяк придет, распорядится, может, поговорить с ним захочет.

Руки за спиной связали хватко и быстро, Егор и не сопротивлялся — знал, что себе дороже. С такими-то ухарями — да-а-а. Ну, и разобраться хоть в чем-то хотелось — а, похоже, к тому все и шло: старший дьяк, это примерно как майор юстиции получается или даже подполковник.

— Ну, что тут у нас?

Пленник вскинул голову на только что вошедшего в амбар человека — лет сорока пять, чернобородый, высокий. Смуглое лицо, впалые щеки, брови вразлет. Взгляд внимательный, жесткий, повадки — человека, привыкшего распоряжаться. Не, ну точно — подполковник! Одет в темный кафтан без всяких украшений, но сукно добротное, явно откуда-нибудь из Фландрии или иных европейских земель — спасибо друганам реконам, Вожников в таких вещах разбирался. Ага, ага, вот он, начальник пожаловал.

— Здравствуйте, господин старший дьяк.

— И ты здоров будь... пока, — садясь в принесенное проворным слугой полукреслице, пошутил дьяк. — Вижу — человек ты разговорчивый, пряткий. Это хорошо. — Он обернулся к воинам. — Оставьте нас.

— Ларион Степаныч, он верткий.

— Так вы ж его связали? Тем более, у меня кинжал.

— Ну, мы тут, господине, рядом.

— Идите уже!

Выпроводив стражей, Ларион Степаныч с любопытством посмотрел на Егора и негромко осведомился:

— Ну и кто ты? Откуда таков молодец?

— Да с детства Егором кличут. С Нагорного Обонежья мы. Проводник людям торговым.

— Проводник, говоришь? Ну-ну, — старший дьяк пробуравил молодого человека глазами. — А к волшбице зачем пожаловал?

— К какой еще волшбице? А, к девчонке-то... Ну, так зачем к девкам ходят?

— Прыток.

Ларион Степаныч улыбнулся, вовсе не ласково, а холодновато-цинично, как улыбался, наверное, фашистский хирург-изувер, намереваясь поизмываться над пленным.

— Значит, то, что та дева — кудесница, ты не знал?

— Христом-Богом поклянуся — не ведал!

— Думал — корву нашел?

— Думал, — отрывисто кивнул Егор. — А с ней хорошо было.

— Угу, угу... так-так... — «подполковник» задумчиво скривил губы. —

Что ты проводник, кто подтвердить может?

— Да кто угодно! — без всякой задержки ответил пленник. — Ахмета Татарина отель... тьфу... постоянный двор знаете?

— Ну, знаю.

— Так там и сам Ахмет, и Анисим Чугреев, охотник, да и купцы — было там двое — все подтвердят.

— Чугреев? — левая бровь дьяка дернулась. — Ну-ну. Ладно, а у Серафимы ты как появился? Микола Рыбник привел?

— Он. Я зуб хотел вылечить.

— Ага! — Ларион Степаныч шутливо погрозил пальцем. — А говоришь, не знал, что девка — волшбица! Зуб-то, поди, заговорить хотел, так?

— Не, думал, та дева — травница.

— Травница... — дьяк тихо посмеялся. — И как, вылечил зуб-то?

— Да вроде бы не болит, — улыбнулся в ответ Вожников. — Вот если б еще твои люди поленом по башке не треснули.

— Это они от старания, мил человек, — поднимаясь, дьяк позвал воинов и махнул узнику рукой. — Посиди тут пока, поспи.

— Да мне бы покушать.

— Покушать ему, — Ларион Степаныч покачал головой. — Сейчас распорядюсь — принесут.

Закрылись ворота, скрипнул снаружи засов — целое бревнище! Такой не вышибешь ни за что, хоть головой со всей дури бейся. Интересно, еду принесут? Вообще-то, старший дьяк произвел на Егора скорей хорошее впечатление: несуетлив, рассудителен и — видно — умен. Осталось надеяться, что пытать он узника не велит — да и зачем пытать-то? Вожников и так уже все про себя рассказал. И чуть-чуть — про колдунью Серафиму. Ох, честно говоря, жаль девку — сгинет ведь, пропадет ни за что. Казнят ее местные сволочуги-власти, как и сестрицу Манефу казнили... Брр!!!

— Быстро к Ахметке Татарину, — поманив слугу, распорядился Ларион Степаныч. — Выспросите с осторожкою про некоего Егора-проводника. Ежели все подтвердят, кончайте парня по-тихому — ни к чему он.

Слуги молча поклонились и выбежали за ворота.

— А вы, — дьяк повернулся к стражникам, — меня с волшбицей има-тою сейчас к Ивану Кузьмичу-воеводе сопроводите. Во все глаза глядите, не думайте, не простая девка пред вами, но колдунья весьянская!

Десятник что-то скомандовал, отправив двоих воинов за пленницей, остальные же в ожидании выстроились у крыльца.

— Вот так-та-ак! — Егор оторвал ухо от щели и в задумчивости уселся на солому. — Вот тебе и умник-разумник. Ишь ты — «кончайте по-тихому». А принцип один, как в старом фильме — «скрипач не нужен». Хотя, со здешней-то точки зрения, наверное, правильно — нет человека, нет проблемы. Не нужен — прибить, а труп бродячим псам выкинуть. Так, на всякий случай... Что им жизнь какого-то там парня-проводника? Ничто. Совершеннейшая пустышка, даже и греха замаливать не надо — зачем? Лесной бродяга, он ведь и не человек вовсе, а какой-то там «ненадобный шпынь».

Надо что-то делать, выбираться как-то!

Дождавшись, когда шум у дворе затих — видать, отъехали, — молодой человек скрючился и, перекинув связанные руки через ноги вперед, зубами освободился от пут, после чего сразу же попытался было забраться повыше к крыше, содрал в кровь ногти, но так и не залез — слишком уж сруб был высок, а щели меж бревнами узки — не то что ногу поставить, и пальцами-то не зацепиться.

Попробовав на крепость все бревна — вдруг да какое шатается, узник попытался расширить воротную щель, оторвать досочку... Ага, оторвешь — доски-то тесаные, толстые, железными полосами стянуты. Тут только «болгаркой» и взять. Ла-адно... Вожников невесело усмехнулся: придется идти другим путем. Раз из этого чертова амбара никак не выбраться, то... то нужно искать того, кто поможет это сделать, скажем — тех же слуг, коим поручено пленника, не говоря худого слова, убить. Пока они на постоянный двор сбегают — убежали уже, — пока Ахметку расспросят да, может, Борисычей с Антипом... Борисычи. А ведь дьяк про беглецов явно не в курсе! Ну, так правильно — связь-то какая? Ни телефона, ни телеграфа — одни гонцы. Что же касаясь господина старшего дьяка да людишек его... Э! Нет! Не будут они в открытую, дьяк же ясно сказал — осторожно! Значит — Ахметку, и всю прочую корчемную теребень, которая, как и везде, всегда все знает. Надолго это все затянется? Полчаса, от силы — час, уж наверняка слуги-то попытаются поскорей хозяйское распоряжение исполнить. Да, где-то час. Примерно столько времени и осталось. А дьяк — уж точно! — за этот срок никак не успеет обернуться. Пока Серафиму отведут, сдадут, да еще с воеводой пообщаться надо.

Ох, вот дурак-то! Егор с силой хлопнул себя по лбу: чего ж не сообразил как-то собой дьяка этого заинтересовать?! Глядишь, и пожил бы подольше,

и что-нибудь бы за это время придумал. Сплоховал, рассудил с позиции цивилизованного человека — если не нужен, так отпустят. Ага! Как же! В этой эпохе своя логика, по-своему, наверное, правильная. Кстати, и все-таки — а что же никаких предупреждающих видений не было? Неужели из-за бурного секса? Или — квас в баньке оказался слишком хмельным? Ну да, ну да, на медовуху походил больше, этакий крепленный квасок, типа бормотушного портвейна. Или... или кончилось бабки Левонтихи колдовство, все, больше не действовало? Впрочем, что тут теперь рассуждать, когда надо действовать. И с чего же сейчас начать? А узнать, много ль в доме да во дворе слуг осталось.

Вожников снова припал глазом к щели, сквозь которую было хорошо видно примерно половину двора с какими-то приземистыми строениями и колодцем. Народу во дворе не было ни души, что показалось узнику странным: это как понимать, что ж, у местной челяди никаких домашних работ нету? Ни двор подмести, ни корму скоту-птице задать, ни... Да мало ли дел! А нет никого. Никто не бегаёт, не суетится, бурную деятельность не изображает, что ж получается — в отсутствие хозяина и забить на все можно? Кот из дому — мыши в пляс? А ведь дьяк такого не спустит, он вообще на добрячка не похож, а уж на простачка — тем более. Обмануть вряд ли получится. Тогда выходит — не так тут и слуг много. Уже хорошо! Уже хоть что-то.

Молодой человек снова внимательно осмотрел двор, намечая пути бегства. Если вот так, по диагонали, пробежать мимо колодца к амбарчику, забраться на крышу — не так и высоко-то — а с крыши... с крыши можно и перемахнуть через ограду, прыгнуть, подтянуться, и... И поминай, как звали! На постоянный двор Ахмета Татарина, уж, конечно, путь тогда заказан — там и будут искать, — но со своими встретиться надо, одному-то совсем несподручно... Антип, кстати, в какую-то ватагу звал.

Снаружи послышался чей-то крик, промчалась по двору юркая фигурка слуги — ну, наконец-то хоть кто-то! Что-то противно скрипнуло — засов? Ворота? Нет, скорее — калиточка.

Во дворе раздались голоса, хохот, через некоторое время к узилицу направились двое дюжих парней в лаптях и с ножами. Ясно — пошли убивать... как барана резать. Чего ж двое-то? Так пленник-то связанный... да и за опасного соперника его не считали, подумаешь, деревенский ухарь, какой-то там проводник! Чего с таким возиться-то? Нож под ребро — и все дела.

Вожников проворно растянулся на соломе, но тут же, подумав, скрючился, прижимаясь спиной к бревенчатой стене амбара, так, чтоб со стороны казалось, что руки у него связаны.

Заскрипел тяжелый засов, кто-то выругался, в узилице резко посветлело. Ага! Вошли.

— Ишь ты, бедолага — спать.

— Оно, Онфиме, и к лучшему. Во сне-то самое то, и не почувет ничего, вмиг душа вознесется. Ну, что стоишь-то? Давай!

— Я, что ли? — неуверенно промолвил Онфим.

— Ты, ты, — второй слуга цинично расхохотался. — Привыкай к кроушке, хозяин наш уж таков. Не тяни, бери нож — делай. А грехи потом пускай Ларион Степаныч отмаливает — он ведь приказал.

— Ох, Господи, прости...

Черная тень надвинулась на Егора, затмила солнце. Блеснул в руке слуги острый нож...

Ввухх!!!

Вожников резко развернулся, вскочил и тут же ударил снизу — апперкот! — в челюсть. Несостоявшийся убийца сразу сник, нож выпал из враз ослабших пальцев...

Что там с этим парнем стало — нокаут или нокдаун, — Егор не смотрел, некогда, сразу бросился ко второму, пока тот еще не совсем опомнился — пара секунд всего и прошло-то. Лишь бы на помощь не успел позвать... Подскок — удар!левой — в печень, и почти сразу — прямой — джеб — в переносицу. Все! И этот поплыл! Эх вы, убийцы — никогда соперников недоценивать не надо.

Вскочив во двор, освободившийся узник со всех ног помчался туда, куда и наметил — мимо колодца к приземистому строению. Некстати дунувший ветер бросил в глаза пыль. Егор на бегу сплюнул, сжал губы. Вот уже немного осталось, совсем чуть-чуть — сейчас, с разбега, на амбарец, затем...

— Далеко собрался, паря?!

Оп-па!

А вот этого беглец, честно сказать, не предвидел! Из распахнувшихся ворот амбара, прямо Егору навстречу, вышли двое хмурых мужиков, один — с топором, другой — с рогатиной! Черт! Никакой это не амбар — кузница или что-то подобное... какая-то мастерская, а эти, видно, работники, зависимые от дьяка люди.

— Э, мужики, я просто так... гуляю.

И, никак их, гадов, не достать, не ударить! Ладно, тот, что с топором, когда замахнулся б — можно было бы и... Но рогатиной-то замахиваться не надо...

— Да бей его уже!

Бамм!!!

Что-то прилетело сверху — здоровенное бревно, оглобля! — ударило сразу по затылкам обоих — и как так ловко получилось-то?

Только что стояли, кричали — бей! И вот уже лежат бездыханно рядышком.

А сверху, с крыши, спрыгнул здоровый, самого подозрительного вида, мужик, мосластый, с пегой растрепанной бородой и крючковатым носом... Кстати, почему-то Егору сильно знакомый...

Спрыгнув, мужичага с довольным прищуром полюбовался своей работой, после чего перевел взгляд на Вожникова и, неожиданно подмигнув, молвил:

— Купи, паря, веник!

— Что-что?

— Давайте-ка, скорей там! — заметалась на ветру у ограды черная борода Антипа Чугреева. — Егорий, Никита — уходим.

Глава 8

РАЗНОЦВЕТНЫЕ КИБИТКИ

— Х-хэк! — голый по пояс Вожников ловко разрубил пополам массивную осиновую чурку.

Плохие были дрова, сучковатые, зато топор — та самая секира — хоть куда! Ее, правда, Егор берег, только вот для таких чурбаков, что обычным топором не взять, использовал.

— Расколел, что ли, Егор?

— Расколел, а ты как думал?

Бросив секиру, молодой человек потянулся, да щурясь от солнышка, направился к колодцу, что располагался рядом, на заднем дворе, возле огорода с черной землицей и первой нежно-зеленой травкой.

Там, у колодца, стоял с деревянными ведрами Федька, точнее сказать — таскал в баню воду, а Вожников, вот, дрова колел. И то, и другое — типично женское занятие, но все ж делать-то их нужно было — заладили к вечеру баньку, а на захудалом дворике разорившегося своеземца Микеша Сучка народу вообще не было, если не считать самих ватажников, большая часть которых, под водительством Чугреева, еще с утра отправилась за город подыскивать местечки для будущих засад. Впрочем, Антип надеялся уже и сейчас хоть кого-нибудь повстречать на еще не просохшем шляхе, хоть что-нибудь взять, гоп-стопник чертов.

Ватажка уже собралась довольно большая, двадцать человек, или, как привыкли считать местные — «полсорока». Окромя самого Чугреева да Егора с Федькой, еще и такие колоритные типы, как пегобородый Никита Кривонос — «Купи веник», да приятель его, молодой Онисим Морда, да еще Иван Карбасов, да Линь Окунев — это все мужи опытные, остальные же — сопленимая молодежь, так, лет по шестнадцати-двадцати парни, примерно все на одно лицо, по крайней мере, Вожникову почему-то так

и казалось. Да! Еще и сам Микеша Сучок, своеземец бывший, тоже в ватажники подался — кормиться-то надо. Его Антип, как и Кривоноса с Онисимом, и раньше еще знал по прежним своим делам, которые вспоминать не любил, знать, такие дела были.

Полузаброшенное дворище Сучка располагалось верстах в пяти от города, на берегу Белого озера, среди болот и почти непроходимой лесной чащи, так что добраться сейчас сюда было довольно сложно. Хорошо, болота, хоть уже и начали таять, да не до конца растаяли; как и лед на озере: почернел, зашуршал по краям желтыми полыньями да шуугою, однако не таял, наверное, ждал майского тепла.

С постоянного двора Ахмета Татарина приятели, тепло простившись с Борисовичами, все же решили уйти: во-первых, из-за Егора, а во-вторых — ну, не собирать же там ватагу у всех на виду? И служки корчемные, и сам Ахмет впечатления надежных людей вовсе не производили и наверняка «постукивали» втихаря местному воеводе, а то — и тому же недоброй памяти дьяку Лариону Степанычу. Кстати, Борисычи тоже свалили, не сказав, куда. Паслись-опасались.

У Сучка место было хорошее — дикое и безлюдное, как раз для ватаги. Уже начались тренировки, Егор старательно обучался оружному бою, да и сам ставил парням удары, вон и Федыка ходил уже, украшенный синяками — на скуле и под левым глазом — после вчерашнего спарринга.

— Ничего, ничего, — подмигнул отроку Вожников. — Синяки мужчин украшают. А ну-ка, полей мне водицы!

Подставив спину, молодой человек с удовольствием смыл пот, крикнул:

— Ох, хорошо! Студеная. А ты сам-то чего стоишь? А ну, снимай рубашу — полью.

— Не-не-не, — испуганно дернулся Федыка. — Холод-то, нешто можно?

— Нужно! — Егор со смехом схватил парня за руку. — А ну-ка, бадейки поставь. Рубашу долой... Ага...

Подхватив тяжелое ведро, Егор от души окатил подростка водой и засмеялся:

— А теперь — бокс! Спарринг! Да шучу, шучу — чего ты? Много еще тебе носить?

— Да бадеек с дюжину и осталось, — опасливо покосившись на Егора, отрок обхватил себя руками за плечи. — Хол-лодно.

— Так бадейки-то в баню тащи, вот и согреешься, — посоветовал молодой человек и, взяв топор, подошел к осиновым чуркам. — А я пока поколю. Пожалуй, уже скоро и наши вернутся.

— Скорей бы, — тряхнув мокрыми волосами, Федька поспешно натянул рубаху. — Может, дичь какую по пути запромыслят? Вдруг, да и попадется в лесу кто? Хорошо бы тетерева или рябчика.

— Тебе все бы жрать! — хохотнул Вожников. — Вон худой какой... куда только лезет? Ла-а-дно, не обижайся, я ж так... шутя.

— Да язм понимаю. А все ж покушать охота.

И в самом деле, у Егора и самого-то частенько подводило живот — такие уж голодные настали времена, прежнее серебришко кончилось, не было и медного пула, перебивались куда дичью да рыбкой, да кое-что приносили те ватажники, что жили в посаде. Это была идея Вожникова — организовать все по сетевому принципу, чтоб не всем в одном месте ошиться, а собираться в кучу лишь в строго определенное время либо — когда надо, используя в качестве гонца Федьку или кого-нибудь из молодых. Вот и сейчас у Сучка жили лишь те, кому некуда было податься — Антип, Егор, Федька, сам своеземец, да Иван Карбасов с Окуневым Линем — те были беглые, откуда-то из ярославских краев. Неплохие, в общем-то, мужики, но, видать, изрядно битые жизнью. Оба успели побывать и в ордынском плену, у какого-то мурзы, от которого тоже сбежали, бродяжничали, собрались было далеко-далеко — в Хлынов (как понял по рассказам многих Вожников — местную Тортугу), но вот, пристали к ватаге, вернее, хитрый Чугреев их уговорил, случайно встретив в корчме Одноглазого Нила.

Егор поколол еще немного — в охотку, — тем временем и Федька натащил вторую кадку воды, как раз затопили и баню, да вскипятив на очажке воды, бросили почки смородины — для запаха, для заварки.

Потом, вытянув ноги, оба уселись на завалинке, лениво потягивая «чаек». Вожников блаженно щурился — хорошо было вот так сидеть, отдыхая после работы. Дышать напоенным запахом первых весенних трав воздухом, смотреть в высокое синее небо, на озеро, покрытое темно-голубым ноздреватым льдом, на выбегающую откуда-то из чащи тропинку, уже поросшую кое-где свежей нежно-зеленой травкой. По краям тропинки, вдоль покосившегося забора тянулись заросли ивы с пухлыми серебристыми почками, чуть дальше широко разрослась ольха, у нее почки совсем другие, приплюснутые, лиловые, а вот у тополя, что стоял у давно упавших наземь ворот — острые, зеленые, торчат, словно рогадины, выставленные охотниками в ожидании дичи.

Дичи... Да, дичь сейчас не помешала бы! Егор сглотнул слюну, вспомнив добрым словом все тех же Борисовичей — вот уж те-то охотнички удачливые, умелые, так бы и всем. Как они, ухмыляясь, заказывали, дескать, кого на ужин хотите — рябчика, глухаря, зайчика? Что и говорить, в этом отношении — молодцы. Ну, может, еще и ватажникам повезет,

что-нибудь принесут к ужину. Хм... к ужину... Молодой человек усмехнулся — не завтракали, не обедали — сразу и ужин. Что ж — трехразовое питание: понедельник, среда, пятница. В понедельник, кстати, ели какую-то жесткую, дурно пахнущую птицу, подстреленную на ближайшем болоте. Вообще же, места здесь были худые — на лесную дичь вовсе не богатые. Другое дело — рыба, так поди ее сейчас, достань — на лед-то не выбраться, тонок.

— Эх, скоро сойдет ледок, — мечтательно прикрыв глаза, протянул Федька. — Уж наедемся рыбки.

Егор скосил глаза:

— Что, Федя, проголодался?

— Угу, — кивнул отрок. — Любую рыбку так бы сейчас и съел — даже костлявого окуня.

— Ишь ты — окунь для тебя уж и не рыба?

— А что, рыба, что ль? Рыба — это стерлядь, осетр, форелька... налим тоже ничего бывает, особливо — печенка, умм! Ничо, вскрыется озеро — ушицы наварим! А еще ближе к лету и перепелов поесть можно.

Ну, гад мелкий! Далась ему эта еда. Больше что, и поговорить не о чем?

— Слышь, малой, — повернул голову Вожников. — А ты грамоту знаешь?

— Откуда?! — удивленно откликнулся отрок. — Я что — купец или монах?

— А хочешь, тебя научу?

Федька вдруг расхохотался, да так звонко, что спугнул стайку прыгавших на заборе пичуг:

— Ой, скажешь, Егоре! Все шутишь, а ведь грамоты-то и сам не ведаешь.

— Чего это не ведаю-то? — обиделся молодой человек. — С чего ты взял?

— Дак ты, не обижайся только, и говорить-то толком не говоришь — все как-то не очень понятно, потом сиди, думай — что и сказал? А тут — грамота!

Егор растерянно моргнул, даже не зная, что сказать в ответ. Так ничего и не сказал, не придумал, да и не успел — за деревьями послышались чьи-то веселые голоса, хохот.

— Наши идут! — резво вскочил на ноги Федька. — Радуются чему-то, верно, удачно сходили.

— Эй, православные! — еще не дойдя до изгороди, заорал Антип. — Банька-то как?

— Топится.

— Федька, растопляй печь. Серебра не добыли нынче, иначе дичи за-
промыслили изрядно.

— Вот то дело, дядько Антип! Вот то дело.

Пара рябчиков, глухарь, еще какие-то мелкие птицы, ох, гляди-ко —
и заяц! Есть не переесть.

— Как бы не стухло только.

— Не стухнет, с озера лед добудем — положим. Чего, Егор, варить —
рябчика?

— Можно и рябчика. Соль еще осталась.

— Еще кореньев добудем, в похлебку сунем — вкусно! — подал голос
разматывавший мокрую обмотку Окунев Линь — мужик лет тридцати
пяти, борода кудряшками, веселый.

Дружок его, Иван Карбасов, щурясь от солнышка, довольно смеялся.

Вожников кивнул на дрова:

— Мы тут тоже время зря не теряли. Как у вас-то прошло, кроме дичи?
Рассказывайте!

— Сейчас, — отмахнулся Антип. — Поснидаем — расскажем.

Пока-то да се, покуда посушились, отдохнули чуток с дороги, тут и по-
хлебка поспела — пахучая, жирная.

Вытащили котелок из печи, на пень большой во дворе поставили, Чу-
греев — как старшой — махнул рукой:

— Налетай, робята.

«Робята» не замедлили налететь и споро заработали ложками. Снача-
ла, как и принято — выхлебали бульон, а уж опосля, опять же, по команде
старшого, занялись мясом.

— Ухх, — не выдержал Федька. — И фуфло фэ кфыфыфко!

— Чего-чего? — изумился Егор. — Кто тут фуфло?

— Говорю, и вкусно же крылышко! — прожевав, пояснил отрок.

Окунев Линь улыбнулся:

— Да уж, вкусно.

— Так как прошло-то? — повернувшись к Антипу, нетерпеливо спро-
сил Вожников.

— Да так, — степенно облизав ложку, старшой сунул ее за пояс. — Ме-
стечки надежные заприметили, в одном — там орешник густой — посидели
даже, думали, может, да пройдет-проедет кто. Не! Зря надеялись — сыро-
вато еще везде, бездорожно, разве что на холмах токмо. А вот на обратном
пути, на борах, на дичину нарвались. Уж теряться не стали!

— Молодцы!

Линь Окунев отбросил к забору только что со всем смаком обглодан-
ную косточку:

— Ты, Антипе, в чем бору были — Расскажи.

— Да! — хитровато прищурился Чугреев. — Бор-то — самого воеводы, Ивана Кузьмича, боярина Вережского! Про то Онисим Морда младой, Никиты Кривоноса дружок, опосля уж поведал.

— А чего ж раньше-то не предупредил?

— Да, говорит — больно уж дичи много, а воеводе — не до того.

— Хите-о-ор Онисим!

Ватажники засмеялись, довольно и сыто порывивая. Многих потянул в сон.

— А что в городе, в посаде? — все не унимался любопытный Егор. — Есть какие новости? Борисычи где, как?

— Про Борисычей городские ничего не сказывали, — лениво поковыряв ногтем в зубах, отозвался Чугреев. — Да они ведь про них и не знают. А так новостей никаких нет... Хо! — Антип вдруг саданул себя по лбу ладонью. — Что я говорю-то? Как же — нет. Воеводу-то, говорят, едва не убили!

— Да ты что! — Вожников удивленно хмыкнул. — И кто же?

— В посаде болтают — волшбица. Явилась, мол, с дальних лесов, за сестру свою отомстить, сестра-то — тоже ведьма, ее недавно казнили.

— Так-так-та-ак! — молодой человек, не удержавшись, хлопнул в ладоши. — Вот так новость, а ты говорил — нету. И что волшбица? Схватили?

— Какое схватили — исчезла!

— Исчезла?!

— Никита Кривонос сказал, дескать, волшбица в трубу вылетела — то многие на посаде видали! Воеводе в брюхо ножик воткнула и вылетела — токмо ее и видели.

— Ну, дела-а-а.

Егор опустил голову, чтоб не выдать нечаянно вспыхнувшую радость — к чему? Душа его ликовала — сбежала! Сбежала, значит, Серафима-волшбица. Молодец! Честно говоря, в первое время после своего удачного бегства молодой человек на полном серьезе собирался освободить юную колдунью, ворвавшись в детинец, в воеводские хоромы... а да хоть к самому черту!

Понимал, конечно, что один не управится, и пытался было подбить на то ватагу, но неудачно. И оттого как-то нехорошо было на душе, подловато как-то, словно бросил в беде хорошего друга... подругу... любовницу. Хоть и длилась их связь всего-то одну ночь, а все ж...

Сбежала! Ах! Радостно-то как, радостно.

— Ты чего, Егор, главу-то повесил — воеводу жалко? — пошутил Окунев Линь.

— Нас жалко, — тут же отозвался Вожников. — Теперь пастись надо — волшбицу-то будут искать, все пути перекроют.

— Ну, путей-то и так пока нет, — резонно возразил ватажник. — Перекрывать нечего. Тем более волшбица-то по воздуху улетела. Так говорят, однако. А поди ее, по воздуху, догони.

Откинувшись на брошенный на свежую травку плащ, Чугреев бормотнул что-то о каких-то людишках, да и заснул, захрапел, а следом за ним — и все. Сморило.

Пели-пищали на заборе пичуги, долбил где-то неподалеку дятел, а высоко в небе, выглядывая добычу, хищно парил коршун. Ничего этого не слышали-не видали ватажники — спали. Даже Федька — позабыв про топившуюся баню. Он-то позабыл, а вот Окунь — нет. Проснулся, потянулся, глянул:

— Эй, Феденька! А баня-то что?

— Баня? Какая баня? Ой!

Антип с Егором пошли в баньку последними, с ними норовил и Федька. Взяли, ладно, но, вымывшись, того выперли — иди мол, с Богом, отроче, разговору серьезных людей не мешай.

— Ну? — едва только за Федькой закрылась дверь, Антип искоса посмотрел на Вожникова. — Чего парня-то выпроводил?

— Я?!

— Сказать что-то важное хочешь?

— Так о волшбице, — отдуваясь, молодой человек опустился на широкую лавку. — Правильно ж сказано — искать ее будут. Тут и мы под горячую воеводскую руку угодить можем запросто. А нам оно надо?

— Не надо, — согласился Чугреев. — Ты только это хотел сказать?

— Не только. Еще предложить кое-что. Тебе — первому, ты ж, я так понимаю, теперь за атамана у нас?

— Верно понимаешь, — важно покивал Антип. — Ну, говори, чего намыслил?

Вожников спрятал улыбку, придав лицу выражение полной, сообразной моменту, серьезности. Ну и что, что в бане? Римские патриции тоже серьезные дела в банях решали.

— Надо нам, Антипе, к какому-нибудь богатому человеку на время прибиться, — решительно промолвил Егор. — От всякой шушеры защищать и тем кормиться.

Выслушав, Чугреев разочарованно зевнул и плеснул на каменку водицы:

— Это, Егорий, и я уже думал. Не выйдет.

— Да почему же?!

— Да потому что никому мы сейчас не нужны, уж до травня-месяца — точно. Дорог-то нет, ни речных, ни прочих — кто куда ездит-то? А нет обозов — не нужны и охранники.

На самом деле ватажник сказал — «сторожники», а уж «охранники» — это Егор для себя перевел, точнее, перевелось в мозгу, словно само собой.

— А товар, что до весны-лета остался, что ж, охранять не надобно? Аль на него охотников нет?

— Э-э, — протянул Антип. — Тот товар, что в амбарах — то в городе, а тут своих сторожей хватает. Князь да воевода на что? С гостей торговых мзду жмут — и за порядком следить обязаны.

— И что, никто еще не пытался?

— И-и-и, паря! Но затея твоя интересная.

Атаман надолго задумался, прикидывая что-то, даже зашевелил губами, вроде как разговаривал сам с собой.

— Для начала надо просто взять и попробовать, — глотнув в предбаннике свежего воздуха, обернулся на пороге Егор.

— Дверь закрой — весь жар выпустишь.

— Так мы последние... А под лежачий камень, Антипе, вода не течет, — прикрыв дверь, Вожников взобрался на полок, уселся рядом с задумавшимся атаманом, ухмыльнулся, словно змей-искуситель: — До свободной воды, до путей-дорожек просохших еще месяц почти, а то и больше. А кушать-то каждый день хочется. Да и ватажники — их в деле надо держать, сам знаешь, сабля-то без битвы тупеет, портится.

— Ладно! — почесав на груди рваный белесый шрам, решил Чугреев. — Будь по-твоему — поглядим. Ватажников всех соберем, скажем.

— Для начала надо подробный список составить, — начал было Егор, но тут же прикусил язык, соображая, как бы ту же самую мысль выразить более доступными для понимания средневекового человека словами. — Говорю, надобно гостей торговых определить, к кому бы можно. Таких тут, пожалуй, немало.

— И шушеры разной тоже немало, — покачал головой Антип. — Мнози и рады бы, да нечем платить.

— Вот видишь! — подавая парку, воскликнул молодой человек. — Тебе и карты в руки, то есть — дружкам твоим посадским.

— Чего-чего?

— Местные-то ватажники пусть про торговых гостей и вспомнят.

Атаман прищурился и неожиданно тяжело вдохнул:

— Ох, Егорий, Егор — любишь же ты говорить непонятно.

— Да что уж тут непонятного-то?! Я б сказал...

— Ладно, — жестко перебил ватажник. — Завтра с утра Никита Кривонос с хлебом явится — обещал, — с ним и потолкуем.

— Вот ты, Антип, тоже сейчас сказал бог знает что, — тут же поддел Вожников. — Непонятно, с кем потолкуем — то ли с Кривоносом, то ли с хлебом.

Атаман ничего не ответил, пропустил колкость мимо ушей. Посидев в парной еще минут пять, оба окатились водой да пошли в предбанник — сохнуть. Пока мылись, подоспел и жаренный на углях глухарь, вкусный, с белым, тающим во рту мясом.

С утра, как и говорил Антип, явился Никита Кривонос с тремя ржаными караваемы в заплечном мешке. Поприветствовал всех еще издали, закричал:

— Эй, спите, что ль, хриstopродавцы?

Ишь, как обозвал-то, шутник! Это надо же — хриstopродавцы! Так только про депутатов говорить можно или про всякую алчную чиновную шваль — пильщиков бюджета.

Впрочем, никто не обиделся, а Вожников сказал:

— А, привет, привет, Купи Веник!

— А что тут про веник-то?

— Так новые веники меняем, старые — крадем! Шучу, Никита.

— Эх ты... — махнув рукой, Кривонос гулко расхохотался. — Вот, хлеба вам принес, смотрите, не лопните.

— И тебе, Купи Веник, приятного аппетита. Рябчика хошь? Холодный, правда, но вкусный.

— А не откажусь! — обрадовался детина. — Давай сюда рябчика.

— Кушай на здоровье.

— Слышь, Егорий, — быстро расправившись с остатками жаркого, кривоносый скосил глаза. — А ты кулачному бою обещал поучить, помнишь?

— Так поучил уже одного... эвон! — Вожников со смехом кивнул на показавшегося из избы Федьку с двумя синяками — уже не густо-синими, а модного желтовато-палевого цвета.

— Ой-ей-ей, Феденька! — заржал, словно лошадь, Никита. — Ой, не могу, ой, какой ты красной-то, почитай, теперь все девки твои. Приходи на посад, хватай любую — никто не откажет. А откажет, так ты мне скажи, я их вразумлю живо!

Смущенно махнув рукой, отрок ухватил бадью да побежал к колодцу.

— Во-во, — прокричал ему в спину ватажник. — И водички принеси, а то икать уже буду от смеха.

— Ладно вам ржать-то, — показался в дверях Антип.

Оглянулся с порога:

— Иван, Линь, выходьте, кой-что обговорить надоть.

Идея Егора всем присутствующим на «планерке» ватажникам, в общем, понравилась, чему Вожников, конечно же, был рад, правда, виду не показывал. Лишние эмоции никогда никому на пользу еще не шли, во вред только.

Согласно покивав, Никита Кривонос сказал свое слово за всех прочих «посадских», заверив собравшихся, что никто возражать не будет...

— А ежели такая тварюга и сыщется, то я ей...

— Ну, хватит кулаками махать, Купи Веник! Давай-ка по существу.

— Чего?

— Ближе, говорю, к телу... в смысле — к делу. Известных тебе гостей торговых перечисли, короче!

— Всех?

— Всех, кроме откровенных жмотов. Ну — жадин.

— Ой, Егорий, — охолонул парня Антип. — Вижу, нравится тебе попереk батьки в пекло лезть. Ну, так что, Никита, с гостями?

Кривоносый задумался, почесал бородицу:

— А, пожалуй, такие есть. Все на виду — и искать не надо. Всю зиму на глазах толклися, да и сейчас пути-дорожки ждут. Скоро дождутся, ага.

— Вот и я о том, — наставительно поддержал Чугреев. — Нам-то тоже скорее надо. Это сейчас на воеводских борах поохотились, потому как не до того воеводе и людишкам его. К тому ж, думаю, с серебришком-то уже заработанным куда легче на промысел подаваться, а?

Из предложенного Никитой устного списка, подумав да расспросив того же Купи Веника, выбрали пока четверых, наиболее, как показалось всем, подходящих. И не слишком богатых, и не слишком уж мелких, средних — чтоб и серебришко водилось, и товарец справный в амбарах своего часа ждал. Олексей Устюжанин — пенькой да медом с воском торговец; Дерюгин Хлопок, ярославский купец, тот по скоту, но больше по иному живому товару работал — людишками торговал, еще Истома Котлов из ближнего Галича, и Михайло Острожец, новгородский заморский гость — тот по сукну, да по медным крицам-укладам.

— Что ж, — внимательно выслушав, резюмировал атаман. — У этих — точно серебришко водится. А то — и золотишко.

— Ха-ха, золотишко! — Никита Купи Веник радостно хлопнул себя по коленкам. — Было ваше, стало наше, ага!

— Ты раньше времени-то не радуйся, — зыркнул на него Антип. — Золотишко-то еще взять надо. Или — заработать.

— А нельзя — чтоб и так, и сяк? — подал голос Федька.

Вообще-то, его никто не слушал — молодой еще, — однако вот эта идея показалась вполне здравой. А что? Одно другому не мешает. Сначала — заработать, а потом — взять.

Купцов начали прессовать по списку, начиная с Олексея Устюжанина, тот на постоялом дворе Ахмета Татарина столовался да жил. А потому Антип да Егор с Федькой туда не пошли, пошли другие. Потом встретились

у церкви с докладом — как раз Никита Кривонос и пришел. Скривился, сплонул:

— Не сговорились. Жадина та еще. Бить таких надо, бить.

К следующему — Хлопку Дерюгину, работоторговцу ярославскому, пошли во главе с Антипом — Микеша Сучок, Егор, Купи Веник с дружкой своим Онисимом Мордой, да Карбасов Иван, да Окунев Линь, да Федька — куда ж его девать, пушай привыкает. Ну и еще младых взяли — так, для солидности.

Торговец людьми из Ярославля снял на зиму роскошный по тем временам дом-пятистенник. Большой, на обширной подклети, с высоким резным крыльцом и крытой осиновой дранкой крышей, дом — целые хоромы! — располагался прямо напротив детинца, в занимавшей где-то с полгектара усадьбе местного боярина Еремея Хватова, что значительно осложняло дело. Как у всякого зажиточного человека, у Еремея воинских людишек хватало, и тут приходилось действовать осторожно, дабы невзначай не вызвать подозрение и гнев. Хотя, казалось бы — какое боярину дело до какого-то там купчишки? Ан нет, потому как кому же понравится, ежели в его усадьбе какие-то подозрительные людишки станут шуметь да беспредельничать?

— Самые спокойные к купчине пойдут, — инструктировал за углом атаман.

Никита Кривонос тут же выпятил грудь:

— Я готов, парни!

— Ты-то как раз останешься! — ожег взглядом Чугреев. — А вот Егорий... все ведь без оружия будут, ну, там, может, ножички, да кистеньки, а Егор, ежели что — и голыми руками. Окромья Егора еще надо...

— Меня возьмите, — запросился Федька. — Я тоже спокойный.

— С такими-то синячищами?! Сразу видно — тать, шпынь ненадобный. Не-ет, — подумав, Антип ткнул пальцем в грудь Линю: — Ты, Окунев. И еще — ты, Иван. И я. Ты тоже, Онисим. И все — хватит.

— А нам чего делать? — сплонув, осведомился Кривонос. — Может, пока тут, по двору пошустрить? Эвон, ворота-то настезь... никого не боятся!

— Ну, пошустрите, — махнул рукой вожак. — Только, смотрите, тихо.

— А как же! — Купи Веник просиял лицом и, дождавшись, когда «официальная делегация» важно прошествует во двор, махнул рукой оставшимся: — Ну, теперь мы, робята!

Торговец людьми Хлопок Дерюгин, уважаемый всеми купец, принял делегацию холодно, и, даже не выслушав до конца, указал на дверь. При этом желтое, вытянутое, как у лошади, лицо торгового гостя скривилось, а голос сделался ломким, словно у молодого петушка:

— Пошли, пошли, это... есть меня уже кому охранять. Сейчас их и кликну — проводят. Сча-ас... Сча-ас... Эй, кто там?! Прокл!

В дверь тут же заглянул здоровенный оглоед метра под два ростом с повадками закоренелого уголовника и каким-то квадратным лицом, лишенным всякого намека на толерантность:

— Кого, осподине, имать? Етого?

Он резко схватил за плечо оказавшегося ближе всех к порогу Егора.

— Не надо имать, Прокл, — устюжанин лениво махнул рукой. — Просто выкинь.

— Это мы, это мы можем, да...

Бумм!!!

Никто в горнице ничего поначалу не понял — а только оглоед тихо съехал по стеночке вниз, расползся безвольной кучей. А Вожников, усмехнувшись, подул себе на кулак:

— Неплохой свинг. Чистая победа — нокаутом.

— Что ты, гостюшко, смотришь? — подойдя к купцу, ласково осведомился Чугреев. — Видал, какие у нас люди? Что там твои орясины — тебя самого не могут уберечь.

— Вида-а-ал, — жалобно заблеял работорговец. — Не бе-е-ейте, а?

— Не будем, — Антип довольно хмыкнул и погрозил купчине пальцем. — Пока не будем. А ты, мил человек, подумай, ага?

— Подумаю, — с готовностью закивал Дерюгин. — Чрез два дня ответ дам.

— Чего так долго-то?

— Так ведь у меня и своих стражей полно. Кого-то выгонять надоть.

Подумав, атаман махнул рукой:

— Добро. Пушай так и будет — через два дня и встретимся. Прощай, Хлопок Дерюжич. Да нас не провожай, не надо... И к боярину не беги.

— Не, не, что вы!

Оставив испуганного работорговца размышлять, ватажники прошли через многолюдный двор и, никем не задержанные, покинули усадьбу. Далеко, правда, не пошли, сразу за воротами встали — поджидать своих, тех, что шуровали сейчас по обширному двору боярина Еремея.

— Край непуганых идиотов! — удивленно промолвил Егор. — Мы — пришли-ушли, парни где-то шарятся — и всем хоть бы что! Я, понимаю, конечно, что на дворе народу много... но ведь чужих-то всегда можно узнать. И никто не остановил, не спросил — к кому, да зачем?

— А зачем? — подняв глаза, Чугреев посмотрел на клонившееся к закату солнце и, по старой своей привычке, сплюнул. — Кого боярину Хватову бояться? С князем дружон, с воеводой — вообще приятели закадычные, об чем все знают. Что не так — со свету сживут!

— Но ведь купец-то...

— А что купец? — Антип презрительно хмыкнул и поежился. — Чтой-то холодать стало.

— Так вечер же, — напомнил Егор и, чуть помолчав, пристал к атаману снова: — И что купец-то?

— Купец — не князь, не боярин, даже не из детей боярских, да и человек не служилый — кому он, кроме себя самого, нужен-то? — скривясь, пояснил Чугреев. — Домишко на зиму снял, плату внес — и пес с ним. А остальное — его самого заботы.

— Поня-атно.

Что ж, определенная логика в словах атамана была. Действительно, в средние века куда важнее была принадлежность к высшим сословиям, нежели деньги. Честь, а не мощна! Хотя и серебришко свою подлую роль играло.

Подняв глаза, молодой человек посмотрел в темно-голубое вечернее небо, тронутое широкими, как у Ван Гога, мазками серовато-палевых перистых облаков, подсвеченных снизу закатным золотисто-оранжевым солнцем. Припозднились нынче, уже до усадьбы Сучка и не дойти, в городе придется заночевать, верней — в посаде.

— К своим не пойдем, — словно подслушав мысли Егора, негромко промолвил Чугреев. — Соседи приметят, слухи пойдут — мол, чужие людишки к энтому-то приходили, ночевали — зачем? Не надобно нам подозрений лишних.

— А куды ж тогда денемся? — поднял глаза Линь.

— На постоялый двор захудалый пойдем, — ответил вместо атамана Сучок. — Хоть бы и в корчму Одноглазого Нила. Веселое место, охх!

— Да, — Антип согласно кивнул, к чему-то напряженно прислушиваясь. — Давненько не веселились. Что там на усадьбе такое? Что за шум?

И в самом деле, со двора боярина Хватова явственно донеслись чьи-то возбужденные голоса, крики и брань, а вот еще и свист, разухабистый, громкий...

— Никитка Кривонос разухарился, — сразу определил молодой Онисим Морда. — Его посвист. Чегой-то у них там деется!

— Да, не сложилось, похоже, — Вожников согласно кивнул и взглянул на старшего. — Придется выручать, а?

— Ага! — Антип кивнул на захлопнувшиеся с грохотом ворота и выругался. — Опоздали!

— Да-а, — протянул Карбасов. — Стены-то высоки, не влезешь.

— Говорили им — по-тихому...

— Что-то придумать надо. Не бросать же в беде.

— Да не бросим.

Левая створка ворот вдруг резко распахнулась, и чье-то выброшенное оттуда тело, описав пологую дугу, упало прямо в грязную лужу.

— Ого! — изумился Егор. — Прямо как «Золотой теленок».

— Какой еще теленок?

— Ну, Паниковского выбросили. Сына лейтенанта Шмидта.

Упавшее в лужу тело вдруг завозилось, заругалось тонким подростковым голосом, встало...

— Федька! — разом ахнули все. — Ты как здесь?

— Да так вот... выкинули.

Грязный, как джип «Кэмел-трофи», отрок, пошатываясь, подошел к своим и пожаловался:

— Сначала в уборную ладили с головой окунуть... Да старшой их сказал, что некогда.

— А наши-то где все?

Подросток поник головой:

— А наших имали.

— Ага, ага, — недоверчиво прищурился атаман. — Всех имали, а тебя, значит — на все четыре стороны.

— Да не на все четыре, — Федька обиженно шмыгнул носом. — К вам.

— К на-ам?

— Сказали — пуцай за своих людишек выкуп заплатят, иначе всех воеводе с головой выдадут.

— Выкуп? — ватажники озадаченно переглянулись. — Во, волки-то.

— Сказали, до завтра подождут, до ночи, а уж поутру — отвезут иматых воеводе.

— Да кто сказал-то?!

— Боярина Еремея Хватова люди. Их там полный двор — все оружные.

— А вы-то... эх, теляти! Ватажники, называется. Как хоть попались?

— Да в клеть дальнюю пошли, глянуть — а там люди, живой товарец, вот и...

— Так! — Чугреев резко оборвал разговор. — О том после расскажешь, сейчас о другом думать надо. Сколь там наших?

— Никита Кривонос, Осип и еще трое... Всего — пять, — деловито перечислил Микеша Сучок.

— Хорошо хоть всех с собой не взяли! Тьфу! И что хотят?

— По десять денег за каждого.

— Хо! Полрубля!

Окунев Линь желчно скривился:

— В ваших местах людишки-то так и стоят: ушкуйники рядом, Хлынов, Орда та же. В иных землях и больше бы запросили.

— Ладно, — Антип решительно махнул рукой. — Что тут теперь стоять-то? Усадьбу мы приступом не возьмем. Идем в корчму к Одноглазому Нилу — думать будем, как своих из беды выручать.

Туда и пошли, в корчму, в дальний посад, зачавкали грязью. Егор на ходу думал — а как же опять так вышло, что у него никаких видений не было? Кончилось колдовство старухи Левонтихи? Или все дело в том, что лично-то Вожникова никакое несчастье еще не коснулось — жив, здоров и даже немножко весел: хар-рашо оглоедину Прокла приложил!

Вот только парни...

Да выручим! Придумаем что-нибудь.

Резко похолодало. Сумерки накрыли посад плотным фиолетовым туманом. Пошел мокрый снег.

— Вот те и весна.

Кто-то заорал впереди, за голыми кустами вербы. Ватажники переглянулись:

— Грабят кого-то? Бьют?

А крики между тем продолжались:

— Й-й-и-и-и-и!!!

— Во, вопит-то! Глянем?

— Й-й-и-и-и-и-и... Й-и-ехал на ярманку Ванька, хо-хо! Эх-ма!

— Тьфу ты, — расслабленно сплюнул Антип. — Питух, пианица. Корчма-то рядом.

— Так, может его того, потрясти? — деловито предложил Онисим Морда.

— Давай, — кивнул атаман. — Егор, Федька — с ним пойдите. Да! Сразу не бейте, расспросите сперва — кто да куда? Мало ли, что интересное узнаем.

Три тени отделились от остальных, побежали...

Черт! Егор провалился на бегу в какую-то лужу, ухнул левой ногой в грязь, застрял, да пока выбирался, напарнички его уже дело сделали... точнее сказать, приступили непосредственно к делу.

— Ты, Федька, слева зайди, отвлеки... А язм — кистеньком.

— Не, Онисим, старшой сказал — сперва поговорить.

— Ну, поговори, — отходя в сторону, хмыкнул ватажник. — А мы уж потом. Эй, эй, где ты, Егорий?

— Тут я, — шепнул, только что подбежав, Вожников. — В грязь провалился, блин.

— Какой блин? Чей?

— Тсс! Слушай.

А Федька уж подбежал к «питуху»:

— Здорово, дядько! В корчму?

— Т-туда! — кивнул пьяница. — Й-эх! Выпьем, споем. Эх, Якунко, а язм тебе искал, искал... ты где запропастился-то? И это... Страшок где?

— Дай-ко, я тебе помогу... — Федыка осторожно взял алкоголика под руку, чтоб не упал, и тут же спросил: — А ты кто есть-то?

— Э-э, Якунко! — пьяно обняв отрока, «питух» чмокнул его в щеку. — Ты что, и-ик... совсем пьяный? Ты зачем так напился, Якун? Э-э-э! Поди, и крест пропил? Не? Друзей не узнаешь... Это ж я — Захар! Захар Ипатов, хо! Кто Захара Ипатова не знает? Все знают, да-а-а! Тсс!!! Счас к девам непотребным пойдем, в корвин дом, ага! Ой, там таки-и-е девы... таки-и-ие... титьки — во! Как у стельной коровы! Эх, корвищи...

Онисим Морда нетерпеливо схватил Егора за руку:

— Че ждем-то? Я его сейчас — кистеньком.

— Подожди, — резко возразил Вожников. — Может, у него и денег-то нет... А тема интересная!

— Дак ить... кистеньком да...

— Тихо ты! Кистеньком. Жди, я сейчас...

Забежав вперед, Егор вышел из-за кустов — будто случайно попался навстречу:

— О! Здорово, Захар!

— Х-хо...

Судя по голосу, «питух» был еще довольно молодым человеком, лица его и одежды не разобрать — темновато, — но все же, по разговору и манере держаться, Вожников тут же определил, что перед ним явно не смерд. Улыбнулся, подхватил пьяницу под правую руку — левую уже держал Федыка.

— Ты в корчму, Захарко?

— Угу...

— А серебришка у тебя много ль?

— Да пуста калита!

— Хо? — изумился Егор. — А пить ты на что собрался?

— Так я и не пить... Не-е, пить тоже, но... К девкам иду, к корвам нильским.

— Хорошо, не к крокодилам, они тоже в Ниле водятся, — наскоро пошутил Вожников и засмеялся.

А Федыка — вот ведь молодец парень — спросил:

— Что, Одноглазый Нил уже и корв держит?

— Так держит, — ухмыльнулся Захар. — Вы что, не знали, что ли? Язм вчерась был, и за нас троих проплатил, за себя, за тебя, Якуне, за тебя, Страшок... ой! Да ты не Страшок... А кто, извиняй, не упомню... А пошли-ка со мной! Такие девки, такие титьки... у-у-у! Пошли, а? Вижу, парень ты добрый... А зовут...

- Да пусть буду — Страшок.
- А и будь. Так пойдем к корвам?
- Пойдем! Только обожди малость, ага... Федька, ты его не отпускай.
- Понял.

— И следи, чтоб не упал в яму. Ноги еще переломает... Онисим!

Из темноты выступила тень:

- Что — пора уж и кистеньком приложиться?
- Без тебя приложились бы. Как зеницу ока «питуха» этого береги!

Онисим разочарованно хмыкнул:

— Да знаю я его — Ипатов Захарка, Лапотникова Ивана, купца, племяш. Тот еще проходимец да пьянь. А серебришка у него может и не быть — поди, пропил.

— Тут не в серебришке дело... Погодь, я ватажникам доложу.

Зачавкав грязью, Егор подался к своим, ожидавшимся у оврага.

Внимательно выслушав Вожникова, атаман закусил губу и задумался. Думал недолго, хмыкнул:

— Корвы, говоришь? Бл...жьи жонки? Ране не слыхал, чтоб они у Одноглазого были, верно, недавно завел.

— А, может, просто местечко под корвин дом дал или продал, — негромко промолвил Линь Окунев.

— Может и так, проверить надобно. — Антип неожиданно вздохнул: — Серебришко придется с корв взять, хоть то и невместно.

— Лучше уж с сутенера, — предложил Егор. — С девчонок возьмешь немного.

— Ась?

— Говорю — с того, кто корвиц пасет, и взять.

— Ага... — Чугреев снова задумался. — Только с Нилом-то ссориться не можно. А другого выхода нет! Л-а-адно, будь уж, что будет... может, и не Нил там за старшего еще. Значит... Егор, ты... потом ты, Линь, и...

— Федька?

— Федька молодой еще, а тебя, Сучок, и Онисима Морду все знают. Да и меня вспомнить могут.

— Так нас вдвоем и хватит, там же еще этот... Захар — а он, окромя себя, еще за двоих только платил, — напомнил Вожников. — Хватит и нас с Лином, а вы уж подстрахуете.

— Что?

— Где-нибудь рядом будьте.

Мокрый снег перешел в дождь, холодный и нудный, и откуда же взялась непогодь, вроде бы на закате никаких подозрительных туч не наблюдалось. Наверное, ветер принес — долго ли?

К большому удивлению Вожникова, «корвин дом» оказался для этой эпохи весьма технологичным и даже мобильным, располагаясь в пяти небольших половецких вежах-кибитках — все как положено, на телегах, вот только волю были пока, за ненадобностью, выпряжены и заведены в стойло на обширном дворе у корчмы Одноглазого Нила, который, как видно, сдал под непотребное заведение вовсе не помещения, землицу. К кибиткам с заднего двора корчмы вела неприметная тропинка, глинистая и скользкая, но тщательно посыпанная золой.

Все для удобства клиентов! Проходя следом за несущим факел слугой, молодой человек хмыкнул и очень даже вовремя поддержал под руку пьяного — впрочем, уже несколько протрезвевшего — Захара:

— Эй, эй, не падай!

— Не упаду, — засмеялся «питух». — А упаду — так токмо в вежу.

Молчаливый слуга — судя по облику, татарин или, скорее, из половцев — первым делом провел припозднившихся гостей в крайнюю, поставленную ближе к корчме, кибитку и негромко позвал:

— Акинфий!

В кибитке дернулся полог, явив в ночь узкую полоску неровного желтовато-зеленого цвета — светильник на кизяке или земляном масле. Кто-то высунулся:

— Ну?

Факел качнулся:

— Гостей привел, принимай.

— Кто такие?

— Здоров, Акиша, — со смехом выкрикнул Захар. — Что, меня, что ль, не признал?

— А-а-а, ты... Пришел, значит.

— Пришел. И дружков с собою привел — за троих ведь уплачено.

В дерганом, каком-то нервном, несмотря на всеобщее спокойствие, свете видно было, как на плоском узкоглазом лице Акинфия заиграла улыбка:

— Уплачено, то так.

Крещеный татарин. Или болгарин — скорее всего. Впрочем, татары — болгары — это все относительно, тут точно и не скажешь, кто есть кто.

— Выбирайте, други мои, любую вежу, какая больше глянется. Веселитесь хоть до утра — вряд ли кто еще будет.

Повинуясь взгляду хозяина, слуга поднял факел повыше и, показывая свободной рукой на кибитки, пояснил:

— В той белой веже — белокожая красавица Настена, рядом, в желтой — несравненная Алия, в голубой — пышногрудая Олена, а в последней, рыжей — огненноволосая Лария.

— Чур, я к Олене, други! — заволновался Захар. — Вчерась еще уговаривался.

— Так иди ж!

— Эх, хорошие вы парни! Благодарствую, что довели, без вас бы и не добрался, верно... Ну, веселитесь теперь!

— Ничо, и мы тебя как-нибудь угостим. Смотри, не засни, Захарий! — напутствовал Окунев Линь, Вожников же ткнул его в бок:

— Какую выбираешь?

— Алию, желтую. Настену как-то обижать несподручно: вроде по имени — наша.

— Обижать и не будем, — шепнул Егор. — Узкоглазого прищучим... А пока — к девкам, пусть думает, что все, как надо, идет.

— Да помню я, помню.

— Не забудь и у корвищи вызнать насчет серебра.

Обтянутая рыжеватой кожей кибитка, куда с помощью слуги забрался Егор, внутри выглядела куда презентабельнее, нежели снаружи. На полу — мягкая кошма с небольшими войлочными подушками, бархатная, с золотистым узором, перегородка-занавеска, отбрасывающий неяркие зеленоватые отблески светильник в виде золотой — или, скорее, все же медной, просто тщательно начищенной до золотого блеска — чаши. Распространяя блаженное тепло, мягко мерцала углями жаровня.

— Ну и где ж ты ты, огненноволосая Лария?

Устало опустившись на подушки, Егор прикрыл глаза, почувствовав какое-то движение. Стройная женская фигура в длинном полупрозрачном покрывале скользнула к гостю:

— Позволь, я разую тебя.

— Разуи...

Вожников открыл глаза...

Оба ахнули разом:

— Ты?!

— Серафима!

Глава 9

ГОРАЗД КОЛЬША СПАТЬ

— У меня же нет крыльев! Как я могу улететь, да еще через трубу? Врут все, я просто сбегала и укрылась пока вот здесь, ибо сейчас, сам знаешь, путей-дорожек нету. А как появятся — родные леса скроют меня ото всех.

Серафима улыбнулась, и в улыбокe ее вспыхнуло на миг что-то дьявольское, колдовское... так она ведь и была колдунья, юная волшбица непроходимых лесов.

— Раньше у тебя были темные волосы, — Егор погладил девушку по плечу. — А теперь — ты рыжая.

— Ах, это... Это хна. Никто не будет искать рыжую.

С лукавым прищуром волшбица тряхнула головой, и рыжие волосы ее разметались, разлились по плечам неудержимым, сверкающим красным золотом водопадом. Так же бурно, как текут весенние, только что вскрывшиеся ото льда реки.

Приподнявшись, молодой человек поцеловал девушку в губы и тихо шепнул:

— Я рад, что ты...

— Я рада тоже. Нет, в самом деле — рада. Думала — тогда тебя...

— Да ладно, выжил, — тихо засмеялся Егор. — Забудь. Скажи лучше — ты как? Здесь случайно или... знала кого?

— Что тебе до того? — движением плеча колдунья сбросила с себя покрывало, оставшись в одних легких татарских штанах — шальварах.

— Ты — фея! — поцеловав девчонку в пупок, прошептал Вожников. — Фея моих далеких снов. Иди же сюда, иди...

— Я здесь, эй! Никуда идти не надо.

Егор и в самом деле был рад встретить волшбицу — обычную, на его взгляд, девчонку, только очень несчастную и, несомненно, ведающую что-то такое, что остальным, обычным людям, не надо и пытаться узнать.

Упругая грудь, небольшая... Вожников несильно сжал ее, погладил, потом — сразу — поцеловал, потеревил языком соски, ощущая во рту пряный вкус готового к любви женского тела. Прямо людоед какой-то!

— Ты что улыбаешься?

— Так бы тебя и съел! Амм...

Они предались любви нежно и страстно; зеленоватый, какой-то неземной, отблеск светильника делал эту ночь поистине колдовской. Распространяя тепло, в жаровне загадочно мерцали угли, пахло чем-то таким... сладковатым, смутно знакомым, чего Егор давно уже не ощущал.

Не обратил внимания и сейчас, не до того было, еще бы! Он уже тонул, просто тонул в темных бездонных очах юной красавицы колдуньи, поистине колдовских, волшебных очах, сулящих иному счастье, а иному — полное забвение.

Скрипела кибитка. Стучал по старому шатру мелкий дождь. Жаркие девичьи губы нежно шептали слова страсти...

И запах... сладкий запах туманных грез.

— Это что — конопля, что ли? В жаровне твоей...

— Да. Я бросила чуть-чуть.

— Ну, ты наркоманка, милая! — Вожников строго погрозил девушке пальцем. — Смотри, не вздумай больше! А то привыкнешь и... С этого ведь все и начинается: сначала травка, потом «колеса», потом кокс, героин... Лучше мухоморы свои жуй, или что вы там жуετε.

Серафима мягко обняла Егора за плечи:

— Ты про какие колеса говоришь? Да, скрипят они все... так тоскливо, жалостливо. Но скрипят, только когда едут... а ехать мне не так уж и далеко. Ну? — волшбица приподнялась и неожиданно хмыкнула, окинув любовника насмешливым взглядом: — Спрашивай! Ведаю — не просто так ты пришел. Спросить что-то хочешь, что-то сделать?

— Откуда проведала?

— Я же ведьма! Говори же скорей, зачем пришел?

— За деньгами, — честно отозвался Вожников. — На дело нужное — товарищей из плена выкупить. Немного и надо — всего-то полтину.

— Полтину, эх! — Серафима в изумлении всплеснула руками. — Это ты говоришь — всего-то?! Ну, кому как. Я так полагаю, ты не один явился?

— Нет.

— Акинфия хотите почистить, так?

Егор повел плечом:

— Ну, а кого же еще-то? Он ведь у вас тут за главного.

— Ошибаешься, — колдунья сверкнула глазами. — Вовсе не он. Нет, конечно, Акинфий свое имеет... и с нами делится — он в самом деле неплохой человек. Но большая часть на мзду уходит.

— Понятно, — спокойно кивнул Вожников. — Взятки, распилы, откат — ничего нового. И кто у нас ту мзду имеет?

— Еремей Хватов, боярин тутошний.

— Кто-о?!

— Ты что, плохо слышишь? Вот уж не замечала... — Волшбица вдруг прищурилась и с ехидной улыбкой спросила, словно бы невзначай: — Так Еремей-то друзей твоих и имал? Ему и выкуп?

Егор только головой покачал:

— Умна ты, дева, не по годам.

— Ну, ты мои года не мерил... — зыркнула темным оком колдунья. — Может, мне сто лет или все двести.

— Бабушка-старушка, однако. Скажи еще — почетная льготница и ветеран труда.

Серафима неожиданно засмеялась:

— Ты что так бабушек-то обозвал? Какими-то срамными словами.

— Да я не их, — смутился молодой человек. — Я правительство наше, российское. Вот ведь, нет чтоб пенсии старикам увеличить раза в три —

средства, уверен, есть, — так они целый штат чинуш расплодили, бабки на льготы распределять. Ну, а как же — дурака свата, брата, племянника-то на хлебное место пристроить надо. А сократи всех — денег как раз на повышение пенсий хватит... Ой! — оратор, наконец, опомнился. — Ты что так внимательно слушаешь-то? Знаешь, даже страшно!

— Страшно? — волшбица совсем по-детски потерлась лбом о плечо Егора. — А я вот тебя совсем не боюсь. Знаю — ничего ты мне плохого не сделаешь.

— Знаешь, потому что — ведунья? — тихо промолвил молодой человек.

— Потому что вижу тебя насквозь! — весело рассмеялась колдунья. — Ты, хоть и чужой, не наш, и вообще, непонятно откуда явился, однако — человек хороший, совестливый.

Вожников аж закашлялся:

— Ай-яй-яй, совестливый — да что ты говоришь!

— Совестливый, — тихо повторила Серафима. — И потому будешь делать то, что я скажу. А скажу я вот что: Акинфея не трожьте, возьмите другого — за серебришком завтра к полудню ближе верный человечек от боярина Еремея придет. Придет без опаски, с двумя-тремя воями — кругом-то все вроде бы как свои.

— Так-та-ак, — задумался молодой человек.

— Что «так-так»?! — с чувством передразнила Серафима. — Я сказала, ты — слышал. Вот так. Теперь обними меня, до завтра еще долго.

— Долго... — Егор едва оторвался от жарких губ волшбицы. — Но мне бы надо товарищей предупредить. Ну, ватажников — чтоб не натворили чего, чтоб ждали. Он, посланник-то, по какой дорожке пойдет?

— Я покажу... позже... Ах-х...

Ватажники подстерегли боярских людей у овражка, за кустами голой, с распухшими почками, ивы. Особо не прятались — людей тут много ходило, хоть и окраина, а все же еще — посад.

Как и предупреждала Серафима, посланец явился пешком — у лошади бы по этакой грязищи копыта скользили, так что пешком сподручнее, — в сопровождении двух вооруженных саблями воинов в коротких кольчугах. За спиной одного из них глазастый Федька углядел самострел.

Этого — самого опасного — и взял на себя Вожников, с остальными же должны были управиться прочие ватажники.

По совету Егора, решили ни посланца, ни охрану его не убивать, просто поддержать до полночи в овраге, а затем отпустить, предварительно распространив слух о крупном проигрыше — мол, боярина Хватова люди игравали вечер напролет в кости с какими-то купцами, на большой куш игравали — да и проигрались все подчистую. Дальше, ежели не дураки,

посланцы должны были скрыться, бежать куда глаза глядят и как можно быстрее — боярин был на расправу крут и в гневе себя не сдерживал — сначала голову срубит, а уж потом думать будет: за что? Кстати, необузданным нравом своим Еремей Хватов отнюдь не выделялся, в те времена полно таких отмороженных было.

Все сделали четко, как и планировали — тем более и денек выпал погожий, к обеду тучи развеялись и в голубом небе ласково заблестало солнце.

Едва посланцы поравнялись с ватажниками, идущий якобы по какому-то важному делу Егор обернулся:

— У тя самострел-то упал, дядя!

— Как упал?

Бумм!!!

Прямым в челюсть — и все дела. Верно сказано, разряд по боксу — что пистолет в рукаве, особенно, когда жертва ничего такого не подозревает.

Ватажники тоже не сплеховали — просто оглушили обоих оставшихся — посланца и воина — да, связав, сунули в рот по кляпу. То же самое проделали и с тем «самострельщиком», которого столь быстро и красиво уложил Вожников. Всего-то секунды... И всех — в овраг, под ивы. А дальше двух ватажников в сторожу выставили — чтоб кто-то невзначай в овраг не пошел, нужду справить, или там девку непотребную затащить. А что? Солнышко-то пригрело — можно!

С деньгами на выкуп к боярину отправились самые неприметные, не местные — два дружка-приятеля: с Иваном Карбасовым Окунев Линь, да с ним Егор в качестве ударной силы — на всякий случай. Никакого оружия с собой не брали — об этом хватовские «робяты» еще Федьку, перед тем как со двора выкинуть, предупреждали.

Войдя в распахнутые ворота, все трое свернули к привратнику:

— Тут это... парни наши вчераш пошутковали малость. Так мы выкуп принесли.

— Тсс!!! — неожиданно всполошился привратник — невысокий мужичок в армячишке неприметного серовато-бурого цвета и, несмотря на апрель, в зимнем заячьем треухе. — Чего так орете, орясины? Тишком да ладком все надоть. Пойдите-ка малость...

Он убежал куда-то за амбарец... нет, вот снова выбежал, шустро зашагал к колодцу, у которого, подозвав, шепнул что-то на ухо здоровенному парню. Тот тоже заоглядывался, кому то свистнул, кому-то махнул рукой, после чего, удовлетворенно кивнув, зашагал следом за привратником.

— Ну, вот они, Корбятушко. Явились за вчерашними. Деньгу, грят, принесли.

Детина — этакий Мальчиш-Плохиш: толстогубый, щекастый, с землистым лицом и подловатым взглядом — внимательно осмотрел ватажников, затем зачем-то оглянулся и тихо позвал:

— За мной идите. Не сразу... чуть поотстаньте, ясенько?

— Ясенько, — в тон ему отозвался Егор.

Вожникову уже действительно стало абсолютно ясно, кто такой этот парняга, и кто именно «имал» Никиту Кривоноса и прочих. Какой там, к чертям собачьим, боярин Хватов! Люди боярские, да, но только вовсе не по боярскому приказу, а собственной корысти ради. И старый прощельга-привратник — с ними заодно. Как в автосервисах частенько бывает, когда ушлые сволочуги-работники разводят клиентов вовсе без ведома хозяина: у-у-уу-!!! а-а-а-а!!! Да как вы, девушка, вообще ездили-то? Да вам тут все срочно надо менять! Ну, ладно уж, так и быть — поменяем. Первым делом — прокладку между сиденьем и рулем.

Вот и тут так же примерно. Такой же развод.

Вслед за Корбятой — как понял Вожников, именно так звали разводчика «плохиша» — ватажники, чуть подождав, вошли в какой-то дальний амбарец... нет, в овин — сруб с печкой, где, в специально сделанной деревянной клетке (!) увидели своих — Никиту Кривоноса и прочих.

— Серебришко давайте, — Корбятя протянул мешок, и Окунев Линь послушно высыпал туда деньги... взятые, по сути-то, все у того же боярина Еремея.

— Ну, инда все, — тщательно пересчитав монеты, оглоедина махнул рукой маячившим неподалеку парнягам с рогатинами. — Выпускайте. А вы, — он повернулся к Егору, — идите себе потихонечку, не бежите, да в следующий раз, хе-хе, на чужом дворе с татьбою не попадайтесь. Это мы добрые, а боярин-то-батюшка мог ведь и головенки с плеч.

— Дак ить все по добру поначалу было, — оправдывался, выйдя за ворота, Купи Веник. — Пошустрили там, в дальнем амбарце с девками поговорили... а тут и эти. Мы и не сделали-то ничего, просто зашли поглядеть, думали, скажем — постой ищем. А эти-то и не спрашивали про постой — сразу в копыя! Эх-ма, надо было оружие серьезное взять — а то что с кистеньками да ножичками супротив рогатин, сабель да самострелов.

— Ну-ну, — пробурчал атаман. — Это откель же у хватовских холопов столько оружия?

— Дак они ж не простые холопы — воинские, — пояснил вдруг Онисим Морда. — Многожды вместе с боярином своим под стягом московским в походы хаживали. С литовцами бились, а бывало, бивали и новгородцев, ушкуйников... если не врут.

— Врут про ушкуйников-то, — усмехнулся Чугреев. — Ордынцы да москвиты от новгородских удалых людей горячими слезами плачут, бо-родами грешными утираются. Ладно, хватит болтать, пошли дела делать.

Ватажники опять разделились, одни — во главе с Антипом, отправились к галицкому купцу ИстOME Котлову, другие же навестили Михайлу Острожца, новгородского торгового гостя, по слухам, человека богатого, но чрезвычайно осторожного и хитрого.

— Вот мы хитрость-то его и проверим, — сквозь зубы шептал Вожников, именно ему атаман доверил эту часть операции. — Сначала — предложим, он, конечно, откажется, а потом... потом думать будем.

Новгородец Михайло Острожец внешностью своей никак не походил на купца, а, наоборот, был самого что ни на есть мужицкого вида: кряжистый, большерукий, с грубым, словно вырубленным топором неумелого плотника, лицом и чуть кривоватыми ногами. Нос картошкой, слегка оттопыренные уши, светлые, чуть навывкате глаза. Если б бороду да волосы с головы сбрить — совсем бы на Никиту Сергеевича Хрущева был похож! Наверное, такой же самодур...

Подумав так, Егор не смог сдержать улыбку, так вот, с улыбкой, и поздоровался:

— Наше вам, господине торговый гость.

— И ты здоров будь. — Михайло поморгал и кивнул на лавку: — Садись, добрый молодец, кваску-то испей, а потом уж и говори, зачем пожаловал.

Он сказал по-новгородски — «зацем», а не «зачем» — однако Вожников давно уже приноровился не обращать на такие мелочи внимания.

Купец принял ватажников — точнее, одного Егора, остальные остались в просторной гостевой избе одного из местных бояр... быть может, и все того же Еремея Хватова, Вожников покуда не уточнял, да и какая разница, где гость торговый живет? Взял бы на службишку, платил бы.

— Пей, пей, — Острожец самолично разлил по большим деревянным кружкам квас из объемистого кувшина. Отпив первым, крикнул: — Хорош!

Егор тоже выкушал с удовольствием:

— Да, квасок добрый.

И сразу взял быка за рога — а чего тянуть-то?

— Места здесь, господине торговый гость, беспокойные, сам про то ведаешь. А?

— То так, — махнул бородой купец.

— И товар твой, поди, пригляду требует, и возы, да скоро уже и реки вскроются, пути-дорожки подсохнут. Тогда ведь и в путь... А там уж тоже надежная сторожа требуется.

Поставив кружку на стол, новгородец тихонько посмеялся, однако глаза его оставались серьезными, умными:

— Ты что же, мил человек, полагаешь, у меня надежной сторожи нет?

— Именно так и полагаю, — ничуть не смутился молодой человек. — Всего-то у тебя людей воинских полторы дюжины, может, две. Для серьезных-то дел маловато будет.

Михайло хмыкнул:

— А я и не собираюсь какой-нибудь там Жукотин на копье брать! И своего навару хватает.

— Так охранять ведь нужно навар, людишек-то много есть до чужого добра жадноватых.

— То так, то так... — купец пристукнул ладонью по столу. — Однако чужих людей — вас — мне точно не надобно. Как-нибудь и своими обойдусь.

— Это твое крайнее слово? — картинно нахмурился, поинтересовался Егор.

— Крайнее. *Dixi et animam levavi!*

— Что-что? — Вожников удивленно вскинул брови.

— Поговорка латынская, — пояснил купец. — Я сказал — и душу облегчил.

Молодой человек неожиданно улыбнулся:

— Латынь знаете? Вот уж не ожидал.

— А ты, мил человек, какой иной речью владеешь? — осторожно полюбопытствовал торговый гость.

— Английский в школе учил, да еще немного французский знаю, — машинально отозвался Вожников.

Потом спохватился, встал:

— Значит, не договорились?

— Нет.

— Ну, тогда оревуар, господине Острожец, а лучше сказать — до скорой встречи!

— Век бы тебя не видеть, — выпроводив незваного гостя, буркнул себе под нос купчина.

Постоял, посмотрел, как слуги закрывают ворота, да, поманив одного из них, приказал тотчас позвать приказчика Андрона, а уж ему — молодому, ликом неприметному парню со светлой, как выбеленный на жарком солнце лен, бородкой — строго наказал узнать все про ватажку Антипа Чугреева.

— Насколько я понял — именно он у них атаман. И об этом выюноше прытком — Егорие — тоже узнай. Явился, ишь ты — наглый, как татарский сват!

Пока торговец Михайло Острожец инструктировал своего приказчика, «прыткий выюнош» Егор со своими людьми, срезав путь оврагами, напра-

вился к дальней корчме Одноглазого Нила — именно там была назначена встреча с атаманом и всеми прочими. Заодно Вожникову очень хотелось просто посидеть за столом с народом, попить свежесваренного пивка да послушать последние сплетни — говорят что-нибудь о нападении на людешек боярина Хватова или все путем, молчком? Очень интересно б про то узнать было.

До корчмы, впрочем, ватажники не дошли — повстречали своих, обрадовались, хоть идущий впереди Антип казался довольно угрюмым.

— Ну, как у вас? — первым спросил Егор.

— Да никак, — отозвался за атамана Никита Купи Веник. — Этот Истома Котлов, чертов жадюга... Да я б его голыми руками порвал!

— Вообще говорить отказался, — грустно подтвердил Окунев Линь. — Даже на порог не пустил.

— Засада! — Вожников покачал головой. — У нас тож ничего.

Чугреев зыркнул вокруг и сплюнул:

— Прав ты был, Егорий — поначалу надо б припугнуть, а уж потом разговоры разговаривать.

— Припугнуть и сейчас не поздно, — хмыкнув, Вожников неожиданно подмигнул ватажникам. — Ну, чего загрузили? Припугнем... Только сначала, думаю, посмотреть надо — кого ловчей пугануть. На всех-то сразу у нас силенок не хватит.

— Ты верно сказал, — кивнул атаман. — Пока на денек-другой затаимся — посмотрим, поглядим.

— Надо разделиться, людей за каждым купцом приставить, — заметил Егор.

— Сделаем.

— А что в корчме? — вдруг вспомнил Вожников. — Ничего такого не говорят?

Антип ухмыльнулся:

— Это ты про серебришко-то? Да глухо пока! Как мы и мыслили. Хватовские-то робятки не дураки, сбегли. Ищи их теперь.

— Будут искать, — вставил свое слово Окунев Линь. — Боюсь, как бы на нас не вышли.

— Не выйдут, — Чугреев скривился, почесав невидимый под одеждой шрам. — Мы к тому времени к какому-нибудь купчишке пристанем, да, Бог даст, опосля и уйдем.

— А куда мы уйдем, дядько Антипе? — вскинул глаза Федька. — Далеко, на Хлынов?

— Зачем на Хлынов? — атаман покачал головой и с неожиданной мечтательностью посмотрел на синее высокое небо с медленно плывущими облаками, похожими на клочья сахарной ваты. — Чай, и поближе ватажки